

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Противостояние

Александр Афанасьев

Противостояние

«Остеон-Групп»

2018

Афанасьев А. Н.

Противостояние / А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» ,
2018 — (Противостояние)

ISBN 978-5-85689-223-8

Действие романа А. Афанасьева происходит в некой альтернативной реальности, максимально приближенной к политической обстановке в нашем мире каких-нибудь 30 с небольшим лет тому назад. Представьте себе 1987 год, Советский Союз живет эпохой перестройки. Мирный сон советских людей бдительно охраняют погранвойска. Но где-то далеко в мире не всё ещё спокойно, и где-то наши храбрые солдаты храбро исполняют свой интернациональный долг... Однако есть на нашей планете и силы, которые мечтают нарушить хрупкое мировое равновесие. Они строят козни против первого в мире социалистического государства... Какие знакомые слова – и какие неожиданные из этого незамысловатого сюжета получаются коллизии. Противостояние нескольких иностранных разведок едва не приводит мир к глобальной катастрофе.

ISBN 978-5-85689-223-8

© Афанасьев А. Н., 2018

© «Остеон-Групп» , 2018

Содержание

Пролог. Ближнее Подмосковье. Конец ноября 1987 года	6
Часть первая. Самурай	12
Окраина Москвы. Поздняя осень 1985 года	12
Афганистан, провинция Нангархар. Джелалабад, ПВД. 22 сентября 1987 года.	17
Пакистан, район Исламабада. База ВВС Пакистана Чахлала	22
Афганистан, провинция Нангархар. Где-то в районе афгано-пакистанской границы	27
Пакистан, Пешавар. Лагерь «Барбай»	30
Караван... Афганистан, провинция Нангархар. Где-то в районе афгано-пакистанской границы	34
Пакистан, Пешавар	36
Пакистан. Зона племен, спорная территория	40
Картинки из прошлого. Высший уровень. Восточный Берлин	43
Афганистан, провинция Нангархар. Спорная территория. Где-то в районе афгано-пакистанской границы	50
Вашингтон, округ Колумбия. Центр исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди	66
Вашингтон, округ Колумбия. Белый Дом, ситуационная комната	70
Картинки из прошлого. Германская демократическая республика. Балтийское побережье, санаторий Национальной народной армии. Зима 1986 года. Заговорщики...	71
Совершенно секретно. Рассылка по списку 2. «Камнепад»	83
База ВВС США. Остров Диего-Гарсия, Индийский океан	87
Посольство СССР в Демократической республике Афганистан.	94
Кабул, бульвар Дар-уль-Аман	
Владимирская область, Александровский район. Садово-огородное товарищество	101
Кабул, бульвар Майванд	109
Картинки из прошлого. Румыния, окрестности Бухареста	112
Министерство обороны ДРА. Кабул	115
Джелалабад, провинция Нангархар. Пункт временной дислокации 154 ОБрСпн	119
Джелалабад, провинция Нангархар. Дорога на Пешавар	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Александр Афанасьев

Противостояние

© А.Афанасьев. 2018 год.

* * *

*Кабы знал, кабы ведал
Тех, кто позже нас предал
Я бы свой АКС никогда, никому не сдавал...*

А. Розенбаум

Сегодня всему миру нужен порядок. Если не прежний двухполярный мир, то хотя бы относительный порядок. И мы воссоздаем новый мир, полковник Караев. Если не тот мир, который мы потеряли, то хотя бы тот мир, в котором мы хотели бы жить...

Ч. Абдуллаев «Хранители холода»

Пролог. Ближнее Подмосковье. Конец ноября 1987 года

И ты, сын его Вальтасар не смирил сердца своего, хотя знал все это, но вознесся против Господа небес, и сосуды дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые не видят, не слышат, не разумеют; а Бога, в руке которого дыхание твоё и у которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от Него кисть руки и начертано это писание. И вот что начертано: мене, мене, текел, перес. А вот и значение слов: Мене – исчислил Бог царствие твоё и положил конец ему; Текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес – разделено царство твоё и дано мидянам и персам.

Дан., 5, 22-25

Аэропорт «Внуково» базируется очень удачно – как раз в развилке, между Киевским и Минским шоссе и ширина этой развилки – примерно шесть – семь километров. По центру этой развилки проходит также старое, Боровское шоссе, обнимающее территорию Внуково и ведущее дальше, к знаменитому писательскому поселку Переделкино, а оттуда – к недавно отстроенной МКАД. Раньше это шоссе считалось чуть ли не стратегическим, сейчас же оно потеряло свое значение – обычная дорога между Минским и Киевским шоссе, которым пользуются дачники, также и те, кто знают местность и не хотят стоять в заторах. Заторы были и тогда, хотя на порядок меньше...

Небольшой, темно-зеленый, отчаянно завывающий не совсем исправной коробкой передаточной УАЗ – буханка свернул с «Минки» в районе Ямищево, довольно бодро покатил по направлению к Зайцево, с ходу преодолевая нанесенные на дорогу за ночь снежные заструги – снег в этом году рано выпал, и сразу много. Вообще-то заструги эти скопились не только за ночь – дорога вела только к дачным участкам, ее и не чистили всю зиму или чистили один-два раза. Но у этого УАЗа, помимо кучи недостатков было и одно неоспоримое достоинство. То, что для другой, обычной машины считалось непроходимым препятствием, для «буханки» являлось легким недоразумением, ради которого не стоило даже подключать полный привод. Номера на «буханке» были короткие, армейские...

Вел машину среднего роста, крепкий на вид старший лейтенант в замызганном зимнем обмундировании, судя по погонам и нарукавному знаку принадлежащий к доблестным войскам связи. У этого лейтенанта были документы на имя Александра Александровича Морозова, выправленные как положено, и даже если бы при проверке кто-то решил позвонить в часть, где служил старший лейтенант Морозов – там ему подтвердили бы на коммутаторе, что старший лейтенант Морозов действительно проходит службу в этой части. С рулем старший лейтенант Морозов обращался довольно умело, зря не газовал и машину берег...

В кузове, сидя на каких-то ящиках и оборудовании непонятного назначения трясся еще один человек, судя по погонам – прапорщик. Чуть постарше на вид, намного здоровее телосложением, аккуратные усики, измазанные солидолом руки – все говорило о том, что перед вами «рабочая скотинка» Советской Армии, человек, который не геройствует, а день изо дня нудно тянет лямку опостылевшей службы. Сейчас прапор смолит сигарету без фильтра, а на его лице застыло выражение – «да пошли вы все!». Документы – на имя Павловского Петра Ивановича – у него тоже были в порядке.

И, тем не менее – кое-что примечательное в их внешнем облике было, то, что невозможно убрать никакой маскировкой. И старший лейтенант, и прапорщик выделялись особым, «афганским» загаром – не мимолетным, которым приобретают на пляже – а долгим, въедающимся в кожу, делающим ее дубовой, а человека с таким загаром – похожим на индейца – Чингачгука. Такой загар не сходит долгими месяцами...

Оружия на первый взгляд не было ни у одного из них – ни у старлея, ни у прапорщика. Но это – опять-таки на первый взгляд. Старлей был вооружен пистолетом ПБ, искусно спрятанным под водительским сидением и замаскированным тряпьем, для того, чтобы пустить его в ход, нужна была секунда-две, не более. Прапор же был вооружен куда более солидно – прямо под рукой, тоже спрятанный в тряпье ждал своего часа пистолет АПБ – «Стечкин» с проводочным прикладом и накрученным на него массивным, едва ли не длиннее самого пистолета глушителем. Еще чуть дальше, чуть более надежно припрятанный, дожидался своей очереди автомат АКМС с накрученным на него глушителем ПБС и специальным бесшумным гранатометом «Канарейка». Все это оружие числилось списанным на боевые потери в Демократической республике Афганистан, равно как и многое другое. В Афганистане вообще много что списывалось, включая даже то, чего в Афганистане и не бывало никогда. Но это оружие не попало на пакистанские рынки, в личную охрану одного из главарей афганской вооруженной оппозиции или в загребушие руки вороватых интендантов – оно было здесь, в Подмоскovie, в руках людей, которые прекрасно умели им пользоваться. Эти двое, старлей и прапор – кстати, это были их настоящие звания, хотя службу они проходили не в войсках связи, а в войсках специального назначения – при внезапном нападении, да с таким оружием могли в считанные секунды положить каждый по отделению противника...

Было в этом УАЗе и более грозное оружие, заваленное ящиками с оборудованием – потому что его немедленное использование не предусматривалось. Длинные зеленые ящики, с маркировкой латиницей, а в них – длинные, длиной больше метра толстые зеленые трубы, с характерными складными решетками у их раструба и неудобной рукояткой. Эти три ящика захватили в числе прочих трофеев всего две недели назад, в ходе отчаянного рейда пятнадцатой, Джелалабадской бригады спецназа на один из укрепленных районов моджахедов у самой афгано-пакистанской границы. В последнее время многие трофеи из числа захваченных не описывались как положено, не сдавались в особый отдел – а тайно, рейсами военно-транспортной авиации переправлялись в Союз, складировались в ожидании «часа Ч». В число их попали и эти «Стингеры».

На самом деле, использование «Стингеров» в акции было совсем не обязательным. Можно было взять советские ПЗРК «Стрела» или «Игла», последние модели которых по тактико-техническим характеристикам превосходили хваленый американский «Стингер». Где взять? Да проще некуда – такие ПЗРК входят в комплект поставки каждого бронетранспортера, вскрыть БТР служивому человеку – проще простого. Старший лейтенант до отправки в Афганистан служил совсем недалеко отсюда, в воинской части расположенной под Балашихой, знал ее как свои пять пальцев и проблемы с тем, чтобы тайно проникнуть на ее территорию, взять несколько ПЗРК и так же тайно уйти не возникало. Но такой вариант раздобыть ПЗРК отвергли по трем причинам. Первая – хоть какая-то ниточка к исполнителям все же вела – тихо проникнуть на территорию особо режимной части, в машинный парк, тихо взять ПЗРК и незаметным уйти мог лишь человек, служивший в войсках специального назначения, причем – в этой самой части, знающий систему ее охраны. Вторая – в этой части служили люди, которых старший лейтенант знал, вместе с ними служил, уважал и подставлять не хотел даже ради того дела, которое они задумали. Ну и третья – в том, что будут использованы именно американские, а не наши ПЗРК старший лейтенант видел какой-то знак. Некую высшую справедливость...

Проехали Зайцево, по проезду пересекли железнодорожные пути, у Кокошкино повернули к поселку Толстопальцево. Аэропорт был впереди справа, километрах в четырех, отдаленный шум реактивных двигателей доносился и сюда...

Проехав немного на Толстопальцево, УАЗ свернул на совсем нечищеную от снега проселочную дорогу на Марушкино – там можно было такими же проселками выбраться на Боровское шоссе. Проехал несколько десятков метров, остановился у обочины.

Причиной, почему до позиции добирались именно этим путем, было то, что на Киевском шоссе свирепствовали ГАИшники, более того – были там и скрытые посты «девятки», Девятого управления КГБ, занимавшегося охраной государственных и партийных деятелей Советской империи. Если ГАИшникам достаточно было показать права с красной полосой наискось – «без права проверки» – то «девятчикам» могло не хватить и этого. Стрельба означала провал акции и гибель невинных людей, чего оба спецназовца старались избежать. Полностью избежать не удастся, но и валить направо – налево всех, кто на пути попался нельзя, так только подонки поступают. Поэтому и выбрали альтернативный, более сложный путь. Однако, на всем его протяжении – а они проехали от места ночной лежки до исходной точки более тридцати километров – им не понадобились даже права...

Старший лейтенант выпрыгнул из машины, прошелся, разминаясь и потягиваясь всем телом, зорко смотря по сторонам. Они были здесь несколько дней назад, прикинувшись просто прохожими, гражданскими – без оружия и с другими документами – присматривали позиции. Присмотрели в самом Постниково – это был дачный поселок, дома здесь покупали горожане и на зиму он вымирал – не оставалось здесь даже сторожа. Выбрав позиции – три, на всякий случай – в следующий заход они закинули сюда три комплекта зимней маскировочной сети, сложили ее так, чтобы не бросалась в глаза. Если даже приедет зимой хозяин на свой дачный участок, найдет чужую, брошенную вещь – так обрадуется и перепрычет, а в милицию не побегит...

Осмотревшись, старший лейтенант вернулся в машину, коротко бросил: «Чисто».

Машину он загнали в третий по счету дом от дороги, во двор – очень удачно два пустых дома стояли, между ними поставить машину, накрыть маскировкой – даже с вертолета при облете не разглядишь. За этим местом спецназовцы наблюдали дважды, никаких облетов или других режимных мероприятий не заметили – но это не значило, что можно расслабиться. У старлей было два с половиной года афганского стажа, у прапора – почти три, и оставались они в живых до сих пор только потому, что были очень, очень осторожны...

Время пришло...

Отодвинув в угол все связистское снаряжение, они достали ящики. Старлей уже открыто вооружился АКМС и ПБ, прапор – привычным для него АПБ, ящики они вскрыли, достали ракетные установки. Им нужны были только две – но вскрыли они и третий ящик, на всякий случай. Прапор сноровисто поставил на путях вероятного приближения противника несколько растяжек – на случай, если пойдет не так и все это – ловушка. Вместе с ракетами оба спецназовца отошли в тень небольшого сарайчика, старший посмотрел на часы – время еще было...

– Ник... – прервал молчание прапор.

– Ну?

– Ты понимаешь, что нам все равно не жить? Сделаем мы или нет – нам все равно не жить? Что свои, что чужие – должны нас убрать – таковы правила...

– Ну, это еще бабушка надвое сказала ... – весело, скрывая за напускной беззаботностью гнетущее напряжение ответил старлей – помнишь Чирчик? Что нам говорил инструктор по выживанию старший прапорщик Забродин? Даже если ты висишь над пропастью и держишься за ветку – все равно шанс есть. Может, сейчас случится землетрясение, и дно пропасти поднимется до твоего уровня? У нас нет сейчас своих, вокруг только чужие...

– А старшой? – даже здесь, где на сто метров ни одной живой души, прапорщик не произнес имя их командира.

– Старшой... Не знаю... Я не доверяю и ему, сам понимаешь – почему. Но то, что мы должны сделать – мы сделаем... Когда стрелять будешь – очки не забудь и дыхание удержи – там выхлоп ядовитый¹.

– Без сопливых...

* * *

Самолет появился точно по графику – в семнадцать пятнадцать, когда почти уже стемнело. Что и неудивительно – в правительственном авиаотряде такого понятия, как «задержка рейса» не было. Это была стройная, серебристая птица с четырьмя двигателями у хвоста – дальнемагистральный лайнер Ил-62, она поднималась по крутой траектории к небу, оставляя за собой след отработанного топлива. Ее никто не прикрывал – в Афганистане каждый садящийся или взлетающий транспортник прикрывают вертолеты Ми-24, щедро расстреливающие тепловые ловушки и готовые в считанные секунды наспиговать сталью то место, откуда посмеет выстрелить дух-зенитчик. Здесь же был не опаленный многолетней войной Афганистан – здесь было тихое зимнее подмосковное утро, было самое начало зимы – и воздух был свеж и прозрачен, а война покинула эти места несколько десятилетий назад...

* * *

Дальнейшее – если бы кому-нибудь довелось это наблюдать – шокировало своей чумной простотой и обыденностью. Первым, выбежав на открытое место и задрав жерло ПЗРК к небу, выстрелил старлей. Он заранее разложил решетки системы обнаружения цели, вскинув ракетную установку, нацелился на идущий бортом к нему самолет и почти сразу услышал басовитый сигнал – «цель захвачена». Дурниной взревел гироскоп. Нажал на спуск – и почувствовал, как ракетная установка на плече сильно дернулась, взорвалась катапульта, выбрасывая упакованную в толстый стальной карандаш ракеты *неотвратимую смерть*. Ракета вылетела из установки, пролетела несколько метров, замерла, будто не зная, что делать дальше – но сомнение продлилось секунду не больше. Лисий хвост пламени из сопла включившегося ракетного двигателя полоснул морозный воздух – и ракета пошла, словно гончая по кровавому следу, споро догоняя самолет, целясь по струям раскаленного воздуха, испускаемых всеми четырьмя его двигателями. Выскочив с другой стороны сарая, по той же цели выстрелил прапор...

Надо было уходить, основным путем отхода была находящаяся в паре километров отсюда железнодорожная станция – но старший лейтенант как зачарованный стоял и смотрел в небо. Серебристая птица стремилась к небесам, обе ракеты догоняли ее. Потом синхронная вспышка у хвоста, какие-то несколько секунд самолет летел, как ни в чем не бывало – но потом запылал – это было видно даже с земли – один двигатель, потом второй – ракеты поразили двигатели с обеих сторон и самолет был обречен. Какое-то время – пару десятков секунд, не больше – он еще пытался держаться в воздухе, было видно, что опытный экипаж делает все, чтобы спасти машину – а потом он резко клюнул носом, заваливаясь на правое крыло и свалился в крутое пикирование, уже неуправляемый...

Прапор, уже бросивший пустую трубу ПЗРК толкнул старлея кулаком в плечо...

– Что встал, уходим!

¹ это действительно так, топливо ракет ПЗРК дает ядовитый выхлоп.

* * *

Газета «Правда»

20 ноября 1987 года на пятьдесят седьмом году жизни после тяжелой, непродолжительной болезни скончался Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев.

Перестало биться сердце выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения. Вся жизнь и деятельность Михаила Сергеевича Горбачева отданы беззаветному служению делу партии и народа, борьбе за укрепление экономического и оборонного могущества Родины, повышение благосостояния советских людей, за всестороннее совершенствование нашего социалистического общества, за сохранение и упрочение мира на земле.

Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьянина.

Вскоре после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в возрасте 15 лет он начал свою трудовую деятельность. Работал механизатором машинно-тракторной станции. В 1952 году вступил в члены КПСС. В 1955 году окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (юридический факультет), а в 1967 году – Ставропольский сельскохозяйственный институт, получив специальность ученого агронома-экономиста.

С 1955 года М.С. Горбачев – на комсомольской и партийной работе. Работает в Ставропольском крае: первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем вторым и первым секретарем крайкома комсомола.

В марте 1962 года М.С. Горбачев был выдвинут парторгом Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления, а в декабре того же года утвержден заведующим отделом партийных органов крайкома КПСС.

В сентябре 1966 года он избирается первым секретарем Ставропольского горкома партии. С августа 1968 года М.С. Горбачев работает вторым секретарем, а в апреле 1970 года избирается первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

М.С. Горбачев – член Центрального Комитета КПСС с 1971 года. Был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов партий. В 1978 году избран секретарем ЦК КПСС, в 1979 году – кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1980 года М.С. Горбачев переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 8-10-го созывов, Депутат Верховного Совета РСФСР 10-го созыва.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М.С. Горбачев был награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

М.С. Горбачев пользовался глубоким уважением и доверием советского народа, наших зарубежных друзей. Его всегда отличали чуткое отношение к нуждам и запросам трудящихся, принципиальность и личная скромность.

Вся жизнь Михаила Сергеевича Горбачева – яркий пример непоколебимой преданности великому делу ленинской партии, самоотверженного труда во имя торжества идеалов коммунизма.

Светлая память о Михаиле Сергеевиче Горбачеве навсегда сохранится в сердцах коммунистов, всех советских людей.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Часть первая. Самураи

В прошлом году я ездил на место казни в Касэ, чтобы попробовать себя в обезглавливании и нашел свою поездку очень поучительной. Если ты думаешь, что участие в казни может лишить тебя спокойствия, ты становишься трусом.

Харагурэ. «Сокрытое в листве»

Окраина Москвы. Поздняя осень 1985 года

Начинался ноябрь, последний месяц осени, а зима все не наступала. Солнце уже проиграло свою битву, оно и почти не показывалось над землей, а если и показывалось – то ненадолго, спешило сразу спрятаться за сырыми, исполненными холодной моросью тучами. Ветер давно ободрал с деревьев все листья, устелив землю мокрым золотистым ковром – и деревья стояли мрачными черными великанами в ожидании зимы, в ожидании первого снега. Но снег не приходил – зато почти каждый день небо исходило противной мелкой моросью...

Эта встреча была мимолетной – всего пара десятков минут – хотя обе стороны готовились к ней целый месяц. Сложно было даже договориться о встрече, слишком велико было недоверие, слишком давил накопленный груз взаимных претензий и обид. Эти люди клялись в верности одному и тому же, жили в одной стране, и даже делали одно и то же дело – на бумаге. Вот только пропасть, разделявшая их, делавшая их врагами с каждым годом все ширилась и ширилась, и не счесть уже было людей – и с той и с другой стороны – которых эта пропасть поглотила. Достаточно было сделать один неосторожный шаг – и пропасть ждала тебя...

Правда, сейчас было уже не до разногласий. Верней, многие и с той и с другой стороны еще жили этой враждой, увлеченно подставляя и топя друг друга – но здравомыслящие люди и с той и с другой стороны понимали – если это не прекратить – следующей жертвой пропасти станут они сами...

Среднего роста, удивительно загорелый для этого времени года, с резкими чертами лица человек, с трехдневной щетиной на лице – ее он отращивал специально, и сейчас она буквально выводила его из себя, с ней он был сам не свой – вышел из проходного двора, подошел к светофору на перекрестке, огляделся по сторонам. На светофоре горел зеленый – но улица была почти пустой. И как ей не быть пустой – с одной стороны пространство только застраивалось безликими многоэтажками – муравейниками, а с другой стороны дороги непоколебимо зеленел забор очередного «номерного» завода с колючей проволокой поверх.

Человек подождал, пока зеленый не сменится красным, а потом красный – зеленым, он спокойно стоял на самом краю грязного тротуара и чего-то ждал. И только когда из близко расположенных ворот «почтового ящика» один за другим выехали два старых, темно-зеленых Зилка – он бросился через дорогу, топая прямо по раскинувшимся на ухабистом асфальте лужам и прямо перед капотами машин. Водитель головного Зила был вынужден экстренно затормозить, чтобы не сбить этого человека...

– Коз-з-ел!!! – возмущение работяги было так велико, что он не усидел в кабине и выскочил, чтобы разобраться с придурком, лезущим прямо под колеса. Но разобраться не успел – человек оказался проворным и почти сразу юркнул в калитку ворот, из которых только что выехали Зилы.

– Не ну не козел ли, а?! Он, значит, под колеса лезет, а я отвечай?! Чтoб у него на лбу х... вырос!!!

С остановившейся позади первой второй машины вышел водитель – такой же невзрачный, небритый, похмельный...

– Слушай, Вась... А он ведь на наш завод... Ты его раньше видел?

– Не... Ну не козел ли а... – праведный гнев пострадавшего постепенно угасал, меняясь более насущными заботами – ладно, х... с ним. На заводе встречу – пришибу. Поехали, на погрузку опоздаем, опять стоять придется...

* * *

Человек, который только что чуть не спровоцировал дорожно-транспортное происшествие, юркнул в ворота – там кроме выезда для машин – как полагается на советском заводе, со смотровой платформой, чтобы можно было посмотреть, что в кузове (тащить все, что плохо лежит это не мешало), была еще и запасная проходная. Одна из трех – на один поток, с хромированной вертушкой и вредной седой бабкой из ВОХРа, у которой на поясе висела брезентовая кобура с дореволюционным наганом, и которая славилась среди вахтеров умением определить, выпивший человек идет или нет, даже особо не принохиваясь. Именно поэтому, среди всех проходных эта пользовалась дурной славой и многие сотрудники «почтового ящика» обходили ее десятой дорогой.

Человек озабоченно осмотрел плащ – не забрызгал ли, когда перебежал через дорогу – потом достал из внутреннего кармана пропуск – обложенный в красные пластиковые корочки, точно такие же, в какие граждане вкладывают свои месячные проездные билеты на транспорт. Красные корочки говорили вахтеру о том, что перед ним – человек из руководства завода и особо придирается к нему не следовало. Тем не менее, пропуск был внимательно изучен, старуха даже обратила внимание на наличие на пропуске специального условного знака, свидетельствовавшего о том, что подателю сего разрешен вход и выход на завод в любое время, а не только вход в восемь, а выход в семнадцать ноль-ноль, как обычным работягам. Хотя уж у начальствующего состава такая отметка должна была быть по определению...

– Что-то я вас раньше не видела, молодой человек – подслеповато уставилась на него старуха, хотя «молодому человеку» было явно за сорок, и вида он был начальственного.

– Я только вчера устроился... – пресек дальнейшие вопросы человек, мол – новенький и баста.

Не говоря ни слова, старуха вернула ему пропуск, нажала педаль на полу, освобождающую механизм турникета и дающую человеку пройти на завод. Человек аккуратно спрятал пропуск туда же, откуда взял, огляделся. Здесь он был больше года назад, но изменилось здесь мало. Вон, столовая, десять лет назад построена, отдельно стоящее на обширной территории двухэтажное здание из белого кирпича, которое окружали втоптаные газоны с остатками цветника и морем окурков. Ходившие сюда пообедать работяги машиностроительного завода куртуазностью манер не отличались...

Уверенным шагом человек направился к столовой, про себя подметив, что такая вот вредная, старая дотошная бабка порой опаснее десятка охранников с автоматами и собаками. Опасения вахтерши были не беспочвенными, на этом заводе он никогда не работал, а пропуск ему сделал пару лет назад его одноклассник по училищу, который уселся на теплое местечко – возглавлял военприемку на заводе. Сделал неофициально, по дружбе и за ящик коньяка, а не по начальственному приказу сверху – поэтому отследить наличие этого пропуска и связать пропуск с *ним* не представлялось возможным. Именно поэтому человек назначил встречу такой важности здесь, не в городе. Любой чужой человек на заводе был как на ладони...

В помещении столовой подувал сквознячок, пахло горелым маслом и почему-то квашеной капустой. Гардеробщицы в гардеробе, конечно же, не было, плащ посетителя вешали сами и сами брали номерки – а вот остается ли он на своем месте, к тому моменту как чело-

век покушает и придет его забирать – это большой вопрос. Предупреждая людское возмущение пропажей вещей, на стене висел криво прищипленный кнопками плакат, на котором большими неровными буквами было написано «Администрация столовой ответственности за сохранность оставленных в гардеробе вещей не несет!»

Дом, милый дом... Человек этот прилетел в Союз только сегодня утром, и прилетел он из того места, где вот такая столовая, на французский ресторан ни разу не похожая, покажется раем земным. В Союзе он не был несколько месяцев...

Оставив плащ в гардеробе – под ним оказался дешевый, но чистенький костюм – человек прошел в собственно столовую. Столовая тоже была самая что ни на есть родная – с облицованным плиткой окошком, куда сдавали грязную посуду, с длинным прилавком по которому двигались подносы страждущих перекусить к кассе, с толстой, одетой в замызганный белый халат работницей столовой у кассы, на перемазанном – иначе и не скажешь – косметикой лице которой навек застыло выражение «не мешайте работать, суки!»

Человек взял пластиковый поднос, поставил на него тарелку с большой порцией макарон, какой-то подливой из овощей, видимо из подсобного хозяйства, и двумя котлетами, присовокупил к этому стакан с остывшим чаем и второй, с «компотом» – вываркой из сухофруктов. Двинулся к кассе. Расплатился мятой десятирублевкой, забрал сдачу и направился в дальний, плохо освещенный угол столовой, где за крайним столиком ковырялся в своей тарелке какой-то мужик-работяга.

– Разрешите? – человек остановился перед единственным на всю столовую занятым столиком с тем самым хмурым работягой. Основная масса рабочих уже отобедала, и в столовой был только он и еще этот человек – вдвоем веселее.

– Садитесь... – тот, второй продолжал вяло ковыряться в тарелке. Человек сел за стол, взял из розетки на столе две бумажные салфетки и расстелил их на коленях. Внимательно осмотрел блюдо, стоящее перед ним...

– В Ясенево кормят намного лучше, Константин Макарович? – тихо спросил он.

– По крайней мере, там не отравят ... сварливо, приглушенным голосом сказал второй – какого черта встречаться надо было здесь? Неужели нельзя было выбрать нормальное место?

– В нормальном месте каждый первый официант, и каждый первый швейцар упомянут о нас в отчете, которые они напишут своим кураторам – просто ответил первый.

– Этот отчет в конечном итоге попадет на стол мне же...

– Уверены? – остро взглянул первый – я вот в этом совсем не уверен. Если бы это было так – вряд ли бы вы стали договариваться о встрече со мной.

– Как дела в Афганистане? – спросил второй, пытаясь перехватить нить беседы.

– В Афганистане? Нормально дела в Афганистане! По крайней мере, там если и стреляют – так стреляют в лицо, а не в спину. В спину стреляют здесь, у нас. Впрочем, довольно, Константин Макарович. Вы просили встречи – я здесь, прилетел из Афганистана только ради нее. Излагайте, что вам нужно от нас?

– Нужно... – второй задумался, подбирая слова, потом решил рубануть сплеча, посчитав, что самый краткий путь к цели это прямая – вам не кажется, что наша вражда зашла слишком далеко?

– Вот оно что... И что же привело вас к столь разумной мысли, товарищ генерал-майор? – в голосе первого проскальзывал убийственный, ядовитый сарказм... – впрочем, можете не отвечать, я сам отвечу. Сколько человек осталось в живых из вашей пятерки, *полковник*? А?

Второй молчал.

– Давайте, посчитаем. Еще и четырех лет толком не прошло, как умер ваш Председатель. И? Козленок разбился на машине, не вписался в поворот. Пьяный, хотя в рот не брал. Манукян погиб на охоте от случайного выстрела. Петренко покончил с собой, надышался газом, не оставив даже предсмертной записки. Два года – и три смерти. Это только в вашей «пятерке», кото-

рую собирал и курировал лично Андропов. Вы не пытались выяснить, *полковник*, сколько человек осталось в живых из других пятерок? Кто следующий, *полковник*? Вы? Дроздов?

– Откуда вы про нас знаете... – в голосе всесильного генерал-майора, руководителя управления КГБ отчетливо слышался страх – откуда вы про нас все знаете...

– От верблюда! – грубо ответил первый – вы заигрались. Но профессионализма для таких игр у вас не хватает. Катастрофически! И теперь – извольте отвечать за последствия ваших игр. По крайней мере – не играть тут в игры передо мной. Не надо! Кто?

Генерал-майор, несколько лет назад, когда только начиналась разработка *плана* бывший полковником, одним из наиболее доверенных лиц Андропова поднял глаза от тарелки и столкнулся с умным и жестоким, волчьим взглядом собеседника.

– Кто? Или я уйду, и расхлебывайте дальше сами!

– Первый... – едва слышно прошептал генерал-майор.

– Нынешний?

– Да...

– Еще кто?

– Список дать?

– Не надо. И так понятно, кто еще, не надо быть Эйнштейном. На чем его взяли?

– Кого?

– Первого! Не прикидывайтесь дурачком, сделали – извольте отвечать!

– На наркоте...

– Сильно?

Теперь генерал-майор уже лопнул – информация лилась потоком...

– Не так, чтобы... Но в его положении...

– Еще на чем? Не может быть, чтобы не было заграники!

– Было... Во Франции... спекуляция, контакт с сотрудниками ЦРУ. Парижская резиден-
тура.

– На самом деле? Или нарисовали?

Генерал-майор замялся, прежде чем ответить...

– Спекуляция, на самом деле... Контакт с сотрудниками ЦРУ... В общем, немного дорисовали.

– Кто дорисовал?

Генерал молчал.

– Вы дорисовали, так ведь? Ну же, генерал, и так уже все понятно. Вы курировали пятый отдел управления «С»² ПГУ, который отвечал за Западную Европу, сидели на контрразведывательном обеспечении. Вы и дорисовали...

– Мне Председатель приказал! – внезапно окрысился Константин Макарович – вы думаете, я сам до этого додумался?

– Конечно же нет... Я вообще сомневаюсь, что вы способны сами додуматься до чего бы то ни было путного. Воистину: дурак хуже предателя!

Генерал-майор дернулся, как от пощечины.

– Списки второго этапа у вас? Кто куратор?

– Бобыкин... – произнес генерал как-то обреченно – Бобыкин куратор второго этапа. И списки – у него.

– Бобыкин... – человек с волчьими глазами произнес эту фамилию медленно, будто взвешивая на весах – Бобыкин. Поставили лису цыплят охранять...

– Что вы намерены делать?

Человек молча глядел в глаза генерала...

² Управление «С» – нелегальная разведка

– Нет... – генерал понял, понял и без слов – вы сумасшедший. Вы с ума сошли после Афгана, вы все. Этого нельзя делать, это неслыханно.

– Почему же? Ignis sanat. Огонь излечивает, не учили латынь в «вышке»³, генерал?

– Этого нельзя делать. Это же переворот. Кроме того – вас вычислят.

– Вообще то, следовало бы заставить вас самих убрать за собой, генерал. Но вы и так обосрали все что можно. А что касается «вычислят»... Знаете, самый высший пилотаж в разведке – это не вербануть человека и заставить его качать информацию для вас – а сделать так, чтобы человек делал то, что тебе нужно, и даже не подозревал о том, что работает на вас. Это – уровень, которого вам не достигнуть, ваш уровень – анекдотчиков ловить и антисоветчиков колоть. Насколько я помню, у вас хорошие отношения с Бояринцевым?

– С Бояринцевым? – не понял генерал – хорошие, и что? При чем здесь Третье управление?

– Он тоже входил в пятерку – сказал человек – только не в вашу. Договоритесь о встрече в ближайшие три дня и передайте ему привет от Михаила Михайловича, он поймет. Пока это все, что от вас требуется. Как только мне нужно будет что-то еще – я свяжусь с вами. И доешьте хотя бы котлеты. Иначе вас запомнят...

³ «Вышка» – так выпускники называют Высшую школу КГБ СССР, ныне академия ФСБ РФ

**Афганистан, провинция Нангархар.
Джелалабад, ПВД. 22 сентября 1987 года.
15-ая отдельная бригада «спецназ», 154-й отряд.
Операция «Завеса».**

Если к 1981 году стало понятно, что в Афганистане придется сражаться всерьез, без всяких скидок – то к концу восьмидесят четвертого Генеральный штаб и оперативная группа Министерства обороны пришли к выводу, что всю тактику ведения боевых действий надо менять. Кардинально.

Поводом к этому послужили все увеличивающиеся потери. 1984 год стал для Советской армии годом кровавым – в один год, выполняя свой интернациональный долг, в составе Ограниченного контингента советских войск в ДРА погибло 2283 военнослужащих. Почти 2300, цифра эта нарастала всё начало 80-х, чтобы достичь своего пика именно сейчас, в восьмидесят четвертом.

Анализ потерь показал, что увеличение численности ОКСВ ничего не даст, более того – увеличение численности группировки как раз и спровоцирует дальнейший рост потерь. Группировку надо было снабжать, снабжение – если не считать воздушного коридора, проходило колоннами по дорогам, в частности по печально известному Салангу – а это провоцировало дальнейший рост потерь. Смысла в бронетанковых частях не было вообще – бронетехники у духов не было, а наша бронетехника – мишень для фугасов и РПГ. Воевать надо было не количеством – но качеством.

Ответом стал резкий рост численности войск специального назначения и некоторые нововведения. Так, впервые в мире, опережая даже американцев, части специального назначения были подчинены отдельному оперативному командованию при штабе сороковой армии, в кодовых таблицах связи обозначенному как «Экран». Также была кардинально сменена тактика – командование поняло, что не стоит ждать, пока духи пройдут границу и растекутся по стране, где их придется выбивать поодиночке, проще охотиться на духов у самой границы, выбивать караваны. В итоге – в апреле восьмидесят четвертого началась известная «караванная» война, специальная операция по перекрытию афгано-пакистанской границы, не прекращавшаяся до самого вывода войск и известная посвященным по своему кодовому названию «Завеса».

В числе прочих, в Афганистан действовала и пятнадцатая отдельная бригада спецназначения, стоявшая на одном из самых опасных направлений – в провинции Нангархар. Вообще то раньше пятнадцатая называлась «мусбат», мусульманский батальон – и именно ее солдаты начинали эту войну – вместе с группами спецназа КГБ штурмовали дворец Амина. «Мусбат» – такое было название потому, что группы комплектовались только из солдат, призванных из Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. После штурма дворца Амина «мусбат» был выведен в Чирчик, Узбекистан – но жизнь заставила спецназовцев вновь вернуться на опаленную войной землю Афганистана. Война, которую они и начинали не отпускала от себя. В итоге, отряд вскоре вновь был введен в Афганстан – но уже с новой оргштатной структурой и новыми возможностями. А с началом операции «Завеса» сто пятьдесят четвертый отряд был переброшен в Джелалабад.

Основной задачей бригады было перекрыть движение караванам моджахедов и проникновение из Пакистана отрядов боевиков по Хайберскому проходу – древнему караванному пути из Пакистана в Афганистан, одному из немногих мест на афгано-пакистанской границе – если не считать пустыню Регистан – где тяжело груженные караваны могли пройти на афганскую землю. Для проводки караванов использовали ослов, ишаков и верблюдов, а они через горы

переправляться не могли – только здесь, только в этом месте. Вдобавок ко всему, в этом районе по обе стороны границы была создана мощная сеть укрепленных районов, включая знаменитый – «Тора-Бора», «гора воров», которую по преданиям не смог взять сам Искендер Двурогий⁴. Короче говоря – район ответственности бригады был чрезвычайно опасным. Иногда конечно помогала двадцать вторая, Лашкаргахская отдельная бригада «спецназ», еще в зоне ответственности пятнадцатой бригады из советских частей были расквартированы шестьдесят шестая отдельная мотострелковая бригада и триста тридцать пятый отдельный вертолетный полк. Но в основном – спецназу приходилось полагаться на самих себя – да на вертолетчиков...

Выход назначили на темное время – около расположения без видимой причины постоянно шлись афганцы, сменяя друг друга – явно духовская агентура, призванная предупредить своих сотоварищей о выходе спецназа на охоту. Своевременное сообщение о том, что спецназ «вышел в поле» могло спасти жизнь многим духам, несмотря на то, что батальон стоял здесь относительно недавно, про его боевые возможности знали уже многие, как по ту сторону границы, так и по эту. Из уст в уста передавались легенды – потому что правду мало кто мог рассказать, никого не оставалось в живых после встречи со спецназом на узких караванных тропках. Их называли «шурави иблис» – советские дьяволы.

Сейчас спецназ выходил на хоту для того, чтобы реализовать информацию, полученную от агента и проверенную по другим, независимым источникам – в общем, информации можно было доверять. Агент был не ХАДовский⁵, свой, прикормленный особистами – информации от него доверять было проще, чем информации, полученной от афганских друзей. Конечно, доверять в Афганистане любой информации можно было лишь относительно, для любого афганца, даже коммуниста «дух» – прежде всего соотечественник и соплеменник. Уже не раз спецназ пытались заманить в ловушку, подбрасывая дезинформацию о прохождении того или иного каравана, рассчитывая выманить спецназ в поле и устроить на него засаду. Но здесь донесшим на караван владели старые как мир чувства – жадность и зависть. На караван донес шурави один из джелалабадских дуканчиков – потому что караван был большим и смешанным, вместе с оружием везли и гражданские товары, в пропорции примерно пятьдесят на пятьдесят. А заказал эти товары в Пакистане – и уже оплатил их – старый конкурент и кровный враг того дуканчика – вот тот и решил устроить своему врагу «маленький праздник» лишив его товара.

Вместе с караваном, исполняя роль его охраны шел и отряд боевиков, подготовленный в пакистанских лагерях, курируемых ИСИ – пакистанской военной разведкой и ЦРУ США. Возглавлять отряд должен был Барьялай – старый бандитский вожак, попортивший немало крови советским и афганцам, хитрый как лис. Это был смешанный отряд из афганских беженцев и арабских наемников, появившихся здесь через «организацию содействия». ⁶ Они долго учились, они научились ненавидеть шурави, они научились убивать шурави – а теперь они должны были продемонстрировать свое умение на практике. А заодно, при переходе они решили подзаработать деньги, взяв на сопровождение довольно крупный – больше пятидесяти ишаков – караван.

На караван уходила стандартная группа – шестнадцать человек, два раза по восемь. Боевиков ожидалось в три, а то и в четыре раза больше – но это мало кого волновало, спецназ порой воевал и при раскладе «один против десятерых». Первую подгруппу вел лейтенант Николай Скворцов, вторую – прапорщик Игорь Шило, его вечный замок ⁷. Визуально они отличались весьма сильно. Интеллигентный, среднего роста – при том запросто выполняю-

⁴ Так в Афганистане величали Александра Македонского.

⁵ ХАД, Хадамат-этела-э-давлати – афганская госбезопасность, аналог КГБ

⁶ Мактаб аль-Хидмат, Организация содействия, возглавляемая Осамой Бен Ладеном, курируемая ЦРУ и службой общей разведки Саудовской Аравии (Аль-Мукхабарат Аль-Амма). После вывода советских войск из Афганистана и падения коммунистического режима Наджибуллы получила новое название – «Аль Каида».

⁷ Замок – заместитель командира.

ший норматив мастера спорта на стрельбище – лейтенант из хорошей московской семьи и его «замок» – щирый хохол, известный «залетчик»⁸ и матершинник, при том на выходе тянувший на себе ПКМ, самостоятельно перешитый под свою спину рюкзак десантника с восемью сотнями патронов в лентах и внасыпку в нем и пистолет АПБ с несколькими обоймами. При этом он ухитрялся идти быстро, бесшумно и даже не потеть при этом. Прапор Игорь Шило страдал от двух вещей – своего несдержанного характера вкупе с несдержанным языком и своей фамилии, которую в бригаде моментально превратили в боевую кличку – Шило. Шило – так на армейском жаргоне назывался спирт, который можно было раздобыть в медсанбате или у вертолетчиков, которые там им что-то должны были протирать. Протирали конечно же не спиртом – это надо было быть мазохистом чтобы тратить спирт на протирание – а выдаваемый спирт принимали вовнутрь. Фляжку со спиртом проще было спрятать – она занимала немного места, не то, что бутылка водки, которая на шестьдесят процентов обычная вода. Ну а что до того, что спиртом можно было сжечь пищевод и желудок – так у разведчиков желудки были луженые. В центре подготовки в Чирчике⁹ их учили жрать ящериц и змей – если научился есть это, то спирт уж как-нибудь проглотить...

Жратвы взяли сухпак на три дня – весьма скромно, даже рискованно, учитывая, что до засады идти целых три, а потом еще и возвращаться – но предпочли взять больше патронов. Хотя пару дней можно и вообще поголодать – в Афганистане большей проблемой была не еда а вода. И хотя здесь не пустыня Регистан, где можно было запросто помереть от жажды, есть и речки и даже реки – все равно, воды с собой взяли на все время выхода.

Вооружение группы было почти стандартным – спецназ маскировался под десант, они носили голубые береты, их официально не существовало и оружие у них должно быть точно такое же, как в десанте. Тем не менее, любой разумный командир перевооружал группу под свои надобности, понимая, что, например, одним ПКМ на шестнадцать человек много не навоеешь. Поэтому на группу из шестнадцати человек было два ПКМ, два РПК, два АКМ с ПБС, одна СВД – у командира, потому что командир в этой группе стрелял лучше всех. К трем автоматам и снайперской винтовке были ночные прицелы – мало, но большего из заведующего снабжением прапорюги вытащить не удалось. Группа и так была полностью вооружена нештатным оружием под патрон 7,62*39, потому что таким же оружием были вооружены духи, и можно было, находясь на разведвыходе пополнять боезапас с трупов. Да и вообще – новый патрон 5,45 показал себя на этой войне далеко не лучшим образом...

Выходить из расположения решили с хитростью. В расположении вышел из строя бронетранспортер, его надо было оттащить в Шамархейль, в расположение 66 ОМСБр, чтобы починить – там был рембат. Поскольку БТР своим ходом перемещаться не мог – из шестидесяти шестой прислали здоровенный тентованный КраЗ в сопровождении еще одного БТР. Ездить без сопровождения по улицам Джелалабада, тем более, когда дело к ночи идет – занятие небезопасное. Вот в кузове этого самого КраЗа и разместились уходящие на задание разведчики.

Последним в кузов забирался лейтенант, перед этим он выполнил свой традиционный ритуал – посмотрел на часы. У каждого ритуал был свой – кто-то мочился на дорогу, как космонавты, кто-то еще что. Разведчики – люди суеверные. Посмотрев на часы, лейтенант передал в кузов свою винтовку, затем забрался и сам, сразу же залег на грязный, рифленый железный пол кузова.

– Трогаем!

Кто-то саданул кулаком в кабину водителя, утробно взревел двигатель КраЗа, выпустив целый столб сизо-черного дыма. Огромная машина дернулась, сдвигая с места каличный БТР разведбата, потом пошла веселее...

⁸ Залетчик – человек, постоянно нарушающий устав и дисциплину и залетающий из-за этого на гауптвахту.

⁹ В Чирчике была учебная часть и стоял батальон спецназа. Сейчас на базе этого создан узбекский спецназ.

– Только бы Царандою¹⁰ не попасться... – приглушенным голосом выразил озабоченность кто-то.

– Царандой только днем шарится, духов боятся. Они только по пьяным – сдерживая смех, ответил другой.

– Тихо! – пристрожил свое воинство лейтенант. Хотя рев двигателя КраЗа заглушил бы и разговор в полный голос – лишний раз понапрасну он рисковать не хотел.

Шутка, связанная с Царандоем имела свою почву. Меньше недели назад царандоевцы задержали в нетрезвом состоянии за рулем кого-то из офицеров шестьдесят шестой бригады. Освободили их просто – приехали на двух БТР и БМП, направили стволы на здание в центре Джелалабада, где сидел Царандой и пошли на переговоры. Переговоры завершились за десять минут, безоговорочно в пользу шурави – но потом были последствия. Царандоевцы накатали жалобу, ушла она не куда-нибудь а в Розовый дом.¹¹ В итоге беднягу офицера посадили на губу и готовили разбирательство – за дискредитацию офицерского звания. Садиться за руль пьяным, конечно, плохо – но о том, что в Афганистане служат живые люди, у которых не железные нервы, тоже надо было думать...

Трясло на дороге нещадно – рессоры у КраЗа были дубовыми, рассчитанными на десять тонн груза в кузове и каждая яма, каждый камень на дороге разведчики чувствовали своими спинами и пятymi точками. Кое-кто подложил под спину рюкзак – хоть немного помягче – а лейтенант и вовсе сидел у самого борта на полу, держа в руках и оберегая от тряски свою СВД – снайперская винтовка была точным инструментом и тряски не терпела. В прорезях матерчатого тента кузова тоскливо догорал закат, тяжелый солярный дым просачивался в кузов – видимо где-то травил глушитель. Слезились глаза – но тент открыть было нельзя – маскировка...

– Б... да мы тут задохнемся... – закашлялся придушенно кто-то.

Лейтенант ничего не ответил – он смотрел на часы.

* * *

Высадились у самого Джелалабада, на крутом повороте, не доезжая первых постов, охраняющих въезд в город. КраЗ на несколько секунд притормозил – и с кузова как горох посыпались разведчики. Те, кто оставались в кузове бросали рюкзаки со снаряжением, те кто уже спрыгнул их ловили. Несколько секунд – и последний разведчик – им был лейтенант, спрыгнул с кузова и растворился во тьме. Еще пара секунд – и мимо прогрохотал БТР, подсвечивая дорогу совмещенным с КПВТ прожектором. Сидевшие на броне солдаты «ничего не заметили»...

– Строиться!

Секунда две – и шестнадцать теней стоят в строю, в две шеренги первая и вторая подгруппы...

– Головной дозор: Балу, Гусь, Муха! Удаление пятьдесят метров!

Трое разведчиков бесшумно нырнули в заросли....

– Замыкающий дозор: Зверь, Бай. Удаление тридцать метров. Остальные – в колонну по одному. Марш!

¹⁰ Царандой – афганская милиция, хотя скорее это внутренние войска – по характеру выполняемых задач. Впрочем, в воюющем государстве другой милиции и быть не может.

¹¹ Розовый дом – на слэнге так назывался штаб сороковой армии, он находился в доме из красного кирпича, очень редкого для Афганистана. Почему не красный – не знаю.

* * *

Для того, чтобы разведчиков не обнаружили – за ночь им предстояло пройти кишлачную зону и выйти в район кишлака Шергар – а оттуда уже уйти в горы, в горный массив Чокайбаган. При этом им нужно было миновать укрепленный район «Тангай», еще не разгромленный спецназом. Осложняло задачу большое количество кишлаков в этой зоне – пригодной для земледелия земли в Афганистане было так мало, в любом месте где она была, люди селились очень плотно. А тут еще и две реки – Кабул и Кунар, не считая более мелких горных – рай на земле, по афганским меркам. Упрощало же задачу то, что ночью афганцы спали, а не шарились по окрестностям (Аллах велел ночью спать!), а собак, способных предупредить о приближении чужаков, афганцы не держали никогда. Сказывался страх – в Коране написано, что укушенный собакой не попадает в рай. Поэтому и не было в афганских домах никогда друзей человека, способных сильно осложнить жизнь разведчикам. Еще, в кишлачной зоне не слишком стоило опасаться мин и растяжек – афганцы их не ставили боясь подорваться самим, а советская армия не хотела убивать мирных крестьян и тоже мины не ставила...

Группа шла довольно быстро – если бы не требования скрытого перемещения, они бы вообще бежали – при этом шли бесшумно. Едва слышно шуршала листва, потрескивали ветки...

– Ложись! – лейтенант первым услышал опасность...

Спецназовцы моментально нашли укрытия, залегли, направил стволы на все стороны света. Тени, еще секунду назад спородвигающиеся по едва видимой тропе, моментально превратились с бесформенные кучи на земле, готовые при малейшей опасности огрызнуться шквалом огня.

Вой, доносящийся откуда то с запада постепенно нарастал, звук гулял по долине, отражаясь от далеких горных массивов и возвращаясь обратно. К завывающему вою турбин прибавились характерные хлопающие звуки винтов...

– Мишки¹². Штуки три... – прошептал прямо на ухо подползший к лейтенанту Шило. – На охоту пошли!

– Замереть всем!

Б..., еще не хватало, чтобы караван спугнули... Мать их, летунов...

Помимо спецназовцев, караваны забивали и вертолетчики. Ходили на охоту ночью, по три вертолета и больше. Увидев караван, сбрасывали ФОТАБ¹³ – и пока маленькое полночное солнце, покачиваясь под парашютом и заливая окрестности нереальным, иссиня-белым светом опускалось на землю – вставали в круг и глушили. Глушили чаще всего из курсовых и бортовых пулеметов, иногда бортмеханик и вовсе стрелял из АК. Если встречались с сильным сопротивлением – разворачивались, заходили на цель и долбали НУРСами. Потом приземлялись для досмотра, брали трофеи – результативность охоты оценивалась, в том числе и по добытым трофеям. Ценились безоткатные орудия, разные пусковые установки для ракет, вне конкуренции были Стингеры – за захват Стингера в свое время обещали звезду Героя. Стингер захватили – но Героя не дали – у того, кто захватил, было взыскание по партийной линии...

Мишки прогрохотали почти над самой разведгруппой, разрывая ночь воем винтов, невидимые и от того более страшные. Затем шум их винтов начал удаляться, глухнуть – но лейтенант продержал группу на земле еще десять минут, прежде чем дал разрешение двигаться дальше. До каравана оставалось еще три дня – и несколько десятков километров пути.

¹² Мишка, он же Метла – Ми8 или Ми17, транспортный вертолет. Ми24, штурмовой вертолет прозывался «Крокодил» или «Полосатый», тяжелые транспортники Ми 6 и Ми26 – «Корова».

¹³ ФОТАБ – осветительная авиабомба.

Пакистан, район Исламабада. База ВВС Пакистана Чахлала

22 сентября 1986 года

Ехать пришлось долго – хотя и с относительным комфортом, на тяжелом американском джипе, не армейском, а гражданском. В последнее время такие поездки стали часты – ЦРУ не имело здесь своего авиапарка, а пакистанцы выделяли вертолеты и самолеты очень неохотно. Мало того – уже неоднократно сотрудники ЦРУ замечали, что за ними местная служба безопасности ведет слежку – во враждебной и даже нейтральной стране это было бы воспринято нормально – но в дружественном Пакистане такое отношение местных властей заставляло сильно задуматься. Генерал Мохаммед Зия Уль-Хак, военный диктатор Пакистана, зверски убивший своего предшественника, демократически избранного Али Бхутто и правящий в стране железной рукой в последнее время начал зарываться. На Пакистан и так выделялась львиная доля «черного» бюджета ЦРУ, предназначенного для борьбы с коммунистическим проникновением в разных странах мира, и это не говоря об официальной помощи, проводимой по линии как министерства обороны, так и госдепартамента США. В страну валом валили деньги – до миллиарда долларов безвозмездной помощи ежегодно только от США, поставляли новейшее оружие. В Пакистан на вооружение ВВС по бросовой цене поставили новейшие на то время F16, шли переговоры о поставках танков M1A1 Abrams – но диктатору этого было мало. На секретных переговорах в конце прошлого года он поставил перед американскими переговорщиками условие – если они желают, чтобы Пакистан и дальше боролся с СССР – Америка должна продать Пакистану ядерное оружие и средства доставки, как гарантию от удара советской армии непосредственно по пакистанской территории. А вот этого делать было категорически нельзя – поскольку обладание ядерным оружием превращает второстепенную захолустную державу, какой Пакистан и являлся, в игрока мирового уровня, способного на равных говорить с кем угодно. Американцы поставить ядерное оружие категорически отказались, в качестве компенсации предложили увеличить поставки самолетов – но этого было уже мало. В отношениях наметилось определенное похолодание...

Темно-серый джип, с наклейкой в виде американского флага на затемненном стекле лихо подрулил к КПП базы ВВС Пакистана в окрестностях Исламабада, столицы этого государства – той самой, на которой стоял и президентский C-130, предназначенный для полетов по стране. Несмотря на то, что перед постом был установлен большой плакат, на котором, в том числе и по-английски было предписано заглушить двигатель и предъявить документы, водитель Шевроле этого делать не стал. Вместо этого он трижды, громко и раздраженно просигналил.

Вышедший из бетонного здания рядом со шлагбаумом раздраженный младший офицер – невысокий, уса́тый в подражание диктатору, с белой кобурой на поясе, разглядел машину, увидел дипломатические номера и спецпропуск на лобовом стекле, раздраженно заорал на сгрудившихся рядом подчиненных, чтобы побыстрее поднимали шлагбаум. Его оторвали от сладостной дремы, разбудили – и он был эти очень недоволен.

Проехав КПП, водитель Шевроле резко свернул – раз, другой, направляясь к одной ему ведомой цели – к группе ангаров в дальнем конце базы, охраняемых переодетыми военными служащими армии США. Судя по скорости и уверенности, с какой он маневрировал, на этой базе ему уже приходилось бывать не раз.

– Слушай, Дик... – сидевший рядом с водителем здоровенный блондин, с виду типичный американец, зевнул во весь рот – какого хрена мы сюда премся? Пусть этот тип, кто бы он ни был, разъезжает на такси, если ему приспичило. Черт...

– Помолчи – раздраженно бросил водитель – Лэнгли кипятком из-за этого визита ссыт. Еще я хочу провести Рождество дома в кругу семьи и не потерплю, если какая-нибудь задница типа тебя будет вставлять мне палки в колеса! Усек?

– Окей, Окей! – блондин шутливо поднял руки, показывая, что сдается – если тебе не терпится лишний раз лизнуть начальственную задницу, я пас. Ты хоть мне скажи, что за шишка прибывает сюда, что нас за ним отправили?

– Хрен его знает. Но судя по тому, что у старика сегодня весь день работает бумагорезка, это какой-то серьезный тип. Финансовая крыса из управления, скорее всего.

– А какого хрена ему делать в Пешаваре? – не отставал блондин – ему что, не хватит Исламабада? Пусть трясет местных, какого хрена он тащится к нам?

– Боишься? – пристально взглянул водитель – лично я бы подчистил хвосты, если они у тебя есть. А они у тебя есть, я знаю это Томми. Точно знаю.

– Да пошел ты... – бросил блондин уже с ноткой раздражения в голосе.

Ангары были огорожены забором из сетки-рабицы, с кинутой поверх колючей проволокой – от воров. Преграждал въезд на особую, считающуюся американской, территорию хлипкий на вид шлагбаум, охранявшийся солдатами морской пехоты США. Здесь по сигналу проехать уже не удалось, пришлось открывать дверь и предъявлять документы. Впрочем, особого контроля тоже не было – американцев в стране было не так много и друг другу они доверяли, американец – и проезжай.

В этот день у складов было пустынно, между ними сиротливо стояли три замызганных вилочных автопогрузчика, машин тоже не было. Оживление здесь было тогда, когда сюда прилетал С130 с грузом, его разгружали, привезенное оружие и много что еще затаскивали в склад и потом его несколько дней распределяли. Вот тогда здесь было шумно илюдно – а сейчас – тихо, хотя широкие, ограждающие эту площадку от ведущей напрямую к ВПП рулежной дорожки ворота были открыты – значит, ждали самолет...

– Сколько ждать? – спросил блондин, взглянув на часы.

– Сколько надо, столько и будем ждать – отрезал тот, кто сидел за рулем, устраиваясь поудобнее...

* * *

Самолет приземлился через полчаса – обычный для этих мест, транспортный С130, в котором доставляли оружие и боеприпасы для моджахедов, они же стояли на вооружении пакистанских ВВС и уже настолько примелькались, что никто не обращал на них никакого внимания. На сей раз в самолете не было никакого груза – кроме одного пассажира, который вышел из самолета как только к ведущему в пилотскую кабину люку подставили легкий алюминиевый трап. Прибывший – почему то Дик дал ему кличку «Проф», то есть профессор профессиональное заболевание разведчиков, присваивающих в уме клички любому встреченному человеку. Проф – седовласый, полноватый господин лет шестидесяти, больше походил на профессора университета в Йелле или что-то в этом роде. Одет этот господин был в приличный, возможно даже пошитый в Лондоне костюм-двойку и черные кожаные мокасины, при себе имел дипломат и больше никаких вещей у него не было – хотя он проделал путь в добрый десяток тысяч километров и собирался здесь остаться на какое то время. Встречающим – он никак не представился, но с ним было двое охранников Секретной службы США и трое человек свиты. Маркович выбрал одного, бесцветного блондина, деятельного. Кивнул в сторону, они отошли, пока босс со свитой рассаживались по машинам.

– Ричард Маркович – подал первым руку водитель – исламабадская станция, помощник президента.

– Томас Курран – ухмыльнулся, именно ухмыльнулся, подавая руку блондин – пешаварская точка, начальник. Там в машине еще Джон Маллоун, один из моих людей.

Приехавший посмотрел сначала на Ричарда, потом на Томаса, пристально так посмотрел, напоминающе...

– Джек Строуболт. Что у нас по плану? – осведомился он.

– Вообще-то, нас подняли буквально по тревоге мистер...

– Строуболт.

– Да... точно Строуболт. Мы планировали отвезти вас в отель для начала, сэр... Карлтон вас устроит?

– Так вы не знаете, кто мы? – спросил прибывший.

– Сэр, я только что сказал – нас буквально подняли по тревоге. Мы не знали о том, что будем здесь еще два часа назад.

Прибывший кивнул на машину.

– Вон там – Док Лонг, сэр.

– Извините...

Маркович толкнул коллегу в бок и тот моментально перестроился.

– Ах, да, сэр... я вас понял. Так как начет Исламабада.

– Боюсь я бы с радостью, но...

– Вы не хотите заехать в Исламабад, сэр? – удивленно переспросил Маркович – мистер Ратледж ждет вас, он замещает мистера Томпсона, пока тот находится в Вашингтоне.

Прибывший сплюнул на землю.

– Лично я просто хотел бы оказаться как можно дальше от этой долбаной дыры, господа. Что от Исламабада, что от Пешавара. Но вот мой начальник, ему...

Профессор высунулся из машины. Махнул рукой.

– Мы теряем время, джентльмены, поехали!

Голоса у него были профессорский, поставленный. Привычный к многочасовому чтению лекций.

Сопровождающий сделал жест руками, понятный всем, кто работает на большого босса: мол, я бы решил по-другому, но у меня есть босс. Поспешил к машине...

– Пошли, чего рот разинул! – выскрикнулся Маркович.

ЦРУшники тоже прошли к своей машине. Конвой уже тронулся, им пришлось поднажать.

– Какого черта ты взбеленился? – спросил Курран – ты что, его знаешь?

– Еще бы. Этот козел прилетал в прошлом году.

Машины уже проскочили на скорости КП аэропорта и вылетели на трассу. Машина полиции, сопровождающая их, включила сирену.

– И кто он?

– Конгрессмен Соединенных Штатов.

– Конгрессмен?! Да ты издеваешься...

– Если бы... Пару лет назад наше начальство привозило его сюда, наверняка для того, чтобы вытянуть из него денежки. А теперь – если я правильно понимаю – конгрессмен желает узнать, как они потрачены.

Малкович подмигнул.

– Не вешай нос, дружище. Лично я только что сюда прибыл – так что просто намереваюсь насладиться бесплатным цирком. Только и всего...

Курран в ответ на подмигивание Марковича, помрачнел – он то здесь был уже давно и мог попасть в число тех, кого сделают крайними. Похоже, на пешаварской точке предстояли веселые деньки.

* * *

От военного аэродрома в окрестностях Исламабада, столицы страны и до цели – города Пешавар пришлось ехать на той же самой машине. Здоровенный семиместный джип Шевроле хотя и проглатывал все неровности местных дорог играючи – но выделался в местном транспортном потоке, преимущественно состоящем из разукрашенных как новогодние елки грузовиков-бубубахаек и старых автомобилей, преимущественно британских, пятидесятих шестидесятих годов выпуска, как слон в степи. Открытых вооруженных провокаций против американцев еще не было – но это не значило, что она не могла состояться сейчас. А больше провокаций следовало бояться обычного вооруженного налета с целью грабежа. Оружия в стране было много, народ жил бедно, а грабеж, тем более грабеж иностранца рассматривался не как преступление, а как достойное мужчины и заслуживающее уважения деяние...

Несмотря на то, что по дороге на базу все смеялись и шутили, сейчас в машине царило молчание. Маркович сосредоточился на дороге – дорога была скверная, еще и забитая транспортом, да еще и водители местные права большей часть покупали, а то и вовсе без прав ездили – секундного замешательства вполне могло хватить для автокатастрофы. Курран лихо-радочно вспоминал – что же он такого сделал, что на него наслали проверку из Вашингтона и в порядке ли у него дела. А дела были совсем даже не в порядке. Пешаварская станция была «боевой», то есть работала в условиях, близких к тем, в каких еще УСС¹⁴ работала в Третьем рейхе и оккупированных немцами странах. Это была даже не московская станция – московская станция работала хоть и под постоянным прессом советского КГБ – но все же в мирной и цивилизованной стране. А тут шла самая настоящая война, до нее было – пара часов пути на машине до границы. И то, что в самом Пакистане войны пока не было, не делало работу здесь менее опасной. А во время войны за каждой бумажкой не набегаешься. Ну как, скажите, оформлять выдачу денег агенту, если агент и расписки то написать не может, потому что не умеет писать? А ведь если дана команда – любое лыко в строку поставят.

Что же касается «варяга» – то он спокойно сидел на заднем сидении и рассматривал пейзажи, проносящиеся за окном – нищая, в основном вручную возделываемая земля, убогие хижины батраков – вся земля принадлежала местным феодалам, изрыгающие черный дым, еле преодолевающие подъемы бурубахайки – на грузовиках здесь ездили до тех пор, пока они не начинали разваливаться на ходу, а как начинали разваливаться – разбирали на запчасти и ставили их на другие, едва дышащие на ладан машины. За все время поездки он не произнес ни слова.

В Пешавар въехали уже когда темнело. Этот город, еще десять лет назад бывший обычным провинциальным зачуханным городишком, сейчас преображался на глазах. Он разрастался – как раковая опухоль, потому что большинство афганских беженцев – их поток не иссякал и на седьмой год жестокой войны – селились именно здесь. Он рос не только вширь, прирастал не только нищими язвами лагерей беженцев – в нем шло и вполне нормальное жилищное строительство. В этот город вкладывали деньги – американцы, делающие здесь долговременную базу для войны против СССР, представители ближневосточных государств – эти давали деньги «на джихад», на «священную войну», а одним из способов их отмыть не нарушая законов шариата, был вложить деньги в строительство, афганская диаспора, живущая сейчас в десятках государств мира. Наконец, сюда вкладывали и сами афганские беженцы – верней, наиболее обеспеченная их прослойка, которым удалось перед побегом вывести деньги из родной страны – или те, которые изначально копили «зачатку» за кордоном.

¹⁴ УСС – управление стратегических служб – предшественник ЦРУ США, расформировано в 1947 году.

Гостя устроили в самом лучшем отеле Пешавара – но он на это никак не отреагировал, даже не поблагодарил. Просто сказал, во сколько за ним завтра заехать – и отправился спать. А вот трем остальным ЦРУшникам сегодня предстояла бессонная ночь – в эту ночь они намеревались подчистить те «хвосты», которые можно подчистить за одну ночь...

Афганистан, провинция Нангархар. Где-то в районе афгано-пакистанской границы

22 сентября 1986 года

К кишлаку они вышли, когда до рассвета оставалось меньше часа – и уже подходило время искать подходящее место для дневной лежки. Перемещаться днем, без прикрытия броней и вертолетами, по кишлачной зоне и по горам – последнее дело. Нет, это не значит, что они не смогли бы отразить нападение – смогли бы, заняли бы оборону как делали это не раз и не два, дождались бы бронегруппы или вертушек. Взять спецназ непросто, даже если противник превосходит вдесятеро. Но в этом случае – оказалось бы сорванным заданием, ради которого они шли сюда, уцелел бы караван, который обещал быть весьма крупным. Поэтому, идти нужно было максимально тихо, а днем, в самое жаркое время – и вовсе по возможности залегать на лежку...

Место для лежки нашел Гусь, старший сержант Гусев. На гуся он не был похож совершенно – маленький, почти квадратный, мышцы накачаны до состояния камня. Гусь был лучшим рукопашником в группе, помимо этого очень увлекался бегом. Служивцы шутили, что если Гусю приспичит – то он и до Кабула без передыха добежит. Гусь на это только улыбался.

Место оказалось хорошим – только со змеей. Здоровенная, иссиня-черная, с серым рисунком на спинке гюрзища недовольно зашипела, увидел человека: пригелась на камне – а тут на тебе...

Гюрзу уработал тот же Гусь – можно было конечно подождать Бая, он змеелов, родился в Узбекистане... Но он шел в замыкающем дозоре, и за то время, пока он добирался бы до места, гюрза могла успеть натворить дел. Поэтому, Гусь не спеша достал из разгрузки пистолет ПБ, небрежно прицелился – и черная кровь брызнула по камням. Отстрелив змею голову, Гусь ловко подхватил свободной рукой дергающееся в конвульсиях обезглавленное тело, направил струю черной крови в рот...

– Вашу мать! – выругался Балу, самый молодой в группе – чтоб тебя! Тебе что, воды не хватает?

– Кровь змеи – это и еда и вода! Хочешь? – Гусь с усмешкой протянул обезглавленную змею Балу, тот отшатнулся...

– Давай, я тоже пить хочу – Муха перехватил тело змеи, выцедил остатки крови в рот – щас кожу снимем, ремень из нее сделаем...

– Эй, вообще-то я ее... – запротестовал Гусь.

– У тебя уже есть...

Кожу со змеи действительно сняли, аккуратно, чулком, мясо разделили на всех – приятное дополнение к надоевшему сухому пайку. От мяса не отказался никто, съели сырым, даже без соли. Кстати, не такое уж и плохое мясо, даже вкусное. Каждый сделал по два глотка воды – не больше. Курить никто и не подумал – курящих в группе не было, кто хотел служить здесь – бросал, даже если курил. На высоте и некурящему дышать тяжело...

Распределив личный состав по нарядам, лейтенант Скворцов лег и мгновенно заснул – уставшее за ночь тело требовало отдыха, а спать днем и вообще, когда выдастся для этого малейшая возможность, лейтенант давно привык...

Проснулся он примерно в час дня – когда солнце истекало жаром, словно хотело сжечь дотла и эти красивые, но опасные горы и посмевавшихся забраться сюда людей. Эта осень вообще была жаркой – не «бабье лето», а что-то совсем непотребное. Тело ныло от напряжения – но несмотря на это лейтенант чувствовал себя весьма сносно. Условным жестом руки он подозвал своего замка.

– Что?

– Все тихо... – лицом прапорщик Шило очень походил на индейца, оно было не загорелым, оно было именно красным. Все дело было в мельчайшей глиняной пыли – проклятье этих мест. Глиняная пыль была хуже песка – она ложилась на промокшую одежду, приставала к коже – и кожа начинала страшно зудеть, а ткань одежды – выполнять роль наждака. Только подготовленный человек мог это перенести...

– Духи?

– Не кажут носа. Низом два осла протопали, с грузом – но это не караван, мы даже дергаться не стали...

– Добро... Давай дрыхни...

Два осла конечно же были с тем самым грузом – наркота, оружие и все в этом роде. К 1986 году духи уже смертельно боялись влететь в засаду спецназа на караванной тропе или попасть под огонь вертолетов. Одним из нововведений, позволяющим доставлять по назначению хотя бы часть предназначенных для сопротивления грузов, было дробление караванов. У самой границы была выстроена целая сеть сильно укрепленных районов, находящихся полностью под контролем моджахедов. Караван приходил туда – и там его дробили, отправляли дальше либо по одной-две машины, либо по два-три осла или ишака. Часть конечно погибала – но часть доходила до места назначения. Но даже такие маленькие караваны гоняли ночью, опасались. А тут – днем прутся, как по проспекту. Видимо решили, что если рядом и будет засада спецназа – рядом с кишлачной зоной они не станут вступать в бой, не станут демаскировать себя всего-то из-за двух ослов. Правильно решили – но все равно при случае не мешало бы поучить наглецов...

Лейтенант Скворцов аккуратно, даже бережно проверил свою винтовку, змеей скользнул в заросли барбариса рядом с лежкой, нашел подходящую позицию – с нее простреливалась идущая ниже дорога. Взглянул на часы. До выхода часа два, самую жару они переждали. Долго сидеть тоже нехорошо – неожиданности возможны самые разные...

Мысли накатили подобно соленому валу в Крыму – на пляже, когда хороший ветер водяные валы просто сбивают с ног. Мальчишкой, лейтенант часто бывал в Крыму с родителями – и помнил этот благословенный край.

В Афганистан лейтенант Скворцов попал по собственному желанию – написал рапорт сразу, как только закончил училище, пренебрег более тихой и безопасной штабной карьерой. Он всегда, с самого детства, в любой мальчишеской кампании был заводилой, при этом и хулиганом – вожатым, например он не был ни среди пионеров, ни среди октябрят. Из спецшколы его не раз порывались выгнать – если бы не связи отца так и выгнали бы. Он рос в одном из старых, центровых, московских, воспетых Окуджавой дворикив где весной вырастали лопухи, и где мужики за самодельным столом резались в домино. Там знали всё и обо всех, там вместе праздновали все праздники и бедовали все беды, там пацаны могли запросто заскочить шумной кампанией в одну из квартир – и их бы никто не выгнал. Но в квартире они проводили немного времени – гоняли по соседним дворам, лазали по стройкам и полуразрушенным зданиям, дрались с другими такими же охламонами. Нередко попадали в милицию, многие стояли на учете – потом Скворцову это едва не закрыто доступ в Рязань, в десантное училище. Хорошо, походатайствовал тренер, мастер спорта СССР по стрельбе Павел Васильевич Кораблев. Единственный человек из взрослых, не считая родителей, которого маленький Коля – а его привели в секцию в семь лет – реально, безо всяких скидок уважал. Помог он через свои связи – служил в десанте, тренировал кое-кого. Ну, а потом – Чирчик, учебный полк – и Афган...

Пробыл в Афганистане, исполняя свой интернациональный долг, лейтенант достаточно долго, чтобы многое понять и осмыслить – но еще слишком мало, чтобы стать циником. Он не верил ни в какой интернациональный долг – даже их замполит говорил об интернациональном долге с усмешкой в голосе. Отрядный замполит у них был честный – майор Веденеев не долбал спецназовцев читкой разным материалов очередного съезда ЦК. Зато как-то раз, когда они

шли в колонне и на колонну напали – взял в руки автомат и бился рядом со своими. Здесь, в Афганистане сразу отсеивалось пустое, выявлялось лишнее, ненужное – так вот, майора все считали настоящим мужиком и настоящим офицером – без всяких скидок...

Но с другой стороны – в отличие от многих, лейтенант отлично понимал для себя – с кем и зачем они воюют. Он видел «духов», моджахедов, видел, что они творят. Например «алый тюльпан» – это когда пленного накачивают наркотиками, потом снимают кожу с груди, со спины, с подмышек – такими пластами, чтобы было похоже на лепестки цветов, распинают на кресте или просто привязывают к столбу – и оставляют в таком виде, желательно недалеко от расположения русских или на пути движения колонны. Духи не щадили своих – афганцев, которые просто хотели мирно жить и работать, они не давали им жить спокойно – нападали, грабили, убивали, издевались. Через границу шли караваны с оружием и наркотиками, не только для Афганистана – наркотики попадали и в СССР. Как-то раз им удалось захватить живым полевого командира – и перед тем, как уничтожить, они решили его допросить. Тот не стеснясь сказал, что сначала они выбьют шурави со своей земли – а потом пойдут за ними, начнут джихад и на земле самих шурави.

Вот с этим и воевал лейтенант, с этим воевали все его сослуживцы. Здесь, в этих чужих, враждебных, плюющихся пулями горах они защищали свою Родину. Скворцов чувствовал, что если дать слабинку, если уйти – пламя войны перекинется и на Советский союз. Уходить было нельзя.

И воевать так – тоже было нельзя. Никто не понимал – почему нельзя уничтожить не сами караваны – а тем места, где они формируются, почему нельзя действовать в самом Пакистане. Только когда у духов нигде не будет безопасного места, нигде они не смогут спрятаться, залечить раны, восстановить силы – только тогда можно будет говорить о том, что эта война выиграна. Только тогда!

Впрочем, наверно виднее...

Движение!

Лейтенант нарочито медленно, чтобы не выдать себя резким движением приложился к прицелу. Внизу, по узкой, каменистой тропе, на маленьком, ушастом ослике ехал дехканин. Один из местных крестьян, из кишлачной зоны, расположенной неподалеку – к гадалке не ходи. Да только вел себя этот крестьянин – весьма необычно.

Первый вопрос – куда он вообще едет вот так, на своем этом осле, подпывая его пятками? Дорога идет из кишлачной зоны в горы – что он там забыл вообще? Если бы в обратный путь ехал – еще было бы понятно, а так...

Второй вопрос – что это он так вертит головой? Не иначе ищет кого – тогда кого? Поблизости никого нет и быть не может – только заросли кустарника со змеями.

Неладное дело, неладное...

Лицо дехканина – загорелое, изъеденное морщинами – в прицеле было совсем близко – казалось, до этого старика подать рукой. Лейтенанту не понравились его глаза – внимательные, оценивающие. Он замер, боясь даже пошевелиться...

Дехканин проехал – стук копыт его ослика растворился в воздухе и только едва заметные следы на коричневом, каменистом полотне дороги говорили о том, что этот востроглазый старик не привиделся, что он реально существовал.

Если есть сомнения – сомнений нет!

Лейтенант крикнул, подражая голосу орла – общий сбор группы.

– Пять минут – уходим.

Пакистан, Пешавар. Лагерь «Барбай»

23 сентября 1986 года

Уже с самого утра Том Курран понял – что дело дрянь...

Проверка здесь уже была и Курран вообще-то ее не особо опасался. Проверки проводятся на всех станциях, время от времени и в этом нет ничего такого. Проверки бывают двух типов – контрразведывательные и финансовые. Во втором случае приезжают обычные бухгалтера, которые требуют документы о движении денежных средств на станции, сидят над ними, что-то высчитывают – а потом начинается скандал. Например, бухгалтер этот требует информацию, которая может привести к раскрытию личности твоего агента. Если ты разведчик, а не «разведчик» – ты, конечно, позаботишься о сохранении инкогнито твоего агента и пошлешь пристающего бухгалтера туда, куда и следует в таком случае посылать. Он подключает свое начальство, ты свое, часто дело доходит до уровня ЗДР¹⁵. Обычно агента удается отстоять – но и бухгалтер потом не преминет обдать тебя грязью при составлении ответа.

Контрразведывательные проверки немного другие, от контрразведчиков ты не имеешь права скрывать ничего – причем они не обязаны тебе объяснять, для чего им нужна та или иная информация. Они спрашивают – а ты отвечаешь, причем правдиво. Настоящих разведчиков, людей, реально понимающих в этой профессии подобная ситуация весьма беспокоила. Дело в том, что в любой разведке применяется принцип «достаточности информации» – то есть каждый знает только то, что ему нужно знать по работе и ничего более. Учитывая, что обычно разведка сгруппирована по территориальному признаку, даже перевербованный сотрудник не сможет выдать разведке противника всю информацию системы, он сможет сдать только агентов на своем участке работы, возможно в целом секторе если он занимает руководящую должность. И только внутренняя контрразведка знает все и может сдать абсолютно все, от и до...

Надо сказать, опасения эти были очень даже не лишены оснований. Уже тогда американская разведка переживала самый страшный провал за всю свою историю – хотя этого еще никто не знал. То один агент, то другой из числа завербованных и работающих в странах Варшавского договора, проваливались необъяснимым образом – но пока опасений это не вызывало. А стоило бы поопасаться – потому что недавно назначенный на внутреннюю контрразведку Олдридж Эймс, сын ветерана ЦРУ, человек пользовавшийся безоговорочным доверием, уже успел сдать своим кураторам в ПГУ КГБ СССР¹⁶, всю американскую агентуру в СССР и странах Варшавского договора, больше 170 человек. Сейчас в КГБ решали – кто опасен и его надо «изымать из обращения», через кого можно «гнать дезу» – в общем, делали все, чтобы защитить свой бесценный источник информации. Если разом всех арестовать – это будет означать только одно, американцы сразу все поймут.

А тут...

А тут было непонятно что.

То, что гость не станет проверять финансы, за что кстати, Курран опасался больше всего – это стало понятно практически сразу. Если бы гость хотел проверять финансы – то остался бы в Пешаваре, где хранилась документация станции, и был так называемый «представительский» офис – а не поперся бы с самого утра в «Барбай»...

¹⁵ ЗДР – обычная в ЦРУ аббревиатура, означает «заместитель директора по разведке». Должность директора ЦРУ политическая, на нее обычно назначаются люди, ничего не смыслящие в разведке – а работу за них делают именно заместители директора. Заместитель директора по разведке возглавляет аналитическую работу, а заместитель директора по операциям – оперативную.

¹⁶ ПГУ КГБ СССР – Первое главное управление КГБ СССР, советская внешняя разведка.

«Барбай» был одним из множества лагерей подготовки душманов, с виду мало чем отличавшийся от других таких же. Несколько двух и трехэтажных, обшарпанных зданий, забор с колючкой, обозначающий периметр, примитивное стрельбище с ограждением из старых автомобильных покрышек, своеобразный плац, палатки, в которых жила часть обучающихся. Такие лагеря привечали всех – и исламских фанатиков, приехавших повоевать за веру, «встать на джихад» и детей афганских беженцев, идущих в лагеря потому что нечего было есть – а то и под угрозами убить родителей, и сосланные в эти лагеря освобожденные из тюрем уголовники. Всякий люд был в лагерях, и инструкторы – американцы, пакистанцы, арабы обучали их одному – ненавидеть и убивать шурави. Немногим удастся это сделать – кого-то накроют бомбы с советских самолетов-штурмовиков, кого-то срежет очередь спецназовца, сидящего в засаде на горной тропе, кто-то сгорит в расстрелянном «крокодилами» караване. Но даже если один из десяти выполнит свою миссию, дойдет и убьет хоть одного шурави – это уже будет победа. Потому что чего-чего – а пушечного мяса в исламском мире хватает. С лихвой...

Там же, совсем рядом был и лагерь с советскими военнопленными – их иногда использовали моджахеды для отработки приемов рукопашного боя. Но в целом, пленных побаивались – после происшествия в находившемся недалеко отсюда лагере Бадабер¹⁷ даже пакистанское руководство поставило условием пребывания здесь лагерей отсутствие всяческого рода эксцессов, способных вызвать международные осложнения. Пленные жили в старых, полуразрушенных бараках – и когда машина с сотрудниками ЦРУ проезжала мимо, Маллен очень внимательно смотрел в окно – но ничего не сказал...

А еще там был рядом лагерь с беженцами – таких было много по всем, граничащим с разорванным гражданской войной Афганистаном странам. Смотреть на это было страшно – голая, каменистая, не дающая урожая земля – и на ней густо разбросаны палатки беженцев – обычные армейские брезентовые палатки, в которых жили целыми семьями, жили круглый год и холодной зимой и знойным летом. Снизу, палатки были обложены камнями, рядом со многими палатками стояли коновязи, горели костры. День за днем беженцы проводили в этих вот городках, ничего не делая – работы для них в этой стране не было никакой, они вообще никому не были нужны, кроме эмиссаров исламских экстремистских организаций, вербующих людей на джихад. Если сын или муж воюет в отрядах моджахедов – остающейся здесь семье платят небольшие, но деньги, обеспечивают продуктами. Если погиб – платят хоть и мизерную, но помощь. А иного способа выжить, прокормиться здесь не было. Так и шла эта война, не имеющая ни начала ни конца...

Для ЦРУ в лагере было отведено отдельное здание – небольшое, двухэтажное с подвалом – где были камеры для задержанных и место где их при необходимости пытали и убивали. Поскольку пытки и ликвидации официально были запрещены для сотрудников ЦРУ внутренней директивой по управлению – для них привлекали доверенных лиц из числа инструкторов. Особенно зверствовал Муса – наемник из северного Йемена. Здоровый, весивший больше ста тридцати килограммов бугай – супертяж по боксерской классификации – с наголо бритым черепом, он не просто проявлял жестокость. Он совершал самые настоящие зверства и часто сотрудникам ЦРУ приходилось его останавливать, чтобы он не убил того, кого пытается еще до того, как то расскажет все что интересует американскую разведку. Мусе должны были платить как привлеченному специалисту – но Курран эти деньги оставляя себе, потому что Муса зверствовал за бесплатно...

¹⁷ Реальный исторический факт. В лагере Бадабер произошло восстание советских военнопленных, которые два дня вели бой в полном окружении с моджахедами и частями пакистанской регулярной армии. Более того, выстрелом РПГ им удалось ранить одного из лидеров мятежников Б. Раббани. Почти все они погибли.

Охранник на воротах – одетый во все черное моджахед с автоматом – едва не согнулся пополам перед машиной американцев, но американцы не обратили на него никакого внимания – джип пропылил мимо, направляясь к «советническому» зданию...

– Сэр, мы выделили вам кабинет на втором этаже... – до приторности вежливым тоном и предупредительностью Курран попытался скрыть свой страх перед проверкой – прошу следовать за мной.

Маллен снова ничего не ответил. Он просто взял небольшой портфель, который привез с собой, выбрался из машины и молча последовал за Курраном – его это уже начинало нервировать – как нервирует висящий над головой топор – пусть и привязан, а все же...

Курран привел его в свой кабинет – угловой, на втором этаже. Его он выбирал сам – опытным путем, с этой стороны меньше дул ветер. Ветер, который так досаждал в Афганистане, досаждал и здесь – даже через закрытые створки огонь умудрялась просачиваться пыль, заставляла надсадно чихать и кашлять, скрипела на зубах. Пыль оседала на одежде, на документе – мало что могло сравниться с этим по мерзости ощущений. Кабинет, в котором было меньше пыли, чем в других – здесь, в этом захолустье был роскошью.

– Выйдите все! – приказал Маллен, как только они вошли в кабинет – все кроме мистера Куррана...

Начинается...

Сотрудники подчинились. Когда за последним захлопнулась дверь, Маллен неторопливо сел в кресло, отстегнул клапан своего портфеля, достал из него бумагу – всего один лист и молча протянул его Куррану. Томас Курран вчитался – и почувствовал как по спине поползли струйки холодного пота. Чего он только не ожидал – вплоть до приказа о собственном отстранении от должности – но только не этого.

– Сэр, это невозможно...

– Это приказ... – холодно и твердо сказал Маллен.

– Сэр, вы представляете себе всю опасность этого? На территории Афганистана базируются советские войска, в районах прохождения караванов действуют войска специального назначения – спецназ. Вы не представляете себе всю их эффективность, даже «Черные аисты»¹⁸ их боятся. Стоит только попасть в засаду спецназа на караванной тропе – и вы уже не сможете уйти.

– Это мои проблемы – коротко ответил Маллен.

– Извините, сэр, но это мои проблемы – не согласился с ним Курран – если вы погибнете или попадете в плен, с меня три шкуры спустят, потому что вы находитесь на территории, контролируемой моей станцией, и я отвечаю за вас.

Маллен невесело усмехнулся, даже оскалился.

– Есть только одна возможность это решить, а заодно и обезопасить вас. Направьте срочный запрос в Лэнгли за подтверждением моих полномочий. Если не можете сами – направьте через станцию в Исламабаде. После того, как придет ответ – мы продолжим разговор. И, чтобы не терять даром время – распорядитесь доставить мне картотеку на агентуру и ... я хочу поговорить с теми из них, кто находится рядом с этим местом. И еще списки выплат. Начнем, пожалуй с этого...

¹⁸ Черные аисты – отряды боевиков-фанатиков из стран Ближнего Востока. Отличались крайней жестокостью, целенаправленно охотились на находящиеся «в поле» группы спецназа. В отличие от всех остальных могли воевать и ночью. Возглавлял эти отряды Осама Бен Ладен.

* * *

Начальник станции в Пешаваре Томас Курран вышел из своего кабинета, провел рукой по вспотевшему лбу. Что-то подсказывало ему – что это дерьмо еще сломает ему карьеру – но послушаться прямого приказа он не мог. И решения проблемы – кроме того, что предложил этот подозрительный Маллен – не было. Оставалось только попросить Лэнгли подтвердить полномочия Маллена. И если подтверждение будет... по крайней мере он прикроет свою задницу этой бумажкой.

У одного из своих подчиненных в кабинете Курран взял бланк, наскоро набросал текст запроса. Шифровать он не мог – поэтому просто сунул бумажку себе в карман и поехал в Пешавар – его шифровальщик сидел именно там. Перед отъездом он загрузил работой сотрудников своего полевого офиса, приказав угождать этому Маллену везде и во всем. Вот будет смешно, если Лэнгли не подтвердит полномочия этого...

* * *

Ответ из Лэнгли пришел быстрее, чем Курран на то рассчитывал. Полномочия были подтверждены...

Караван... Афганистан, провинция Нангархар. Где-то в районе афгано-пакистанской границы

23 сентября 1986 года

*Караван...
Третий тост – помолчим,
кто пропал, кто пан.
Караван, караван, караван...*

Песня «дяди Саши», Александра Розенбаума, питерского врача со скорой, который не боялся – брал гитару, приезжал сюда и пел, пел для этих парней, которые здесь сражались, убивали и умирали. Его здесь уважали – как никакого другого артиста эстрады – потому что он пел для них, пел про них, пел от их имени. Они не могли выразить то, что испытывала их опаленная войной душа – и поэтому слушали «дядю Сашу», который пел за них.

Караван...

Лейтенант Скворцов – несмотря на то, что его известности среди духов, и среди самих спецназовцев пока было далеко до известности того же Григория Быкова (по кличке «Гриша Кунарский»)¹⁹ – в отряде, а особенно в его группе его уважали. Без всяких скидок уважали, несмотря на его «пиждачное»²⁰ происхождение. Частенько бывало так, что формально рулящий группой летеха²¹ только на бумаге был командиром группы – а реально командовал ею его замок – прапор или старший сержант. Здесь же, несмотря на то, что Шило был замком – дай Бог каждому такого замка – рулил группой именно лейтенант. Он был хитрым – настолько хитрым, как мог быть только опытный, прошедший не одну войну человек. Неизвестно, откуда это было во вчерашнем еще московском пацане – но это было. И потерь в группе не было именно потому, что он каждый раз располагал группу так, что духи не могли разгадать его замысел – и попадали в ловушку. Пять – семь секунд свободного огня – а большего спецназовцам и не было нужно...

Сейчас «спецы» вышли к самой границе – и Скворцов собрал всех на курултай²², чтобы изложить свой замысел. Когда же он им его изложил – даже опытные, не один год отпахавшие пузом по горам бойцы лишились дара речи...

– Ну, ты дал, старшой... – наконец его замок Шило – даже если мы выберемся из этой говнотерки живыми, в чем я сильно, кстати, сомневаюсь – нам за самовольный переход границы такой скотоклизм вставят! Усремся! Тут и погоны полетят, не то, что чего...

– А ты что, за погоны опасешься?

– Да нет. Наши-то погоны – и срывать смысла нет. А вот если у начальства сорвут – они-то на нас потом отоспятся...

– Еще кто что скажет... – лейтенант окинул взглядом бойцов – но они молча смотрели на него, подозревая, что их командир опять задумал какую то подлянку...

¹⁹ Прим автора – реальный исторический персонаж, служивший в тех краях. Отличался крайне высокой эффективностью действий и мрачным юмором. Командир 173 ООСН.

²⁰ пиждачное происхождение – то есть человек пришел в армию после военной кафедры, а не рос «от солдата».

²¹ Лейтенант.

²² Курултай – в САС это называется «китайский парламент» – сбор всех членов группы, на котором они могут обсуждать операцию и вносить предложения. Участвуют все бойцы группы, потому что важен опыт каждого. Хорошая традиция спецназа.

– Теперь смотрите... – лейтенант с улыбкой вытащил откуда то из под разгрузки нечто, напоминающее карту, но не советскую – вот эту карту на прошлой операции взяли у духов. Ни для кого не секрет, что граница между Афганистаном и Пакистаном никак не делимитирована. Да и как ее обозначишь, в горах то. Видите? Вот этот кусок местности – запомнили?

– Ну и что? – спросил Шило.

– А вот что! Теперь на афганскую карту взглянем – лейтенант достал оттуда же еще одну карту – видите. Тот же самый квадрат. Ну?

– На афганской карте он афганский, а на пакистанской – пакистанский!

– Вот именно! И какими картами будут пользоваться духи, когда погонят караван?

– Пакистанскими, естественно... Не афганскими же...

– Вот именно! Они будут здесь идти как по своей земле, особо не опасаясь засады, не опасаясь вертолетов – они прекрасно знают, что нашим метлам²³ строго-настрого запрещено пересекать нитку²⁴! Ни маскироваться, ни дробить караван они не будут – наоборот будут спешить! Тут-то мы их и возьмем за вымя! А если что – мы просто предъявим в штабе афганскую карту и скажем, что границу не переходили. Вот и все.

– Ты прикидываешь, старшой, какой это может быть караван? – после нескольких секунд молчания спросил Шило.

– А что, ты думаешь, что мы все идем на пять ослов²⁵ поохотиться? Я хочу забить большой караван, чтобы в старости было о чем вспомнить.

– Если эта старость у тебя будет... – проворчал Шило, чтобы хоть что-то сказать – как располагаемся?

– А что тут мудрить? Видишь, ущелье хорошее. Отсюда дорога – переход границы и прямой ход на Гошту – его уже восстановили и Тангай – его мы еще не грохнули. Пулеметы здесь, здесь и здесь, остальные – широким фронтом по этому вот балкону. Сюда ставим МОНку – она рубанет их по ногам, завалит весь головной дозор. После чего свободная охота. Какой бы ни был караван – здесь мы будем на пятьдесят метров выше тропы. Минируем растяжками и картошкой²⁶ осыпь – ни одна сволочь не подберется. Так и забьем.

– А вытаскивать как?

– А смысл? Посмотрим чего там ценного из легкого, все подорвем – и руки-ноги оттуда. Пришел – нагадил – отвалил. Все как всегда...

²³ Метла – слэнговое название транспортного вертолета.

²⁴ Нитка – так называли либо границу либо дорогу, в зависимости от контекста разговора.

²⁵ местный прикол. Как-то раз спецназовцам надоело сидеть в засаде и чтобы не возвращаться с пустыми руками они забили караван всего в пять ослов, еще и пустой, без оружия и наркотиков, взяв на этом четыре автомата и один пулемет. И все. Выход стал поводом для насмешек.

²⁶ Растяжка – граната с привязанной к чеке леской, это все уже знают. А картошка – это граната с выдернутой чекой, присыпанная землей или камнями так, чтобы спусковой рычаг на честном слове держался. Неосторожно ногой задел – взрыв.

Пакистан, Пешавар

23 сентября 1986 года

Барьялай был удачливым...

Удача была с ним всегда, по ней он не уступал даже легендарному Ахмад Шаху по прозвищу Масуд.²⁷ Только удачей можно было объяснить то, что в семьдесят шестом он свалился с дизентерией и не приехал в Кабул. А те, кто приехал – были расстреляны даудовской охранкой за подготовку исламистского государственного переворота. Бежать удалось тогда немногим – Раббани, Масуду... Еще ему. Он выжил и в страшные месяцы правления Амина – тогда людей хватало по одному подозрению, пытали, сбрасывали ямы с хлорной известью. Патологически жестокий и подозрительный Амин придумал новый, еще невиданный для Афганистана способ казни. Советские друзья поставляли старые самолеты Ан-12 для афганской армии – сами-то советские перевооружались на Ил-76. Вот и загружали в просторный десантный отсек «аннушки» человек семьдесят, взлетали – а потом где-нибудь над горными хребтами Гиндукуша открывали рампу. Это так и называлось – «десант». Однажды за малейшее неповиновение режиму в кишлак пришли войска, командовал которым дядя Амина – и сбросили всех мужчин – часть живых, а часть расстрелянных – в шахту. Барьялай уважал Амина – он был последним настоящим руководителем Афганистана, пусть и безбожником – не то, что сейчас. На Востоке уважают силу.

В Пакистан Барьялай попал в семьдесят девятом – первый год, когда беженцы из Афганистана хлынули в соседнюю страну не тонким ручейком – а полноводной рекой. Он уже был исламистом со стажем, полноправным членом запрещенной организации «Джаванан-и-муслимен»²⁸, по сути афганского филиала движения «Братья-мусульмане» – и поэтому довольно легко выбился в люди, стал полевым командиром. В Пакистан его отряд – тогда от больше чем ста человек в живых осталось двадцать, их сильно потрепали вертолеты и самолеты-штурмовики – вернулся четыре месяца назад. Здесь он пополнился новыми, прибывшими со всего света моджахедами, в чьих сердцах горело фанатичное желание убивать шурави, перевооружился – американцы как раз доставили новые гранатометы, автоматы АКМ египетского производства и «Стингеры» – и готов был вновь идти в бой. Сам же Барьялай наведалься в банк в Пешаваре и с удовлетворением убедился, что американцы не обманули – его счет сильно пополнился. Еще один – два выхода, и он уйдет на покой, уважаемым человеком, купит несколько лавок, возьмет себе пару молоденьких жен и проживет остаток жизни в довольстве и спокойствии.

Последний выход Барьялая в Афганистан был не таким удачным как все предыдущие, он потерял в тяжелых боях почти весь свой отряд. Вышел он, в тот проклятый поход конечно же не для того чтобы воевать с шурави – последний дурак пойдет воевать с шурави. Шурави – это настоящая армия, с танками, с пушками, с вертолетами и самолетами. Попробуешь воевать с ними в открытую – ляжешь без вариантов, тебя просто размажут по скалам, не останется даже могилы. С шурави воевали в основном наемники, да конченные фанатики, которым промыли мозги в медресе. Вот они воевали, убивали и гибли сами – тысячами. Моджахеда же ходили воевать с афганцами, многие из них афганцами не были и не испытывали никакого сожаления вырезали кишлаки – а кто-то настолько ошалел от крови, что воевал с собственным народом, с такими же афганцами как он сам. Они шли убивать, грабить, вырезать партиядра²⁹, уни-

²⁷ Масуд – счастливчик (дари).

²⁸ Джаванан-и-муслимен – мусульманская молодежь – запрещенная экстремистская организация, существовавшая в действительности. С нее по сути начиналось исламское сопротивление в Афганистане. Все – и Раббани и Хекматиар и Халес и другие прошли через нее.

²⁹ Партиядра – одной из ошибок НДПА в Афганистане было стремление установить свою власть даже там, где ее не было

чтожать учителей и врачей. Благословением Аллаха было, если на дороге попадется русский врач или учитель – за их головы платили очень много. Иногда вступали в стычки с отрядами афганской армии и царандоя – те бойцами были трусливыми... даже не трусливыми, просто многие считали грехом стрелять в своих братьев по крови. А вот прямых стычек с русскими моджахедами избегали и воевали всерьез только тогда, когда не было иного выхода, когда надо было защищать укрепленный район, когда выдалась возможность забить колонну, выпустить мины и ракетные снаряды по позициям шурави, или какое то другое дело – быстрое и относительно безопасное. Еще всерьез сражались с шурави племенные ополчения, с которыми не было договоренности о прекращении огня – но только на своей земле, и не за ислам, а за землю. В остальных случаях, столкнувшись с шурави, моджахедами предпочитали бежать.

Вся эта война держалась на деньгах – на больших деньгах, на деньгах потоком текущих из-за границы от США, Китая и богатейших стран Персидского залива. Солдат правительственной армии и Царандоя получал в месяц жалование примерно полторы тысячи афгани. А если человек вступал в отряд моджахедов – то ему сразу в качестве пособия выдавали пятьдесят-семьдесят тысяч афгани. И платили еще потом – от трех до пяти тысяч афгани зарплату. Если шурави научили тебя дефицитной специальности – снайпер, сапер, пулеметчик на крупнокалиберном пулемете – зарплата твоя будет больше в два, а то и в три раза, плюс к тебе приставят личную охрану. Специалисты, подготовленные шурави, ценились, часто моджахедами, заходя в кишлак, искали тех, кто отслужил в афганской армии и ... нет, не убивали их, а предлагали пойти к ним в отряд и зарабатывать не в пример больше, чем можно было бы заработать честным трудом. Два года отслужил в народной армии – теперь два года отслужи в исламской. Вот так, на огромных деньгах и длилась эта война ...

Барьялай понимал людей, видел их насквозь – только его звериное чутье и хитрость помогли во время его последней вылазки уцелеть. Все шло как обычно – подошли к кишлаку, через доверенных людей выяснили, есть ли тут партиядро, кто из жителей кишлака активничает, кто не ходит в мечеть, кто посматривает в сторону новой власти. А потом окружили кишлак со всех сторон – и ворвались в него...

Партиядро сумели обезвредить быстро – тот же доверенный человек перерезал телефонный провод, а дальности рации не хватало. Потом пошли на штурм. В партиядре как всегда было пять человек, одного застрелил снайпер, остальных покروшили выстрелами из гранатометов. В партиядре оказалась и женщина, над ней надругались, уже над мертвой. Потом начали судить жителей кишлака. Двоим, на кого указали, как на пособников новой власти отрезали головы и зашили во вспоротые животы. Так же поступили с учителем, которого прислали из Кабула, чтобы учить детей. Надругались над всеми детьми, которые посмели ходить в школу – и над мальчиками и над девочками. Забрали все что было ценного, при грабеже убили старика, который посмел им помешать. И ушли – до другого кишлака.

Неприятности начались в третьем кишлаке. Внедренный туда душманами агент продался ХАДу, и когда духи пришли в кишлак, успел сообщить о нападении. Кишлак они захватили, успели всласть покуражиться – а вот уйти не сумели. Как раз когда они собирались идти дальше, уже огрузившие от добычи – над кишлаком закружились в смертельном танце вертолеты.

С предателя заживо сняли кожу – а потом началась эта страшная гонка. Им повезло – афганцы решили провести операцию сами, не ставя в известность шурави – иначе, скорее всего, уйти не удалось бы никому. Высадив десант на окрестные высоты, афганцы не решились штурмовать кишлак с ходу, решили дожидаться подхода бронегруппы. Духи выиграли время,

никогда даже при короле и Дауде. С этой целью организовывались партиядра, они посылались в кишлаки и уезды, тем самым создавая фактор раздражения для местных жителей и служа мишенями для духов. Если бы была принята более разумная политика – создать несколько укрепленных районов и оттуда действовать – потерь было бы намного меньше, и среди афганцев и среди русских – а моджахедами таких успехов не достигли бы. Но даже при всем при этом моджахедами на одного убитого русского теряли двадцать-тридцать своих.

среди людей Барьялая был один очень ценный – сын мастера-кяризника, знающего все кяризы в округе. В любом кишлаке есть колодцы, прямо связанные с кяризами – человек не может существовать без воды. Вот по ним Барьялай и ушел, оставив часть группы на верную смерть за идеалы ислама. Потеряв своих людей и перебив людей Барьялая бойцы афганской армии ворвались в кишлак, слили в кяризы несколько бочек с топливом, подожгли – но было уже поздно. Барьялай ушел.

Верней, это он думал что ушел. Поняв, что произошло афганцы сообщили шурави и маневренные отряды советских войск начали операцию поиска и перехвата, стремясь отрезать группу Барьялая от границы, запереть в каком-нибудь ущелье и не спеша добить. Скорее всего, Барьялай, хитрый и жестокий бандитский вожак-басмач сумел бы уйти, ведь горы велики и сколь-либо плотно перекрыть их просто невозможно. Но, наверное, чаша терпения Аллаха переполнилась от злодеяний, совершенных во имя его и с именем его на устах бандитами Барьялая. Они не успели пройти и километра от лаза из подземного лабиринта – как прямо на них из-за горы выскочила пара вертолетов шурави...

Началась гонка. Барьялай разбил отряд на несколько мелких групп, дав задание прорываться к границе и назвав точку встречи по ту сторону. Сам пошел с меньшей из всех, всего десять человек – но десять человек самых преданных, самых опытных, прошедших с ним огонь и воду. И он шел с ними к границе, не шел – бежал, скрываясь в скалах от вертолетов, моля Аллаха чтобы его не заметили легчики барражирующих в небе штурмовиков. Он строго настрого запретил своим людям стрелять в самолеты и вертолеты, и даже в наземные отряды шурави, чтобы не выдавать себя. Все равно, сбить вертолет шурави им было нечем, а вот от ответного удара НУРСами или бомбами от них бы осталось мокрое место. Русские высаживали десанты на скалы, перекрывали заслонами известные им караванные тропы, отрезая душманов от границы. А они бежали и бежали, преследуемые шумом винтов и пулями. И снова бежали. Падали. Поднимались и бежали дальше. Но не все...

В точке встречи Барьялай ждал три дня. Вышли – всего двадцать человек. Из ста. Банда была почти уничтожена. Почти – потому что жив был сам Барьялай.

Произошедшее стало причиной того, что Барьялай решил, эта вылазка – последняя. Шурави научились воевать, среди них стало слишком мало баранов и слишком много – волков. Поэтому, с этой вылазки, с той в которую он идет сейчас, надо заработать все, что только можно.

Недавно Барьялай договорился с купцами – о том, что когда его отряд пойдет обратно – то возьмет на сопровождение караван. Довести его надо было всего до Тангая, там уже его раздробят на малые части и погонят другие люди. Но до Тангая довести его было надо – и купцы платили за это солидно. А если можно заработать денег – почему бы и не заработать. Узнав о том, что караван пойдет под охраной Барьялая, в отряде которого было под сотню моджахедов, купцы набрали аж восемьдесят ослов с товаром вместо обычных пятидесяти. Восемьдесят – это не пятьдесят, заявил им вчера Барьялай и повысил цену. Купцы согласились...

Сегодня, Барьялай собирался уже выходить – как его вызвал к себе местный резидент ЦРУ, вызвал его с самого утра, не дав нормально отдохнуть в последний спокойный день. Вообще-то Барьялай хотел его послать куда подальше – но вовремя одумался. Нельзя – американцы это деньги и оружие, без американцев шурави уже бы раскатали моджахедов в тонкий блин. У шурави – самолеты, вертолеты, танки, орудия – с голыми руками на них не пойдешь. Перестанут американцы поставлять Стингеры – и что тогда делать с советскими вертолетами? Но все равно – американцев Барьялай сильно недолюбливал.

К штаб-квартире ЦРУ – она располагалась как раз в лагере, где проходили подготовку его моджахеды – он подъехал на лошади. Автомобили Барьялай тоже не любил – а по лошади сразу можно сказать, кто ее хозяин. Вообще, в Афганистане содержать лошадь мог только очень богатый человек, обычные люди обходились осликами и ишаками. Седло на лошади Барья-

лая было изукрашено медными и даже серебряными украшениями – солидно. Соскочив с лошади, Барьялай направился к знакомой двери, твердо решив, что если ЦРУшнику что-то будет нужно-простым «спасибо» он не отделается.

Но ЦРУшник встречал его не в кабинете, как обычно – стоило только Барьялаю подойти к двери, как она распахнулась, и навстречу вышел американец. Моджахед сразу приметил, что с американцем что-то неладно...

– Как ваше здоровье, эфенди... – Барьялай лицемерно поклонился и прижал руку к груди – как семья?

– Здоровье хорошее, слава Аллаху – американца определенно что-то беспокоило – но я позвал тебя, не для того, чтобы разговаривать о здоровье – моем, твоём, моей семье. Есть дело, возможно опасное. Но я знаю, что ты, Барьялай с ним справишься...

Курран тоже имел дело с этими людьми не первый год, и знал на каких струнах и как играть. Стоит только усомниться в их достоинствах как воинов... На пулемет полезут, не задумываясь.

– Никто с ним не справится эфенди – кроме меня!

– Я так и думал. Нужно сопроводить человека. На ту сторону...

Пока Барьялай ничего серьезного не видел – ну сопроводить, так сопроводить. На ту сторону ходили часто – журналисты, сотрудники «Красного креста», наемники, разведчики, инструкторы. Дело житейское.

– Куда сопроводить?

– Тангай. Туда же, куда идешь и ты.

Барьялай не мог понять причины нервозности американца.

– Сопроводим...

Американец придвинулся ближе.

– Ты сказал. Ты не понимаешь, насколько важен этот человек? Он важен настолько, что если ты не доведешь его до Тангая – господин Хекматиар³⁰ прикажет снять кожу с тебя и со всех твоих людей. Теперь ты понимаешь, насколько это серьезно?

Давать задний ход было поздно...

– За такую работу должна быть и плата...

– Назови! – американец был не настроен шутить.

– Двадцать.

Американец поморщился. Двадцать тысяч долларов – это много, столько за перевод одного человека никогда не платили. Но – по крайней мере, этот самый Маллен не будет стоять у него над душой. Он платит за то, чтобы от него избавиться – хотя бы на время. А там...

– Согласен...

– Деньги вперед.

– Получишь сейчас же. В банке. Помни, что я тебе сказал.

Барьялай улыбнулся.

– Пусть твой человек приготовится идти. Выходим уже сегодня.

³⁰ Гульбедин Хекматиар, полевой командир, исламский экстремист из непримиримых, один из членов «Пешаварской семерки». Жив до сих пор, имеет отношение к движению «Талибан». Особо опасен.

Пакистан. Зона племен, спорная территория

24 сентября 1986 года

Место для засады было идеальным. Если бы это было в любом другом месте – лейтенант никогда бы не разместил группу здесь – как в тире, первое что приходит в голову, когда смотришь на это место – «засада». Но здесь был то ли Афганистан, то ли Пакистан – короче, для духов это была своя земля. А для них – чужая. Чужая и враждебная, где не стоило задерживаться ни одной лишней минуты.

В качестве тормоза для каравана лейтенант избрал минное поле – просто ничего другого сделать было нельзя. Если бы он поставил группу по фронту каравана, прямо на тропе – он демаскировал бы засаду и подставил бы пацанов – а этого он избегал настолько, насколько возможно. Конечно, это их земля, тут они будут гнать караван не так как в Афганистане. В Афганистане перед караваном гнали стадо животных, чтобы если тропа заминирована – животные ее бы разминировали своими ногами. В последнее время у шурави появились мины нового поколения – комплексы «Охота», различающие животных и людей и не реагирующие на животных. После того, как несколько караванов погибло на управляемых минных полях – тактику снова сменили. Теперь где были пленные и рабы – вперед гнали пленных, где таковых не было – вперед гнали женщин и детей, потому что их жизни по сравнению с жизнями мужчин мало что стоили. В итоге сейчас спецназовцы и вовсе предпочитали подрывать мины вручную там, где это было возможно.

Они расположились не так, как планировалось раньше – а на противоположном склоне, на террасе. До тропы, по которой пойдет караван было всего метров сто пятьдесят – двести. Лейтенант разбил подчиненных ему людей на две большие группы по восемь человек и разнес их по фронту более чем на двести метров. Рискованно – но в таком случае первая группа будет бить в лоб каравана, вторая – в хвост и таким образом получается что-то вроде огневых клещей. По центру же будет относительно безопасно – там они пойдут в атаку. И там их будет ждать минное поле...

Минное поле ставил старый и опытный ас, виртуоз саперного искусства, прапорщик Раденко, единственный в группе старший прапорщик. Он же был самым старшим в группе по возрасту – тридцать девять лет. Этот старый и прожженный волк войны, успевший хапнуть и Вьетнама, и в Ливане побывать, и еще черт знает где, был фанатиком минной войны. Его и сослали то в спецназ ради того, чтобы он не задалбывал командование требованиями начать тотальную минную войну, перекрыть управляемыми минными полями всю афгано-пакистанскую границу. Прапорщик Раденко вообще считал, что все остальные члены группы должны просто сопровождать его до места встречи каравана, помочь дотащить минно-взрывные средства и прикрыть его, пока тот вяжет взрывную сеть. А стрелять и смысла нет – если духи войдут на минное поле, установленное им, Раденко – то ни один из них с него не выйдет. Разведчики матерились – Раденко не знал меры и всегда брал минно-взрывные средства с запасом, «шобы було» – что добавляло по два, а то и три килограмма к их и так тяжелым рюкзакам. Но Скворцов его уважал – а остальные его уважали после того, как на одно из минных полей прапорщика влетел большой караван из десяти «Симургов».³¹ Минное поле тогда ставили долго, несколько часов и мин не пожалели. А суть была в том, что электрическая цепь автоматически замыкалась тогда, когда головная машина въезжала на обозначенный участок. К этой цепи были густо привязаны «лягухи» и МОНки³² Потом подсчитали, сколько патронов израсходо-

³¹ Симург – полноприводный пикап.

³² Лягуха – ОЗМ-72, подпрыгивает на полтора метра и взрывается, целое отделение разом лечь может. МОНка – мина направленного действия, взрывчатка и поперек нее с одной стороны – готовые осколки. Тоже подорвется – хорошего мало.

вали на то, чтобы забить караван – ровно шесть. Лейтенант прибил из СВД тех, кто еще подавал признаки жизни после подрыва и все, остальные даже не стреляли. Весь караван разом подорвался на минном поле – и сгорел дотла...

Сейчас прапорщик сидел на террасе, объясняя своим помощникам – он натренировал нескольких бойцов группы помогать ему, потому что времени в одиночку поставить минное поле не хватало. Помощниками были Шило, Бай и Грузин.

– Значит так... – прапор уже усел примерно начертить схему местности на вырванном из тетради листе и сейчас быстро расставлял пометки карандашом – вот здесь мы их стопорнем. Здесь – видишь, куст – я поставлю МОНку...

– А если головной дозор будет проверять кусты? – спросил Шило.

– На своей-то территории? – фыркнул прапор. И тем не менее, слова Шила заставили его задуматься. Он обернулся, осмотрел тропу сначала невооруженным глазом, потом в бинокль. И принял решение – другое...

– Ты прав. Тогда делаем вот что – он быстро стер ластиком несколько пометок, начертил новые – вон там вон есть валун, видите? Под него-то я и подложу «громыхалку» прямо под основание, солидно так. Сигналом к началу операции будет подрыв этой самой громыхалки. Я не я, если камень не свалится на тропу – а в нем несколько тонн. На тропе он, конечно, не удержится – но шарахнет изрядно. Дальше. Вдоль тропы с удалением десять – двадцать метров высаживаем «озимые» – в одну строчку, с интервалом метров двадцать. Это делаем я и Шило – Шило сажает «озимые», я минирую валун и присоединяюсь к Шилу. Грузин – ты с Баем отрезаешь позиции стрелков МОНками – картошку сажать не будем, смысла нет. На неизвлекаемость не ставь – если будет возможность, заберем с собой. Нам еще от хвоста отрываться.

– Типун тебе на язык, прапор... – недовольно поговорил Шило, хотя понимал, что тот прав. После того, как они нашкодничают на земле, которую пакистанцы считают своей – без хвоста не обойдется. А мины – лучший способ рубить хвост. Поэтому и осторожничают прапор – оставляет запас мин на этот самый случай, на случай хвоста.

– Типун не типун – а приступаем...

* * *

Хотя в караване и не было ни одной машины – машинами груз гоняли в пустыне Регистан, а не здесь, через горы, где иногда и баран горный не пройдет – все равно караван выглядел солидно. Очень...

Солидно он выглядел прежде всего из-за своих размеров. Восемьдесят два осла – неприхотливые, маленькие животные, способные нести столько же поклажи, сколько весят они сами. Поклажу сгружали с машин – тут же, параллельно каравану приткнулись два старых, «носовых» Мерседеса с высокими бортами. Быстро выстроив три цепочки, низкорослые беженцы – их всегда привлекали для такой вот работы, платя сущий мизер – перебрасывали из рук в руки груз, а последний упаковывал их в переметные сумы – хурджины и грузил их на ослов. В основном – одежда, трикотаж, простенькая японская бытовая техника. Это сверху, снизу, прикрыв вещами – обязательно по двадцать – тридцать килограммов героина. Белой смерти...

Похлопывая плеткой по штанине, Барьялай расхаживал перед колонной. Погода была идеальной – не холодно, не жарко и нет ветра, синее небо и желтый диск солнца над головой. Идти одно удовольствие...

Идти предстояло пешком весь маршрут отсюда и до ближайшего базового лагеря по ту сторону границы. Некоторых подвозили к самой границе – но его люди пойдут пешком. Много

молодняка, надо присмотреться, как они идут. Возможно, кого-то придется отставить здесь, в Пакистане. Сейчас его бойцы расхаживали перед караваном, важные как павлины. Кто-то смеясь проводил пальцем по горлу – показывал как он будет отрезать головы шурави.

Американец появился в последний момент – его привез Курран на своей большой, черной машине. Глядя на прикид американца, Барьялай нахмурился – вырядился как на проклятую охоту. Белый господин, мать его... Светло-серый охотничий костюм, черные очки, и как заключительный аккорд – гребаная шляпа.

– Казанзай! – позвал Барьялай одного из своих моджахедов, который знал английский язык – держись рядом со мной! Будешь переводить!

Вдвоем Барьялай и Казанзай подошли к джипу, возле которого переговаривались американцы...

– Переводи – кивнул Барьялай – я командир полка Исламской партии Афганистана Барьялай...

– Называй этого господина «мистер Джонс» – сказал Курран, господин же этот ничего не сказал, просто молча кивнул.

– Казанзай. Иди и посади этого господина на осла, который будет ехать рядом со мной.

Казанзай поклонился, прижимая руку в груди.

– Да, эфенди... Идемте со мной, эфенди...

Маллен ни слова ни говоря пошел за низкорослым афганцем. В руке у него было нечто вроде небольшой сумки или планшета.

Барьялай смерил взглядом своего куратора.

– Кто этот человек?

– Тебе следует знать только что, что тебе заплатили деньги за его переправку через границу. И тебе следует знать – что будет с тобой и с твоими людьми, если он не дойдет до Тангая. Больше тебе ничего знать не нужно.

Вожак бандитов немного подумал. Сейчас бы он скорее всего отказался – но деньги были ему уже переведены.

– Я доведу его до Тангая. Но дальше его судьба – в руках Аллаха.

Американец кивнул, подтверждая это.

– Аллах с вами.

– Да, Аллах с нами...

Картинки из прошлого. Высший уровень. Восточный Берлин

23 ноября 1985 года

Разделенная на две части великой войной Германия, помимо одной из самых охраняемых в мире границ, отделяющих немцев от немцев имела и разделенную столицу. Берлин, ставший символом двух разных Германий был разделен на две части – Западную и Восточную. Делили столицу в спешке, уже после войны, можно сказать – резали по живому. В некоторых местах получалось так что метрпоезда из восточной зоны были вынуждены проходить по территории западной – но с этим уже ничего нельзя было поделать. И конечно же, символом разделения была Берлинская стена – уродливое сооружение из опутанных колючей проволокой высоких бетонных плит, с вышками, сигнализацией, запреткой, словно старый уродливый шрам на теле великого города. Пропускные пункты – самым известным был «Чек-пойнт Чарли» – охранялись и с той и с другой стороны вооруженными, не спускающими глаз друг с друга солдатами. Берлинская стена для многих была хуже, чем стена, для многих она была приговором. Их городу, их стране, их народу³³...

В каждом секторе Берлина был свой аэропорт, свои воздушные ворота. В Восточной Германии – ГДР – был аэропорт Шонефельд, а воздушными воротами Западного Берлина был Темпельхоф, расположенный в самом центре западного сектора на нескольких гектарах драгоценной берлинской земли. И если Шонефельд был просто аэропортом – он и по размерам был небольшим, и по архитектуре больше напоминал здание кинотеатра, а не аэровокзала – то на Темпельхоф ни денег, ни места не жалели. Темпельхоф был единственными, не контролируемые восточными немцами воротами в Западный Берлин, он же был символом того, что чтобы не случилось – Западный Берлин не удастся задушить в тисках блокады. В конце сороковых Сталин уже попытался это сделать – и тогда аэропорт стал буквально дорогой жизни, до которой американцы перекинули воздушный мост, перевозя самолетами все что было нужно для жизнедеятельности города. Сейчас перспектива повторения подобного в случае серьезных осложнений была призрачной – учитывая, сколько советских и восточногерманских самолетов ждали своего часа на аэродромах – но с задачей быть символом Темпельхоф справлялся вполне.

Авиалайнер компании Кубана – довольно старый, но еще вполне рабочий четырехдвигательный Ил-62, белый, с красно-синими полосами и эмблемой авиакомпании приземлился на аэродроме Шонефельд рано утром, в восемь часов по местному времени. Самолет этот был, несмотря на ряды иллюминаторов по бортам – грузовой, кубинцы переделали в грузовой этот старый авиалайнер, переданный Советским союзом безвозмездно в порядке помощи. Здесь он появлялся каждый месяц, иногда и не по одному разу. Все дело было в том, что кубинцы закупали оружие в Восточной Германии и перевозили его таким вот сложным путем. Часть оружия была из Восточной Германии, часть же закупалась в Чехословакии. И поскольку оружие это шло на поддержку национально-освободительных движений в Латинской Америке – Советский союз категорически отказал в использовании для транзита и временного хранения своих военных баз. В последнее время Советский Союз вообще уделял большое, по мнению некоторых людей даже излишне большое внимание тому, что говорят на разных трибунах. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев наслаждался звуками своего голоса, выступая на разных трибунах, в мире поднималась волна «горбомании» – а вот с *realpolitik* дело обстояло не так радужно. И по мнению некоторых людей, как того кто прилетел

³³ *Прим. автора.* В нашем мире Берлинская стена была разрушена ликующей толпой, в основном молодежи. А теперь кто-то из немцев говорит – «Не стоило этого делать. Потому что стена защищала нас от нас же самих...»

в Восточный Берлин на этом самолете, так и тех, кто его ждал здесь – настало время вносить коррективы.

Самолет загнали в гражданский сектор аэропорта, на одну из самых дальних, прикрытых ангарами стоянок. Для экипажа, который после трансатлантического перелета нуждался в отдыхе, подогнали белый РАФик³⁴ с эмблемами аэропорта – он отвезет их в гостиницу при аэропорту, а обратно, после погрузки самолета, в рейс его поведет другой экипаж. Для пассажира же, который прилетел в Берлин не желая быть опознанным, к трапу подогнали черную Волгу ГАЗ-24 – самое престижное транспортное средство в этой стране, если не считать редкую Татра-613.

В машине было тихо, тепло, двигатель работал почти бесшумно – явно Волга обслуживалась в хорошем гараже и там же была доработана умелыми немецкими руками. Помимо пассажира – полноватого, лет пятидесяти, с аккуратными усиками и в очках, в салоне машины было еще двое – безмолвный, белобрысый водитель, мастерски управляющийся с рулем и мрачноватого вида мужчина, лысый, лет пятидесяти. Мало кто знал что этот второй, лысый был начальником отдела специальных операций в Штази³⁵ и одним из наиболее доверенных лиц ЦК СЕПГ³⁶. Его привлекли к встрече и потому, что он хорошо знал третьего участника этой встречи – русского генерала, прилетевшего рейсом военно-транспортной авиации на один из аэродромов ГВСГ³⁷. Его он знал потому, что генерал, тогда еще бывший полковником какое то время служил на базе советских войск в Фюрстенберге, а лысый представлял там интересы Штази и организовывал рабочее взаимодействие советских спецназовцев ГРУ, расквартированных там³⁸ со спецподразделениями Штази, он же организовывал слаживание и совместную боевую учебу.

За все время, пока машина мчалась по улицам Берлина ни водитель, ни пассажиры Волги не проронили ни слова. Встречающие знали гостя в лицо, гость говорил только по-испански и не знал немецкий, водитель не знал никаких других языков кроме немецкого. Испанский неплохо знал второй встречающий, лысый – равно как и пять других языков включая русский – но без надобности знание языков собеседнику он не раскрывал – иногда полезно, когда собеседник думает, что ты не знаешь его язык и разговаривает при тебе свободно.

Встреча состоялась не в здании ЦК партии, не в партийной гостинице или каком-либо другом присутственном месте – она состоялась в конспиративной квартире Штази, в одном из спальных районов Берлина. Три квартиры на пятом, последнем этаже были записаны на трех разных хозяев, какие-то люди исправно платили коммунальные платежи – но у всех этих квартир был один и тот-же хозяин – Штази. Квартиры были записаны за внешней разведкой – поэтому большую часть времени пустовали. Лишь иногда там жили перебежчики или те, кто собирался отправиться по ту сторону стены. Более того – этот дом был построен так, что с угла к нему пристроен другой дом, подъезды которого выходили на другую сторону. Поэтому, из одной из квартир блока можно было перейти через самодельную дверь в другой дом и выйти в другой двор и на другую улицу.

Поднявшись на пятый этаж – лифта в этих типовых пятиэтажках не было, лысый не стал стучать в дверь – он просто достал ключ и открыл ее. Дверь только с виду была типовая, деревянная – на самом деле под тонким слоем дерева скрывался лист стали...

³⁴ Для тех кто не помнит – была такая машина, производилась в Латвии на базе Волги. Сейчас производство, конечно же, накрылось, на месте заводских корпусов как водится, открыли торговый центр.

³⁵ Штази, Staatssicherheit – восточногерманская разведка, одна из лучших в мире, в некоторых вопросах дававшая фору даже КГБ СССР.

³⁶ ЦК СЕПГ – Центральный комитет коммунистической партии Восточной Германии

³⁷ ГВСГ – группа советских войск в Германии.

³⁸ В Фюрстенберге действительно квартировали люди из спецназа ГРУ, в НАТО их называли «Фюрстенбергские демоны».

В квартире горел свет – шторы были постоянно задернуты и даже днем, когда в квартире кто-то был – там горел свет. В квартире никого не было – ни охраны, ни obsługi. Только один человек в большой комнате – среднего роста с резкими чертами лица, в штатском, сидел в кресле и пил свежесваренный чай.

Человек встал навстречу вошедшим, протянул руку. У него был странный цвет лица – пепельно-серый, так выглядят под электрическим светом сильно загорелые люди, у которых загар въелся в кожу. Еще у него – хотя это сейчас не было видно – были странного цвета глаза, янтарно-желтого оттенка, как у волков. Из-за этого – бросающаяся примета – у него раньше были проблемы в том ведомстве, в котором он служил – там нужны были люди без примет. Безликие люди...

Первым пожал руку лысый – этого человека он узнал сразу. Он пропал из Фюрстенберга в мае восемьдесят первого – просто вылетел в Союз и не вернулся. Вместо него прислали подполковника, профессионализм которого, в отличие от желтоглазого вызывал серьезные сомнения. Подполковник большую часть своей жизни прослужил по политотделам – а теперь вот выбил назначение в Германию, на вакантную должность. Кадровик, скорее всего даже не посмотрел, куда он определяет подполковника. С ним потом намучились и советские и немцы. К его чести, своим воинствующим непрофессионализмом он не кичился, старался вреда не наносить и честно учился работать на новой должности, коли уж его на нее назначили. В Фюрстенберге он служил до сих пор и во многом уже разбирался без подсказок.

Потом пожал руку и второй гость, тот самый, что прилетел на кубинском авиалайнере – он советского генерала никогда не видел, и даже не слышал про него до последнего времени. Но сразу просек, что это за человек и кого он может представлять. В руководстве Кубы прилетевший курировал армию и спецслужбы – а поэтому умел разбираться в таких вещах.

– Для нас найдется пара чашечек чая, Владимир Дмитриевич? – спросил по-русски лысый.

– Найдется... Располагайтесь, а я пока пойду на чайник взгляну...

Желтоглазый говорил с каким то странным акцентом – хотя и был русским, в этом не было сомнений. Такое иногда бывает, когда человек учит какой-то язык и заучивает его так хорошо, что начинает на своем родном разговаривать с акцентом, присущим выученному языку...

Четвертый участник этой встречи – тоже публичный политик, на этой встрече присутствовали двое публичных политиков и двое профессиональных разведчиков – появился через десять минут. Он просто позвонил в дверь, лысый открыл ее – и среднего роста, худощавый, пожилой, седой человек зашел в квартиру. Бросил пару слов на немецком, снял плащ и повесил на вешалку, оставшись в простом, черном костюме, прошел в комнату, где уже собрались все остальные участники встречи и куда русский принес чай. Этот человек выглядел как обычный пенсионер, ушедший на пенсию с должности директора какого-нибудь народного предприятия – хотя впечатление было обманчивым. Это был сам Эрик Хонеккер, генеральный секретарь ЦК СЕПГ и глава Германской Демократической Республики.

Войдя в комнату, он первым делом поздоровался с кубинским гостем, которого сам и пригласил на эту встречу. Человек, который руководил Кубой не смог бы прилететь на встречу незамеченным – слишком заметной фигурой был Фидель Кастро Рус, и не только в политике, но и вообще, его знаменитую бороду зал весь мир. Поэтому, вместо себя он прислал своего брата и заместителя Рауля Кастро, куратора кубинской армии и кубинских спецслужб – Департамента государственной безопасности.

Что же касается третьего человека, советского участника этой встречи – выйти на него удалось с большим трудом. Помог его найти ни кто иной, как генерал Маркус Вольф, бывший руководитель Штази, имеющий обширные связи и знакомства в советских спецслужбах. Советский контактер был генерал-лейтенантом Главного разведывательного управления и, начиная

с восемьдесят второго года, не вылезал из Афганистана. Звали его по документам – Куракин. Владимир Дмитриевич Куракин, хотя, конечно же, на самом деле он был не Куракиным, не Владимиром и не Дмитриевичем. Официально он был одним из советников, на самом же деле – вместе с группой посвященных готовил к реализации особо секретный план «Камнепад» – план, предусматривающий победу в афганской войне за счет резкой дестабилизации обстановки в самом Пакистане. Этот план, о содержании которого знали не больше десяти человек, предусматривал перенос войны с территории Афганистана в пакистанскую Зону племен, практически не контролируемую Исламабадом, одновременное восстание всех проживающих в Пакистане пуштунских племен при массовой поддержке этого восстания со стороны советских и афганских властей и провозглашение на части территории Пакистана независимого государства Пуштунистан. Этот план готовился долго и тщательно, в обстановке максимальной секретности – офицеры ГРУ, под легендами торговцев, врачей, водителей проникали на территорию Пакистана, закреплялись там. Велись активные переговоры со старейшинами племен, с командирами малишей – племенного ополчения. В качестве условия получения активной советской помощи офицеры выдвигали только одно условие – пуштуны должны изгнать со своих земель боевиков вооруженной исламской оппозиции, что понаехали в Пакистан со всех уголков земного шара благодаря Организации помощи и Осаме Бен Ладену и в будущем не пускать на свои земли ни исламских экстремистов, ни американцев. Пуштунские вожди на такие условия обычно соглашались – им и самим надоел весь этот сброд на своих землях, который учит их как надо молиться Аллаху. Да и война всем порядком поднадоела, тем более что потери афганцев на порядок, если не на два превышали потери Советской Армии.

В этом и заключалась изюминка плана «Камнепад» – его авторы сталкивали лбами ранее выступавшие в единой связке пуштунский агрессивный национализм и агрессивный исламский экстремизм. Если план будет реализован – земля загорится под ногами всех иностранных боевиков, находящихся на территории Пакистана, чтобы дойти до зоны боев им сначала придется теперь преодолевать зону агрессивно настроенных к ним пуштунов, неся потери в стычках с ними. ЦРУ США больше не сможет размещать свои резидентуры на самой границе. Зашатается земля под ногами и у генерала Зия уль-Хака в Исламабаде – он пришел к власти путем государственного переворота, режим его держался на армейских штыках – а потери огромного куска территории страны ему не простит никто, даже его бывшие сослуживцы. План этот был – ни много ни мало – планом победного окончания войны в Афганистане.

План сталкивался с ожесточенным сопротивлением. Сопротивление шло как с советской, так и с афганской стороны. Афганцы справедливо опасались, что новообразованный Пуштунистан станет претендовать не только на пакистанскую, но и на афганскую часть пуштунских племенных территорий, а шурави не станут особо этому противиться. Особенно, если новообразованный Пуштунистан сразу заявит о своей просоветской и коммунистической ориентации, что было весьма вероятно. Для СССР будет даже выгодно, если на южной границе у него появится не одно, а сразу два просоветски ориентированных государства. Пример перед глазами – Северный и Южный Йемен. Если так подумать – на данный момент просоветски настроенные афганцы устроились в своей стране весьма комфортно. Советский Союз ежегодно выделял огромные фонды на помощь Афганистану, советские солдаты насмерть дрались на чужой земле, заливая кровью – своей и кровью врагов – каменистые ущелья. Иногда советская рота выполняла такую боевую задачу, которую отказывались выполнять целые афганские дивизии. Афганцы же не считали нужным даже управлять собственной страной, передоверив всю рутину советским советникам. Конец войны означал бы для них и конец той весьма выгодной жизни, которую они для себя устроили. Более того – афганские функционеры из НДПА с тревогой наблюдали за тайными переговорами советских представителей с доверенными лицами Ахмад Шаха «Масуда», действующего в Пандшерском ущелье. Каждый из них думал – что потребует

для себя Масуд за отказ от войны с шурави. Афганцы всячески вредили переговорам, устраивали провокации и диверсии – но переговоры продолжались несмотря ни на что.

Но самым неожиданным для генерала – по крайней мере, до тех пор, пока он не понял его причину – было сопротивление, которое встречали попытки завершить войну победой в некоторых кругах советской армии и спецслужб. Группа Куракина работала довольно обособлено, из интересов секретности она даже была выведена из подчинения ГРУ и подчинена Десятому управлению Генштаба, занимающемуся посылкой советских офицеров-советников в разные страны мира. Тем не менее, информация о деятельности группы просочилась-таки наружу – и начались провокации. Чего стоит дело полковника Никитченко, приговоренного к расстрелу за измену Родине. Измена выразилась в том, что под легендой вороватого тыловика он вел переговоры с людьми Масуда о прекращении огня и сотрудничестве. Полковника удалось спасти от расстрела, сменить биографию и от греха подальше отправить служить в Приволжский военный округ. Но вопросы по этой и другим провокациям остались. А генерал был не из тех, кто оставляет свои вопросы без ответа...

Сейчас генерал рисковал. В той системе координат, которую он принимал как единственно возможную, не было места для суда, неважно – гласного или нет. Решение о жизни и смерти подчиненного принимала особая коллегия, без адвокатов, прокурора и даже без присутствия обвиняемого. Доказательства вины могли быть любыми, в том числе и те, что не примет ни один суд, а приговор мог быть только один – смертная казнь. Какими либо официальными процедурами при приведении приговора в исполнение голову себе никто не морочил. Пьяный водитель на ЗИЛе, толчок в спину под колеса метро или электрички, трагически закончившая операция в больнице. Генерал сам не раз участвовал в таких коллегиях, приговаривал к смерти людей – а теперь он отчетливо осознавал, что за то, что он делает сейчас – если станет об этом известно – к смерти приговорят уже его. Несанкционированный начальством контакт с представителями чужих государств и чужих разведок... И то что государства были социалистическими – ничего не меняло, в понятиях разведслужб дружественных государств и дружественных разведок не было вообще, друг завтра мог стать злейшим врагом.

Нет, ему не было страшно. Как и средневековые самураи, он не боялся смерти. Нет, нельзя было говорить о том, что он боялся бесчестия больше смерти и все такое – любой человек, работающий в разведке, мыслит другими категориями, в его словаре нет понятия «честь». Он боялся, что его *знание*, то самое, которое заставляло его просыпаться по ночам в холодном поту, которое леденило его душу, о самое которое он собирал по крупичкам и не мог доверять ни одному человеку целиком – это знание сгинет вместе с ним.

А потом сгинет и вся страна, которой он служил, и которую он защищал. Ибо страна это, прекрасно защищенная от любого внешнего врага была беззащитна перед внутренними врагами, проникшими на самые верха власти...

Никто не решался начинать. Для всех – и для Рауля Кастро и для Эрика Хонеккера и для генерала Куракина было безумно сложно начать этот разговор, возможно для Хонеккера и Кастро еще тяжелее чем для Куракина. Ведь Союз Советских Социалистических Республик был солнцем во вселенной, где находилось место и для Кубы и для ГДР и для многих других стран, отринувших капитализм и угнетение. Признать те сведения, которые привез с собой Рауль Кастро в тонкой черной папке за истину – значит похоронить, уничтожить, прежде всего, в своей душе миф о непогрешимости советской коммунистической партии и его генерального секретаря. Более того – это значило признать, что генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, тот самый человек, который столь убедительно вещает с трибуны об обновленном социализме – предатель и враг. Это не просто было страшно – это было непредставимо, такого просто не могло быть.

Но это было. И за осознанием этого должны следовать какие-то действия. Такие, о каких еще год назад, ни один из присутствующих на этой встрече и помыслить не мог.

Хонеккер кивнул – он уже видел те документы, которые привез с собой Рауль Кастро. Ему их показал лично брат Рауля – Фидель Кастро во время их встречи в Гаване. Собственно, и вся встреча то эта была затеяна для того, чтобы показать их советскому генералу.

Генерал Куракин принял папку, открыл и принялся читать подшитые там документы. Читал он быстро, хрустко перелистывая страницу за страницей, и на его лице ничего не отражалось. Хонеккер и Кастро молча смотрели на него...

– Интересно... – генерал закрыл папку, положил ее себе на колени – откуда это?

– Частично материалы ДГБ. Частично – материалы предоставленные Каддафи. У него есть возможности...

Генерал молчал.

– Вы знали? – в лоб спросил Кастро.

– Да – спокойно подтвердил генерал – не все, конечно...

– Так почему вы... – задохнулся от возмущения Кастро.

– Не надо – веско сказал Хонеккер, подняв руку – не надо...

Кастро остановился. Только что он собирался высказать своему советскому собеседнику все, что думает о нем – и тут он понял, что будет неправ. Просто неправ и все. Прежде чем осуждать людей – поставь себя на их место и честно ответь для себя – а как бы действовал ты.

– Товарищ генерал... – обратился к советскому разведчику Хонеккер – мы поделились с вами информацией, причем, весьма важной информацией. Может быть и вы ... внесете вклад, так сказать... Вы должны понимать, что от этой информации может зависеть обстановка в мире... в ближайший десятилетия.

Генерал помолчал, словно взвешивая, что можно сказать, а что – нет.

– Подобная информация у нас уже есть... Не именно эта, соприкасающаяся. Ту информацию, что предоставили мне вы, она подтверждает. Начиная с начала восьмидесятых годов, мы отслеживаем весьма странные вещи. Например, теория конвергенции³⁹, вам известно, что это такое?

Хонеккер помрачнел.

– Известно...

– Так вот, эта и подобные теории исходят от некоторых весьма влиятельных людей в академических кругах. Прежде всего – от института системного прогнозирования и его руководителя Габелиани⁴⁰. Немалую роль в этом играет и институт марксизма-ленинизма, там из года в год продолжается травля молодых сотрудников, которые только и могут привнести что-то новое в окостеневшие догмы. И одновременно – оттуда же идет поддержка конвергенции. Есть подозрительные телодвижения по хозяйственной линии. Через систему совзагранбанков, таких как ВСЕН-Евробанк и Московский народный банк, с ведома и одобрения хозяйственного управления ЦК КПСС создается сеть подставных фирм, в которые закачиваются огромные деньги и ценности – бриллианты, валюта, драгметаллы. Генеральный секретарь часть рабочих материалов получает, минуя Общий отдел ЦК КПСС без регистрации.

– Почему никто ничего не делает? – на сей раз спокойно спросил Кастро.

Генерал снова помолчал.

– Не все так просто. Есть еще одна организация, которая судя по всему, полностью или частично поддерживает новый курс. И называется она ... КГБ СССР.

³⁹ Теория конвергенции двух систем – теория, отстаивающая утверждение, что социалистическая и капиталистическая системы будут притягиваться, перенимать лучшие черты друг друга пока не сольются в единое целое. На самом деле теория эта несостоятельна, потому что в капитализме основной является максимизация прибыли. Только угроза со стороны коммунизма заставляла предпринимателей тратить немалые деньги на социальные проекты. Как только эта угроза самоликвидировалась – капиталисты просто начали выносить производства в южные страны, лишая людей работы в собственной стране – всё ради максимизации прибыли.

⁴⁰ на самом деле – институт системного анализа и академик Гвишиани – крестный отец всех прорабов перестройки и рыцарей «прихватизации».

В душной комнате повисло тяжелое молчание. Прервать его решился Хонеккер.

– Владимир Дмитриевич... Вы прекрасно осведомлены о складывающейся ситуации. Документы, которые привез вам товарищ Кастро – копии, можете забрать их и распорядиться по своему усмотрению. Я не буду спрашивать у вас, что вы намерены делать дальше. Я спрошу – можем ли мы чем-либо помочь честным людям, еще оставшимся в армии, спецслужбах и политическом руководстве вашей страны.

– Можете.

– Что мы должны делать?

– Для начала – держать все сказанное здесь и вообще – все вам известное в глубочайшей тайне. Не ведите никаких записей, не оформляйте письменно никаких решений. Готовьтесь к самому худшему – не буду вас излишне обнадеживать. И ... будьте готовы. Связь будем поддерживать через Гюнтера, канал я обговорю непосредственно с ним.

Хонеккер встал, протянул руку мужественному и честному советскому генералу, разведчику. То же самое сделал и Кастро...

* * *

Когда генерал вышел из квартиры, за ним закрылась дверь, Кастро обеспокоенно посмотрел на Хонеккера.

– Вы ему доверяете?

Хонеккер с силой провел руками по лицу.

– Нет. Черт возьми нет, хотя бы и хотелось. До чего же мы все докатились! До чего же мы все докатились...

Кастро не мог до конца понять Хонеккера и то, что творилось у него сейчас в душе – ведь все то, что происходило в Европе в двадцатом столетии, почти не касалось Кубы. Куба – до революции – была просто американским игорным домом и американским борделем, управляемым продажными и марионеточными диктаторами. Там не было и близко того, что было в Европе – фашизм, социализм. Кастро не мог знать, как в сороковые, когда шла мировая война, подпольщики в пораженных коричневой чумой странах жили сообщения советского Совинформбюро, как молились на имя Сталина, как ждали освобождения. Как тяжело поднимались после войны, как тяжело давался выбор пути развития. Как из руин поднимались города, как на месте пустырей возникали дымящие трубами заводы. Тем, кто сейчас проклинает казарменный социализм, стоило бы побывать в те годы в разрушенных войной странах – и посмотреть на них же лет через двадцать. А потом – и судить своих отцов и дедов.

– Что будем делать? – сухо спросил Рауль Кастро замершего в кресле Хонеккера.

– Делать... Готовиться. Время пока ещё есть. Хотя и немного...

Афганистан, провинция Нангархар. Спорная территория. Где-то в районе афгано-пакистанской границы

25 сентября 1986 года

Караван они увидели, он все-таки шел, и ожидание – больше суток на холодных камнях – было не напрасным. Видимо – сам Бог был на их стороне. Если бы караван пошел раньше, когда Рад или Шило ставили бы мины – было бы скверно. Конечно, они выставили дозор, на время постановки мин перекрыли ущелье – но все равно фактор внезапности был бы утрачен и они вынуждены были бы принимать бой на чужой земле, в невыгодных для себя условиях. Шестнадцать против сотни, и это как минимум. В этом случае не просто пришлось бы сниматься и с боем отступать – были бы серьезные потери.

Караванщики проявляли беспечность. Все то время, пока спецназовцы сидели в засаде, в ущелье было тихо – только один раз прошел пешком старик, и еще проехал всадник на низкорослой мохнатой местной лошаденке. Обычно, на караванных тропах было оживленно – конные разведчики, без оружия замаскированные под местных жителей, пацаны, наблюдающие за дорогой постоянно, регулярный прогон стад по тропе, чтобы проверить, нет ли мин. Но это все там, за начерченной кровью на карте «ниткой», пакистано-афганской границей. А здесь был край непуганых идиотов.

Но головной дозор Барьялай все-таки пустил – ни боковых, ни замыкающих пускать не стал, а головной пустил – хотя и шел по своей земле. Старый, опытный лис никому не доверял и везде видел опасность. В конце концов – беспредельщики, способные посягнуть на богатый караван встречались и по эту сторону границы. Конечно, беспредельщики – это не шурави, но хорошего тоже мало...

Головной дозор был большим – пятеро душманов, пешие, четыре автомата и пулемет. Они шли по узкой тропе один за другим – автомат шедшего первым был нацелен вперед, он больше смотрел под ноги – искал мины. Да, в этой каменистой почве обычную противопехотку закопать тяжело, к тому же место, где копали будет сразу видно – но у шурави есть и другие мины. Маленькие, почти незаметные «паучки», выбрасывающиеся из контейнеров автоматической постановки с вертолетов. Такая мина лежит прямо на земле, разбросав сантиметров на десять в стороны четыре тонюсенькие проволочки с грузиками. Только дотронешься до проволочки – взрыв. И взрыв то не сказать что сильный – но будет раненый, его придется нести, а для этого нужно будет отвлекать четырех человек – меньшим количеством в горах не обойтись. Поэтому, душманы раненых, не способных индии всегда добивали – за исключением командиров отрядов и ценных специалистов, например обученных американцами обращению с ПЗРК.

Остальные четверо шли за ним, шли осторожно, направив стволы своего оружия «елочкой»⁴¹ по обе стороны дороги. Ствол пулемета был нацелен на горную гряду справа по ходу движения – в то время как советские спецназовцы расположились слева, на удалении. Впрочем, если бы духи верно определили бы направление возможной опасности – все равно это им не помогло бы. Мина МОН-50, приваленная мелкими камнями для усиления поражающих свойств, ждала их, нацеленная на тропу.

– Тридцать секунд до подрыва! – придушенно прошептал Рад, лежа рядом с командиром. Это было его законное место – лейтенант доверял своему саперу, и всегда располагал его рядом – потому что и удар сапер должен был наносить первым.

Лейтенант слегка пошевелил цевьем своей СВД, переводя прицел дальше, на основную колонну. Усталые, запыленные лица моджахедов под чалмами, в основном молодые, серые

⁴¹ Елочкой – один вправо, второй влево, третий опять вправо.

ослики, неспешно бредущие по тропе, погонщики каравана, поправляющие сумки на одном из ослов. Всем им оставалось жить две-три минуты, только они об этом еще не знали...

И тут – перекрестье прицела замерло где-то в центре вытянувшегося по тропе каравана. На двух ослах ехали люди – это уже выделяло их, потому что обычные моджахеды шли пешком. На одном из ослов ехал командир – это можно было понять по двум вещам – американским солнцезащитным очкам на носу и оружию – в качестве оружия на боку небрежно болтался автомат УЗИ, оружие, которое рядовым боевикам не доставалось. А на втором осле, совсем рядом с первым ехал...

Американец!!!

Это и в самом деле был американец – и это было настолько удивительно, что лейтенант не сразу поверил своим глазам. Сам он не брал американцев – но такие случаи были, про них он слышал и с людьми разговаривали. Американцы – он точно не знал, из какой страны человек, который сидит на осле рядом с командиром моджахедов, но почему то сразу подумал, что он американец – делились на две категории: гражданские и военные. Гражданские – а это был явно гражданским – носили такие вот гражданские костюмы и появлялись в Афганистане для двух целей – либо снять фоторепортаж, либо оказать помощь лекарствами. Под личной гражданских часто скрывались опытные разведчики, имеющие еще и свои параллельные задания. Военные – они носили камуфляж, а самые хитрые одевали одежду духов – это были либо военные советники, либо военные разведчики, направляющиеся в Афганистан для сбора развединформации, опросов пленных и тому подобных вещей.

– Десять секунд до подрыва!

В голове лейтенанта молнией мелькнула мысль – что американца надо взять живьем. Он еще не знал зачем – но решил, что так будет правильно.

– Убирай озимые по центру! – сдавленным шепотом бросил он саперу, уже держащему в руках подрывную машинку.

Рад был настолько удивлен, что даже, в нарушение всех правил чуть повернулся, чтобы посмотреть на командира.

– Убирай, сказал! – времени объяснять не было.

Рад резким движением выдернул из машинки один из проводов, который к ней был подцеплен, оставив остальные. Потом подумал, вытащил еще один. Озимые были высажены довольно плотно, с перекрытием радиусов поражения. На всякий случай, в общем.

* * *

До границы было еще километра три, но Барьялай был уже весь на нервах. Предчувствие не уходило – оно становилось все сильнее. Ему не нравилась эта тропа, по которой они ходили уже не раз – сверху очень удачно бить по колонне. Он до боли в глазах всматривался в серую землю, пытаясь найти хоть что-то – прямую линию среди камней, блеск солнечного зайчика, странную горку – все что угодно, что могло бы свидетельствовать о засаде – и не находил.

Американец, несмотря ни на что был неплохим попутчиком. Он спокойно ехал на осле, которого вел в поводу Казанзай, ничего не просил и ни на что не жаловался. Хотя на что ему интересно жаловаться – едешь себе и едешь, в то время как остальные пешком тащатся и еще груз на себе несут. Не на что тут жаловаться.

Они шли очень мерзким местом – у непривычных людей оно вызвало оторопь. Как будто сам солнцеликий Аллах взмахнул мечом и прорубил здесь длинную и очень узкую, извилистую долину в камне, длиной километров десять, глубиной метров сто и шириной от пяти до пятидесяти метров в разных местах. Караванный путь здесь был прерывистым, здесь текла река и в некоторых местах она занимала всю ширину долины, а кочевники вынуждены были держать свой путь по колено в воду. Лошади оскальзывались на камнях, ржали, ослов прихо-

дилось загонять в холодную воду пинками и побоями, люди тоже замерзли и промокли. Но караван шел. Значение имело только то не намокнет ли товар в переметных сумах-хурджинах – но караванщики знали, что делали и запаковали товар как следует, чтобы ни капли воды не просочилось и не испортило товар.

Белая смерть... Кара Аллаха для неверных...

Барьялай ехал на осле и тоже промок и заоченел. На этот случай у него всегда была фляжка с кишмишовкой – виноградным самогоном, желтым как мед, пробирающим до костей. Глотнул – и как Аллах согрел. С кишмишовкой надо было быть осторожнее, ее гнали кто не лень, добавляли для крепости всяких таблеток – но Барьялай знал где брать, и брал всегда в одном и том же дуكانе. Скоро у него будет свой собственный дуكان и он будет не покупать, а продавать.

Так будет...

Караван выполчал из промозглого сырого ущелья, ослы радовались, шли ходчее несмотря на тяжелый груз, радовались и люди. Здесь стены ущелья уже не давили смертной, свинцовой тяжестью здесь текла река, и рядом с ней была утоптанная караванная тропа, ведущая в горы, на перевал...

Барьялай вдруг подумал, что если шурави рискнут выставить мины и занять позиции в том ущелье, откуда они вышли – не уйдет никто. Просто забросают гранатами сверху и все. Слава Аллаху, что шурави здесь нет, это земля моджахедов, воинов Аллаха. И других неверных, время которых тоже придет дай только срок...

Осел оступись на камне – и Барьялай непроизвольно взглянул на противоположный склон. Он был менее удобен для обстрела и не такой крутой, как тот, что был по правую руку. Он ничего не увидел – ни прямых линий среди камней, ни солнечных зайчиков – но словно Аллах шепнул своему верному слуге на ухо, что там, в нагромождениях камней, на каменной осыпи ждут своего часа спецназовцы. Шурави. Барьялай открыл рот, чтобы крикнуть, предупредить отряд – но было уже поздно. Горный склон впереди расцвел огненным цветком разрыва – каменная шрапнель вперемешку со стальными осколками мины хлестнула по шедшим первыми душманам, смешивая их с землей. Барьялай начал валиться с осла, лихорадочно нащупывая пластмассовую рукоять УЗИ – и тут словно лошадь со всей силы ударила копытом в бок. Не чувствуя ни рук ни ног, Барьялай грохнулся на камни, прямо под копыта животных – и еще успел почувствовать, как стремительно наполняется чем-то вязким и соленым рот. Потом каменной глыбой навалилась тьма...

* * *

Для СВД дальность двести с лишним метров при ее дальности прямого выстрела в чetyреста сорок метров – не расстояние, тем более со снайперским патроном.⁴² А чetyрехкратный ПСО-1 для такого расстояния был даже слишком мощным – при том что поле зрения ограничивал. Ложась на позицию, лейтенант даже подумал, чтобы его снять и стрелять с открытого – но поразмыслив, решил этого не делать. Черт его знает – когда и при каких обстоятельствах потребуется в этом выходе винтовка, а если снять прицел – пристрелка, безусловно, нарушится. Ничего, придется работать так...

Цепочка вспышек, одна за другой, разорвала скалы словно бегущий карьерный заряд. Озимые отработали на все сто – пусть не задев центр – но голову и хвост каравана пошматовали. Получилось, что в первые секунды можно было работать только по центру каравана, где

⁴² существует специальный снайперский патрон для СВД. Удивительно – но некоторые снайперы об этом даже не слышали и пользуются валовыми пулеметными боеприпасами. А потом и начинаются разговоры про «никакую» точность и кучность СВД.

духов было больше всего – и огонь всех спецов, залегших в цепочку, сосредоточился именно там.

Первым же выстрелом лейтенант снял командира духов – винтовка привычно толкнула в плечо, и на боку душмана треснула ткань халата, стремительно окрашиваясь красным. Дух в самый последний момент что-то почувствовал, начал валиться вниз – но и Скворцов не сплосховал. Ранение в живот, скорее всего, задет позвоночник – не жилец короче. Сместив прицел чуть влево, лейтенант увидел еще одного осла. Без пассажира...

Спецы первые три секунды боя, когда противник растерян и не понимает что происходит, «отработали» на все сто. Каждый из них сделал как минимум по два точных выстрела – а кто-то успел и по три. Когда духи поняли, что на них напали, оправились от первоначального шока, от удара минами по голове и хвосту каравана – к засаде на своей земле они не были готовы совершенно – больше половины из них уже были убиты или тяжело ранены.

На четвертой секунде боя один из духов сорвал с плеча уже заряженный РПГ и, особо не целясь долбанул в сторону плюющейся свинцом каменной осыпи. И погиб – потому что стреляя в эту сторону он развернул сопло гранатомета к скале. Огненный хвост отработанных газов гранаты, отразившись от камней спалил его...

За три секунды лейтенант успел сделать два выстрела – все-таки для быстрой стрельбы СВД не слишком пригодна, это тебе не автомат. Но два выстрела он отработал сполна – первым умер командир моджахедов, вторым, так и не выпустив из рук поводья осла бессильно осел на землю Казанзай – его семья в лагере беженцев, где он был единственным добытчиком и кормильцем, так никогда и не дождет сына с войны.

На пятой секунде со стороны расстреливаемого каравана затрещали первые выстрелы, пули с визгом хлестнули по камням. Начиналась серьезная игра – теперь уже на равных.

Лейтенант сместил прицел правее по тропе – больше всего моджахедов уцелело в хвосте каравана, их не посеколо камнями и осколками и ему, не только командиру, но и снайперу теперь придется отвечать за свое решение не подрывать минное поле. Он теперь – козырь у разведгруппы, из его СВД духов достать намного проще, чем из автомата или пулемета. Если он не выбьет основные огневые точки, причем быстро – будут проблемы...

Первым попал под раздачу гранатометчик – оперевшись на дергающего ногами в агонии осла он уже собирался стрелять, когда снайперская пуля выбила из него дух, отбрасывая назад. Гранатомет так и остался лежать на тропе.

Вторым погиб пулеметный расчет – двое душманов, на вооружении у которых был ПКМ, успели добежать до ближайшего камня. Верней, добежать успел один – тот что бежал вторым, таща за собой мешок с боеприпасами с разбега ткнулся носом в тропу и уже не встал – пуля попала в спину, скорее всего прошла в районе сердца. Второй дух увидел это только тогда, когда свалился за спасительный камень, выглянул – и бурое месиво брызнуло по камням из расколотой пулей головы...

– Аллах Акбар!!!

В безумной попытке спастись, часть моджахедов бросилась в гору, превратившись в обычные мишени на простреливаемом сверху донизу скальном подъеме, они попадали под жалящие насмерть пули, падали, катились вниз, орошая камни своей кровью. Еще часть – бросилась по тропе вперед, стремясь любой ценой вырваться из ставшего смертельной ловушкой ущелья. Они бежали вперед, завывая на ходу. Некоторые стреляли, некоторые просто бежали. Это только говорят так – что не страшно. На самом деле боялись все, боялись и афганцы, перед боем они всегда обкуривались анашой, жевали насвай, чтобы не было так страшно. А тут была их земля, их страна, здесь они должны были быть в безопасности. Но безопасности не было – были горы, была узкая, извилистая, каменистая тропа, был крутой горный склон и были летящие пули, вырывающие из жизни то одного, то другого...

Аллаху акбар...

* * *

– Контроль!

На случай контроля действия тоже были строго распределены. Прежде всего – контролирует только половина группы, вторая половина ее прикрывает. Случаи бывали разные – бывало, сразу за одним караваном шел, бывало – к душманам подходило подкрепление. Проще простого – шла где то группа духов, услышали стрельбу, решили глянуть – нет ли там чем поживиться. Кстати, не надо думать, что помочь – именно поживиться, растащить забитый караван, нравы здесь именно такие. Всякое может быть, и именно поэтому соваться к забитому каравану всеми силами группы – большая глупость.

– Шило!

Прапор, уже поднявшийся и вставший в пару с Грузином, удивленно обернулся.

– Я иду. Принять командование группой прикрытия!

Лейтенант передал ему свою винтовку, тот принял ее и отдал командиру пулемет.

– Есть...

Шило удивился, но ничего не сказал. Лейтенант на «шмон» забитого каравана идти был не должен, он был не только командиром, но еще и снайпером. Командир от шмона должен держаться подальше, он вообще должен держаться подальше от любых потенциально опасных ситуаций, да и снайперу сам Бог велел на шмон не ходить. Однако, приказ командира обсуждению не подлежал – поэтому Шило пошел на место командира, примеряясь к винтовке. Лег он чуть подальше – ни один снайпер в чужую лежку не ляжет, дурная примета...

– Грузин! К центру правь давай...

– Есть.

В одиночку на шмон каравана тоже ходят – вообще, в каждом отряде, в каждой группе специального назначения были свои, наработанные опытом приемы. Лейтенант в своей группе ввел строгое правило – при шмоне каравана работать только парами, один шмонает, другой его прикрывает. Слишком часто были случаи, когда дух, обгоревший, изорванный осколками таки оказывался еще жив и у него хватало сил, чтобы выстрелить из пистолета или рвануть кольцо гранаты. Поэтому же по всем подозрительным духам – а ими считались все, кто не пополам к примеру разорван, делали контрольный выстрел в голову, прежде чем шмонать.

– Грузин.

– Да?

– По центру пленный будет. Не торопись.

– Понял... – Грузин заулыбался. Пленный – а пленный явно будет важным, не зря его лейтенант в живых оставил – это еще более ценный трофей, чем оружие. Да и тащить его до посадочной площадки легче – не на хребте, сам пойдет, ножками...

Стукнул один выстрел, другой. На движение – может и просто померещилось что-то. Караван был все ближе – лежащие на тропе фигуры бородатых, окрашенная бурым белая ткань одежды, спокойно стоящие под непосильной тяжестью хурджинов ослы – там где их не пошматовали мины. Там, куда пришелся удар ОЗМок – не было ни ослов ни людей, были только куски мяса.

Лейтенант мельком смотрел на распластанные по серой земле фигуры, трупы людей чью жизнь прервали его пули и пули его товарищей. Один из моджахедов лежал на спине – он попытался выстрелить из гранатомета, когда свинцовая плеть пулемета вырвала его из этой жизни. Бросалось в глаза его лицо – молодое, не знавшее еще бритвы, с тонкими, почти девичьими чертами лица. Подернутые пленкой небытия глаза мертво смотрели на лейтенанта...

Ради чего все это? Ради чего вы воюете с нами? Ради чего вы идете на землю Афганистана, чтобы убивать и умирать, убивать своих же соплеменников и умирать от пуль шурави. Ради чего – этого?

За что вы так ненавидите нас?

Лейтенант не раскаивался – нет. Он знал что война есть война. Он видел обезображенные тела советских солдат, которым не повезло оказаться ранеными на простреливаемом насквозь горном склоне без возможности отойти. Духи перебили их всех, а потом, пока не пришли вертушки и подкрепление – пришли женщины и дети из соседнего кишлака. Ножам они выкалывали глаза, отрезали губы, вспарывали животы, кастрировали. Когда шурави вернулись с подкреплением, один из солдат был еще жив и умер на руках своих товарищей.

Командовавший операцией подполковник тогда приказал накрыть кишлак Градами и артиллерией. И приказ был выполнен. А еще подполковник поседел. За одну ночь.

* * *

Пленный поднялся сам. Молча, держа руки над головой. Он укрывался за ослом и сейчас решил сдаться. Выше среднего роста, крепкий на вид, седой. Одет как британец колониальных времен – выглядело это даже шутовски...

– Hands up! On your knees!⁴³ – нужные фразеологические обороты всплывали в памяти сами собой. Вспомнилась Маргарита Генриховна – строгая учительница-немка, преподаватель английского и немецкого в одном лице из языковой спецшколы, где он учился...

Руки у пленного уже были подняты, на колени он медленно опустился, не спуская глаз с русских. Вел он себя пока весьма мирно и лейтенант окончательно решил брать его живым и тащить в штаб – там разберутся, что это за птица. Захват живым иностранного военного советника – прекрасный результат, как минимум на «Красную звезду» тянет, а то и повыше забирай. И братве что-то достанется...

– Держи его! – скомандовал лейтенант Грузину, хотя командовать смысла не было – тот и так сдвинулся немного в сторону и взял пленного на прицел. Лейтенант медленно двинулся вперед, за спиной коротко хлопали одиночные выстрелы – ребята «контролировали» душманов.

Одной из проблем в таком случае было – как связать пленного, чтобы он мог передвигаться самостоятельно – и в то же время не имел шансов вырваться. Афганцы учили советских товарищей связывать руки пленного его же чалмой, чалма есть у каждого – но способ был признан ненадежным и от него отказались. Не раз таким образом связанному душку удавалось освободить руки и ... Нужны были наручники – самые обыкновенные наручники, какими пользуется милиция, им и цена то – копейка. Но – на снабжение армии наручники приняты не были, поэтому наручники не выдавали, и взять их было негде. Выходили из положения по-разному. Кто-то раздобывал-таки наручники, у тех же царандоевцев и ХАДовцев, обычно в обмен на фляжку спирта, до которого многие афганцы были большими охотниками. Кто-то связывал парашютной стропой, специально таскал в кармане несколько отрезков нужной длины. Лейтенанту же повезло несказанно – во время разгрома очередного сильно укрепленного базового района моджахедов его группа сумела «грохнуть» пещеру, где квартировали несколько духовских контрразведчиков. Когда осела пыль, они вошли в пещеру на предмет оценить потери врага, поискать развединформацию – у контрразведчиков она могла быть особенно ценной – и поживиться чем-нибудь материальным. Тогда лейтенанту и попали на глаза эти крошечные никелированные штуковины, в которых он с немалым удивлением опознал наручники – но наручники странные каких он никогда не видел. Когда же он разобрался, как ими пользо-

⁴³ Руки вверх! на колени! – *англ.*

ваться – то пришел в полный восторг. Это была так называемая «гонконгская модель», цепляющаяся не на запястья, а на большие пальцы. Поэтому, наручники эти весили меньше обычных раза в четыре и почти не занимали места. Таких было всего три штуки, и теперь лейтенант таскал их с собой в кармане вместе с парашютными стропами.

Лейтенант осторожно зашел сзади, поймал руки пленника, споро сковал их наручниками. Тот не сопротивлялся. Все...

– To the forward! Move! – рывкнул он, поставил пленного на ноги и подтолкнул в спину в сторону Грузина – Грузин, проводи! Глаз с него не спускайте!

– Есть!

* * *

Лейтенант медленно пошел вдоль каравана. Каждый, как муравей занимался своим делом, при этом спешил – помнил, что он на чужой территории и чем быстрее ты отсюда уберешься – тем больше проживешь. Рад при помощи Бая снимал ОЗМки и МОНки – еще пригодятся. Кто-то сидел в охране по обе стороны каравана – на случай, если за караваном по этой тропе идет еще одна банда. Остальные споро шмонали хурджины на предмет добычи.

– Шило... – проговорил лейтенант.

– Все чики-чики, командир. Тут дури – не меньше тонны. И всякого товара полно. Похоже, караван не «военный», с товаром и с дурью.

Скворцов и сам все видел. Удвухсотили до шестидесяти духов, может даже семьдесят. Дури тормознули... без счета.

– Потери?

– Двое трехсотых. Идти смогут. Ну и так... по мелочи.

Считай, без потерь караван здоровый задолбили. Лейтенант просто сделал то же, что духи делали с колоннами советской армии на узких горных дорогах. Сейчас же становилось понятно – почему согласно отчетам в штабах все население Афганистана перебили как минимум три раза – а оппозиция до сих пор продолжает воевать. Заранее подобранные позиции стрелков, огонь сверху вниз, внезапность нападения. Слабое знание местности компенсируется великолепной выучкой спецназовцев и отсутствием брони у духов. И вот итог – семьдесят двухсотых разменяли на двух трехсотых. Как нельзя лучше...

– Кто?

– Гусь – под самый дембель поместили. И Фриц.

– Дурь уничтожить. Пополнить боезапас. Если кто что взять хочет – пусть берет, но потащит все это сам⁴⁴. На все про все – двадцать минут, потом делаем ноги.

Скворцов прошел дальше остановился перед камнем. На камне сидел Гусь, индпакем он уже обмотался. Промедолом⁴⁵ ширяться было нельзя, еще до вертолетной площадки идти – поэтому он морщась, курил какую то сигарету с фильтром, возможно тоже трофейную, жадно сглатывая дым.

– Как ты так? – спросил лейтенант.

⁴⁴ Надо сказать, что обычно, раздолбив караван, разведчики брали ценные вещи – золото, если его везли в караване, магнитофоны и всё такое, иногда что-то из одежды. Осуждать их за это вряд ли стоит. Например – как достать свитер (прозывающийся не иначе как вшивником), если не взять что-то с каравана и потом не обменять. А ведь свитера – это солдатам воюющим в условиях гор! – не только не выдавали! Если отцы-командиры увидят неуставной свитер – отберут! Вот где идиотизм-то скрывался! Или кроссовки – тоже неуставная форма обуви, а нормальной уставной не было, вот и доставали как могли. И тоже, увидят – взыскание наложат, отберут. Впрочем, так поступали не все командиры и не всегда – многие приходили к выводам, что черт с ней, с неуставной одеждой и обувью, если это помогает воевать.

⁴⁵ Промедол – (синтетический препарат: производное 4-фенилпиперидина) наркосодержащее лекарство – обезболивающее. К сожалению, были случаи, когда солдаты его употребляли и не по ранению – а были и такие, когда командиры из принципа «как бы чего не вышло» изымали его из солдатских аптечек.

– Рикошетом, зараза... Я и не просек... Только когда отстрелялись, чувствую, не то что-то... – Гусь злобно щерился. Ему скоро было уходить на дембель, и ранили его в первый раз за все время службы, чем он был очень недоволен.

– Дойдешь?

– Добегу, б...! – Гусь встал, опершись об автомат и довольно твердо пошел к каравану желая показать своему командиру, что с ним все нормально, он и в самом деле побеждает еще.

Лейтенант оглянулся, нащупал взглядом санинструктора, нескладного, долговязого еврейского паренька. Жестом подозвал.

– Что?

– Гусяре в бок – там пуля и осталась я вынимать не стал. От рикошета она неглубоко ушла.

– Дойдет?

– Думаю да... – санинструктор, которому, как и половине его коллег в отрядах дали кличку Док, тоже затянулся сигаретой, и тоже трофейной – я посмотрел, органы не задеты, больно только... Ну и кровит.

– Фриц?

– Чудом жив остался. От каски – и полуха оторвало с мясом. Я замотал, как мог. Крови потерял – но тоже идти сможет.

– Добро.

* * *

Опасаясь – сам не зная пока чего – лейтенант поставил пленного в середине колонны, рядом с собой. На всякий случай взял отрезок парашютной стропы подлиннее, привязал пленного за пояс к себе. Черт его знает – а ну как в голову ему придет в пропасть броситься или на мины. Чужая душа – потемки...

Вышли даже раньше, чем планировали. Всю дурь уничтожили, ослов оставили на тропе. Товар побросали прямо тут в расчете на то, что если за ними кто-то пойдет по тропе – он увидит бесхозных ослов и бесхозный товар. И какой скажите, дурак пойдет искать свою смерть, преследуя неуловимых шурави, если вот тут, рядом, под руками товара столько что на несколько месяцев безбедной жизни небольшому отряду духов хватит. Если даже командир отряда окажется фанатиком и прикажет бросить товар – скорее всего, его пристрелят свои же, в спину.

Первые признаки того, что пакистанцы наконец-то зашевелились, появились через полчаса – нарастающий вой реактивных двигателей бритвой полоснул по нервам...

– Рассредоточиться! В укрытия!

Рассредоточиваться особо было негде, не степь, горная тропа, да и с укрытиями тоже было туговато – но делать было нечего. Лейтенант толкнул пленника в сторону, сбил на землю, прикрывая собой.

Фантомы!

Устаревшие, но все еще грозные американские F4 Фантом шли парой, едва не задевая крыльями острые пики гор. Один с разведывательным контейнером и один как прикрытие – с ракетами. Скошенные носы, треугольные крылья, пламя, рвущееся из двух двигателей. Эти машины летали еще во Вьетнаме – мощные, но неповоротливые, они легко становились добычей вьетнамских МИГов. Здесь же МИГов не было – была узкая горная тропа, где негде спрятаться от ревушей смерти. Сейчас сбросят канистры с напалмом – и смерть...

– Do you speak English, sir?

Вопрос этот, дикий в условиях надвигающихся на них смерти был настолько неуместным, что лейтенант не сразу осознал, что именно его спросили. Но ответил сразу, на автомате, как и учили в спецшколе МИДа.

– Yes⁴⁶.

– Они не будут бомбить.

Самолеты приближались.

– Почему?

– Из-за меня...

Точно такие же – с поправкой на XIX век – ситуации имели место быть и в Индии, и здесь, в Афганистане, и в Африке. Тонкая линия алых мундиров опоясывала Великобританию, империю над которой не заходит солнце, служа ей надежной защитой – самой надежной, какая только могла быть в то время. Британские офицеры порой знали не один иностранный язык, включая местные диалекты, занимались этнографическими и прочими исследованиями, изучали быт и обычаи местных племен, собирали гербарии. Чем-то был похож именно на них лейтенант Советской армии Николай Скворцов – сын состоятельных родителей из Внешторга, закончивший языковую спецшколу, а потом наперекор родителям ушедший на войну и нашедший себя как воин.

Самолеты пронеслись прямо над распластавшейся на тропе группой, едва не контузив ревом реактивных двигателей.

– Они высадят десант – проговорил пленник – попытаются отрезать вас от границы и уничтожить. Надо идти...

Лейтенант и сам понимал, что надо идти.

– Ломяра! Связь!

Лом, сверхсрочник, таскающий на себе здоровенную Р-143, радист-радиолобитель еще с пионерских времен заколдовал над рацией. Поймав волну, поднял большой палец...

– Склон, я Гюрза! Склон, ответьте Гюрзе!

Склон – это был позывной штаба отряда, которому подчинялся лейтенант Скворцов со своей группой.

– Гюрза, это Склон. Слышу вас плохо!

В наушниках и впрямь буря помех. Либо горы экранируют – либо и впрямь отсекают.

– Склон, я Гюрза! Нахожусь в квадрате двадцать два – семнадцать по карте шесть! Как поняли?

– Гюрза, повтори, связь почти на нуле.

– Я Гюрза! Нахожусь в квадрате двадцать два – семнадцать по карте шесть! Как поняли?!

– Какого беса ты туда забрался, твою мать? – радист перешел со стандартного радиообмена уставными фразами на обычный.

– Нет времени, Склон! Имею очень ценный груз! Нужна эвакуация!

– Понял тебя, Гюрза, сообщи уровень?

Связь стала немного лучше.

– Розовый дом. Не ниже. Прошу срочную эвакуацию!

– Твой район закрыт для вертушек, Гюрза! Ближайший квадрат – от первой отними одиннадцать. Как понял?

Даже с учетом того, что на обеих станциях стояла аппаратура ЗАС⁴⁷, радист на штабной станции не сказал прямо кодировку квадрата эвакуации. От первой отними одиннадцать – это значит квадрат одиннадцать – семнадцать. Топать туда – с учетом поправок на горные условия – километров двадцать пять.

– Склон, прошу квадрат ближе!

– Невозможно, Гюрза. Иди в указанный квадрат, вертушки там будут через восемь часов.

– Тебя понял, Склон. В воздухе хулиганят, сообщи соседям!

⁴⁶ Дальнейшие диалоги автор будет приводить на русском, иначе перевод будет занимать много времени.

⁴⁷ Аппаратура ЗАС – засекречивающая связь.

- Соседи уже поднялись, уже поднялись, Гюрза!
- Тебя понял. СК⁴⁸
- Лейтенант раздраженно сбросил с головы наушники.
- Старшой... – не по уставному обратился к нему подошедший Рад.
- Ну?
- Я поставил ОЗМ-ку. Если пойдут – будет сюрприз. Но по флангам ничего не сделать.
- Ускорить движение! Вперед!

* * *

Оторваться не удалось...

Хлопанье вертолетных винтов они слышали почти сразу после пролета Фантомов. Но звук этот не сулил дорогу домой – он сулил новые проблемы. Вертолеты шли со стороны Пакистана – значит, духи пошли ва-банк. Лейтенант слышал от других, что иногда наглость пакистанских ВВС доходит до того, что они высаживают духов с вертолетов на нашей (то есть на афганской) территории. Аттракцион был и впрямь смертельным, учитывая безраздельное господство в афганском небе советских и афганских ВВС. Тем не менее – такое лейтенант слышал не раз, а значит, это было правдой. Учитывая, как идут вертолеты, можно было предположить, что они попытаются посадить группу духов (а возможно и пакистанских солдат) впереди, по ходу движения группы. И отрезать тем самым спецназовцам путь домой. По крайней мере задержать до того самого момента, как из Пакистана подойдут боевые отряды и подтянут минометы. Тогда – хана без вариантов...

А сверху, в небе выводили песню моторы пакистанских истребителей, прикрывающих высадку десанта. Да, серьезно взялись...

– Шило, где мы?

– Нитку прошли... – прапор вытер лоб с повисшими на нем крупными каплями пота – а хотя хрен его знает... Ты здесь видишь пограничные столбы, старшой?

Граница и в самом деле не было делимитирована, что создавала сложности.

– Шило, слушай сюда! – лейтенант бесцеремонно ухватил своего замка за снаряжение, подтащил к себе – бери восемь человек и дуй вперед. Только – в дерьмо не вляпайся. Удаление – километр. Мы пойдем следом. Твоя задача – выяснить, где и чего нам ждать. Как только нарвешься – не лезь на рожон, отступай сразу. Мы успеем либо обойти, либо, если невозможно обойти – займем господствующую высоту и обозначим себя. Отступай к нам. Вместе – побоемся!

Решение, принятое лейтенантом было опасным – но единственно верным. Деля группу на две, он давал шанс и тем и другим. Первые – да они рисковали, идя по тропе в половинном составе. Но – случись впереди засада, они могли отступить на заранее подготовленные второй группой позиции. Вторая группа могла занять господствующую высоту и успеть укрепиться – в лысых афганских горах это значило очень много, сверху вниз можно было расстреливать наступающих как в тире. Наконец, вторая группа могла сманеврировать и, обойдя засаду с фланга или тыла ударить как раз туда, откуда не ждут...

– Есть!

– Не вляпайся, братан! – лейтенант глянул прямо в глаза своему замку – не лезь на рожон, пацанов не положи.

– Да есть... – досадливо проговорил Шило – все мои за мной!

⁴⁸ СК – так профессионалы обозначают конец связи.

* * *

На засаду нарвались, когда лейтенант уже грешным делом подумал, что вырвались. Прошли больше десяти километров, столько же осталось до посадочной точки – и тут по нервам бичом хлестанула скороговорка пулемета где-то впереди. Секунда – и перекрикивая пулемет заговорили сразу несколько автоматов, не меньше десятка.

Черт... Немного еще.

Но самое худшее – это даже не автоматы, не гранатометные разрывы – почти сразу же с автоматами забасил, перекрывая автоматный лай, ДШК – самое страшное из того что было у духов. Его размеренный, глухой бас было не перепутать ни с чем. Пули пробивали все – броню БТР, дувал⁴⁹, кирпичную стену, любой бронежилет – все. У духов такое оружие было редкостью, оно обычно применялось в системе обороны укрепленных районов. Слишком тяжелое: чтобы нести его и боезапас нужно несколько ослов и как минимум два человека подготовленного расчета – не считая погонщиков ослов. Для того, чтобы выживать, духи должны были быть предельно мобильны, а с таким грузом далеко не уйдешь, попадешь под удар крокодилов или грачей⁵⁰. Чтобы заставить духов взять с собой ДШК... должно было произойти что-то экстраординарное. И если Шило с пацанами напоролось на ДШК...

– Старшой! Смотри! – идущий первым по тропе Муха, мелкий, но выносливый и злой разведчик показал рукой в сторону опасности.

Еще один отряд...

Духи... Человек двадцать... Идут как-то странно – они что их – не видят???

И тут лейтенант понял – не видят! Они сосредоточены на той группе, что ведет бой на тропе, на группе Шида. Сейчас они пытаются отрезать ей путь назад, зайти с тыла и окружить. А их – они пока не заметили, они даже не подозревают о наличии второй группы спецназа, идущей сразу за первой!

– Тихо! Залечь! К бою! – несмотря на то, что до духов был почти полкилометра, лейтенант скомандовал шепотом.

Спецназовцы залегли – прямо на тропе, потому что иного, лучшего укрытия рядом не было – а если так и оставаться на ногах – вполне могут заметить.

– Огонь по моему выстрелу! Передай по цепочке!

Портативных средств связи не было. Как-то раз у духов нашли портативные радиостанции Моторола – несколько комплектов досталось разведчикам при зачистке очередного укрепленного района. По сравнению с тяжелой капризной и глухой Р148 японские средства связи были что небо и земля но... при очередном визите кабульских штабных нештатные средства связи изъяли и ... с концами.

Лейтенант толкнул в бок плененного американца – он повалился на тропу едва ли не первым и вообще вел себя странно – даже намек на попытку бежать не было.

– Лежать. Головы не поднимать!

Американец ничего не ответил...

Успокоиться. Три-один-два. Три-один-два...

Это было у лейтенанта еще со школы СДЮШОР, школы олимпийского резерва. Любой спортсмен-стрелок должен уметь мгновенно погасить свои эмоции, забыть обо всем, что не связано с предстоящим выстрелом. Павел Васильевич, его тренер по стрельбе учил не просто

⁴⁹ Дувал – это такая ограда, обычно примерно с человеческий рост или чуть ниже, сляпанная из глины и тростника. Обстрелы из-за дувалов, перемещение за дувалами с внезапными нападениями и быстрыми отходами – любимая тактика духов при бое в населенном пункте.

⁵⁰ Грач – Су-25, чернорабочий той и последующих войн, наверное лучший штурмовик в мире.

стрелять – он учил пацанов многим другим вещам, каким их нигде бы не научили. Он научился им от деда, побывавшего в оккупированном японцами Китае, и теперь передавал искусство дальше – тем, кому доверял, и кого *видел*. В частности, тренер учил мгновенно приходить в особое, отрешенное состояние. Японцы называют это *мушин* – когда стреляющий рассчитывает точку попадания и стреляет на инстинктах. Не на разуме, а именно на моторной памяти, на вбитом в подкорку чутье. Для мгновенного перехода Кораблёв обучал использовать систему ключей – особых формул, при произнесении которых сознание мгновенно переходит в нужное состояние. Каждый из пацанов, ходивших в СДЮШОР, до помрачения сознания заучивал ключи, каждый свой. У Коли Скворцова ключ был «триста двенадцать». Три-один-два ...

Если я вижу цель – значит, я попаду.

Три-один-два. Три-один-два. Три-один-два...

Поймав промежуток между двумя ударами сердца, Скворцов нажал на спуск, целясь в высокого в черном тюрбане моджахеда. Не чувствуя отдачи винтовки, не видя выброшенной механизмом гильзы, не слыша загрохотавших рядом автоматов, не отвлекаясь ни на что он перевел прицел винтовки дальше, нажал на спуск еще раз. Потом еще и еще...

Три-один-два. Три-один-два ...

– Старшой... Старшой, ты что?

Лейтенант дернулся как от удара током – выход из ключа всегда серьезная встряска для организма. Усталился на Муху...

– Что?

– Старшой, двигаться надо. Ты их всех попластовал, легли как на параде Быстрее, пацаны двинули уже!

Вряд ли бы кто-то поверил в это, не видя собственными глазами – но это было так. Из двадцати заходящих в тыл спецгруппе моджахедов лейтенант положил одиннадцать, причем первых троих – меньше чем за две секунды. Такое невозможно было сделать, используя снайперскую винтовку Драгунова с ее довольно сильной отдачей. Можно было срезать двоих, троих – не больше. Дальше обычная стрельба с попаданиями и промахами. Никак не одиннадцать целей без единого промаха. Невозможно было и сделать три точных прицельных выстрела менее чем за две секунды. Но он это сделал. *Джинба иттай* – неразрывное единение всадника с конем и с оружием, благодаря ему всадники-самураи точно попадали стрелой в цель с трех сотен шагов, стреляя с бешено несущейся лошади. Прошли времена, изменилось оружие, изменились и люди – но суть неразрывное единение человека и его оружия – осталась...

Джинба иттай. Спасибо тебе, дядя Паша...

Окончательно придя в себя и подхватив винтовку, лейтенант подтолкнул вперед своего пленника и сам направился за остальными.

* * *

Едва успели занять позиции у самой вершины – как появился головной дозор, первая идущая по тропе восьмерка. Шестеро шли, перебежками, падая за камни, огрызаясь выстрелами. Не очередями – именно выстрелами, в спецназе очередями не стреляли никогда, каждый выстрел должен быть в цель. Исключения бывали – но они лишь подтверждали правило. Спецназ не десант и не мотострелки, они уходят в поиск на дни, а то и на недели, боеприпасы несут на своем горбу, и все что ты унес – то у тебя и есть. Стрелять очередями – просто не хватит патронов.

Двоих тащили – на плащ-палатках. Влипли...

Последним отходил Шило, прикрывая всех остальных. Судя по тому как он отходил – достали их капитально. Он стрелял из своего ПКМ прямо с рук, держа пулемет за сошки, почти

не залегал. Пули летели градом – но ни одна не задела этого стального человека, они словно боялись его...

Лейтенант выстрелил – один из моджахедов, неосторожно сунувшийся дальше, чем стоило соваться, да еще с гранатометом рухнул на осыпь, накрыв собой готовый к выстрелу гранатомет. Еще один сунулся – то ли вытащить сородича, то ли взять гранатомет чтобы выстрелить в ненавистных шурави – лег рядом...

Остальные заняли позиции – но пока огонь не открывали. С такого расстояния, какое разделяло сейчас советских спецназовцев и духов из автомата попасть вообще сложно – значит, не следует и позиции свои демаскировать. Командир стреляет, раз может – вот и пусть стреляет...

Дальше духи не сунулись. На самом деле это плохо, если бы сунулись – это значит, что перед тобой фанатики, малограмотные феллахи с автоматами. Полегли бы. А так... окружили и ждут, пока подойдут подкрепления. Еще и артиллерия партизанская прибудет – минометы. И тогда точно...

Шило шумно плюхнулся рядом с командиром...

– Кто?

– Бай тяжелый. В живот. Муха чуть полегче, но идти не сможет.

Добегались...

– Связь! – заорал лейтенант, криком выплескивая раздражение – связь, мать вашу!!!

Под руку сунули гарнитуру...

– Склон, я Гюрза! Склон, ответьте Гюрзе!

И снова – треск помех. Как назло...

– Склон, ответьте Гюрзе!

– Склон на приеме!

– Склон, я Гюрза. До точки дойти не могу, повторяю, до точки дойти не могу. Имею трехсотых, нуждаюсь в эвакуации!

– Тебя понял, Гюрза, давай координаты!

– Нахожусь десятью километрами восточнее точки эвакуации, занял господствующую высоту. По карте это...

– Семнадцать-пятнадцать... – подсказал Шило с полтычка въехавший в тему, успевший развернуть карту и привязаться к ней.

– Квадрат семнадцать – пятнадцать по карте шесть, занял высоту! При подходе мишек обозначу себя дымом! Как поняли, прием!?

– Понял тебя, Гюрза, идем к тебе, идем!

– На подходе ДШК работает, передай легунам! ДШК работает, западнее нас работал!

– Понял тебя, Гюрза...

Что мы имеем... Заняли господствующую высоту – это хорошо. Укрытия какие-никакие здесь имеются, не голяк, продержаться сколько то можно. С высоты проще стрелять, сверху вниз, в то же время духам придется стрелять снизу вверх, а это намного сложнее. Опять-таки и эвакуироваться с высоты намного легче, зависла вертушка над самой вершиной и все.

Патроны – осталось немало, с каравана пополнили запас, по крайней мере у половины группы он почти неизрасходован.

Минусы – двое трехсотых, окружение духами, работающий рядом ДШК. Пленный этот мутный какой то, непонятно кто. Это из-за него, получается такое... Но так или иначе – до темноты продолжаться вполне даже можно...

Что может быть в темноте – о том лейтенант не хотел даже думать. Сначала подтащат минометы, базовый район духов с запасами тут неподалеку найдутся и минометы и минометчики и мины. Подтащат и начнут расстреливать. А потом – ночная атака в рукопашную обкуранных духов, если кто-то еще останется в живых из спецназовцев, чтобы ей противостоять.

Вот такие вот неприятности ожидали группу, если в самое ближайшее время не появятся Мишки.

Словно подтверждая мрачные мысли лейтенанта, ниже из позиций, метрах в тридцати громыхнуло, каменистый склон расцвел черным цветком минометного разрыва. Пристреливаются – как пристреляются, им прямо на головы упадет.

– Старшой, Грузин говорит – со всех сторон окружили...

Значит, не уйти. Впрочем, с их грузом да еще и с ранеными так и так не уйти.

– Рад!

Приполз прапор – лицо его было злым – и в то же время веселым. Наконец то настоящее, без всяких скидок дело.

– Минируй подходы. Где можно. Не рискуй. Шило, прикрой его.

– Сделаем...

– Понял, командир... – Шило приник к пулемету.

– Окапываемся! Окапываемся, б...!!!

Окапываться все начали и без команды. А что такое окапываться в Афганистане – это сложно передать словами, это надо испытать. Особенно на горном склоне, когда лезвие лопатки царапает по камням и ты не копаешь – ты скребешь как крыса, вгрызаешься в землю, кровяня пальцы, срывая ногти и набивая мозоли. А по тебе в этот момент палят из ДШК или из миномета и от того, как быстро ты выкопаешь нечто похожее на окоп и вообще сумеешь ли ты это сделать – зависит твоя жизнь.

– Алла... – донеслось снизу

Духи решили-таки атаковать. Снизу ударил пулемет, потом еще один – и моджахеды, строча на ходу из автоматов, бросились вперед, в гору. Ни один из них не пытался залечь, ни один из них не соблюдал какой-либо дисциплины огня – они просто стреляли на ходу, стараясь как можно быстрее достичь вершины с ненавистными шурави, как можно быстрее подойти хотя бы на гранатный бросок.

– Моим не стрелять! – заорал лейтенант.

Не самое худшее – духов десятка два. Можно отбиться и так. Пусть духи до последнего думают, что их здесь меньше, чем есть на самом деле.

Минометная мина рванула где-то вверх, осколки противно пропели над головой. Вилку кладут, сволочи⁵¹...

Лейтенант повел прицелом, выискивая пулеметчика. И нашел – он расположился далеко, даже очень далеко – метров семьсот не меньше. У одного из валунов то и дело вспыхивал злой огонек...

Хлопнула СВД, толкнула в плечо – и словно искра мелькнула на серой поверхности валуна, пуля ушла левее и выше. Не обращая внимания на огонь моджахедов, лейтенант прицелился и выстрелил вновь – попал или нет, видно не было, но духовский пулемет заткнулся.

Первый натиск отбили на удивление быстро и совершенно без потерь – просто перестреляли духов в несколько автоматов. «Помог» и минометчик – во время штурма позиций русских он не прекратил огонь и одна из мин легла прямо на головы атакующих духов, сразив осколками по крайней мере четверых⁵²...

⁵¹ Класть вилку – терминология из артиллерии. Первая мина или снаряд ложится с недолетом, вторая – с перелетом, по попаданиям корректируется прицел и третья попадает точно в цель.

⁵² Стрелковые таланты духов, ходящие про них байки что из БУРов, британских Ли-Энфильд 303 попадали за километр, в основном из области мифов. Да, были у них и снайперы, были и просто удачные выстрелы, благо пуля из БУРа на километр только так летит. Но в основном относительная «удачливость» духов объяснялась тем, что они либо стреляли на очень коротких дистанциях, навязывали бой в зеленке, в населенном пункте. Либо занимали господствующие высоты, стреляли сверху вниз, в то время как нашим приходилось стрелять снизу вверх, а любой практик скажет вам что при стрельбе снизу вверх сложно рассчитать поправки.

До позиций спецназовцев не добежал ни один моджахед, один оставался в живых, и еще долго и обреченно выл на каменистом склоне, пока очередь снизу, очередь кого то из своих же не оборвала этот крик.

После провала первого штурма, наскоком – духи решили поговорить...

– Таслим! Шурави таслим!!⁵³ – хрипло заорали с тропы

Ага – шаз... Шас тебе будет таслим...

– Американ! Американ!

А вот это уже интересно. Американ. Американец! Отдай американца и уйдешь.

Лейтенант взглянул на лежащего рядом американца – тот прижимался к земле и был на удивление спокоен. Их глаза встретились...

– Им нужен я...

– Кто вы?

– Я из ЦРУ.

Твою мать... За ЦРУшника они и впрямь – рвать и метать будут.

Скворцов обернулся...

– Грузин!

Их разведчик, московский грузин бог знает в каком поколении и не знающий ни слова по-грузински, старший сержант Александр Кацава обернулся

– Головой отвечаешь – лейтенант кивнул на пленника.

– Понял, старшой...

Одновременно командовать и опекать пленника нельзя, либо одно проворонишь либо другое.

Старший сержант, не поднимаясь, ползком сменил позицию, и тут раздался торжествующий крик

– Метлы! Пацаны, вертушки идут!

Лейтенант приподнялся на локте, повернулся, чтобы посмотреть – и увидел. Как раз и увидел – то что видеть не хотел бы ни при каких обстоятельствах. Вертушек было всего две – всего два Мишки, но самое главное – ни одного Крокодила на прикрытии. И это при том, что он предупредил штаб об опасности района, о наличии в районе как минимум одного ДШК, и о том, что они окружены и по ним ведется огонь. Того придурка, кто при таких вводных отправил в район всего лишь пару Мишек – расстрелять перед строем мало. И не успел лейтенант додумать эту невеселую мысль – как из-за ближайшего холма взлетели два маленьких светлячка, набирая скорость, они рванулись к вертолетам. Вертолеты метнулись в сторону, небо расцвело огненными шарами, выпущенными системой отстрела тепловых ловушек. Одна из ракет повелась за тепловыми ловушками, лопнула огненной вспышкой – зато вторая боднула в бок один из вертолетов – и в этот же момент ярко-алые трассы с другого холма врезались в обреченный вертолет с другой стороны, добивая его.

Оставшийся в живых вертолет резко ушел вправо, ныряя в ущелье. Забирать окруженных спецназовцев он явно не собирался⁵⁴...

* * *

Спасли их почтари – когда минометчики уже окончательно пристрелялись, и когда у них появились еще четверо трехсотых. Два вертолета Ми-8, перевозящих почту, почти граждан-

⁵³ Шурави, таслим! – Советский, сдавайся!

⁵⁴ К сожалению было и такое. История афганской войны – это не только история героизма, это история и таких вот поступков. И сразу даже не скажешь кто виноват здесь больше, струсивший пилот вертолета или придурок, пославший вертолетную пару на задание, не выделив им боевого прикрытия.

ских, без блоков НУРС и с одним только курсовым пулеметом на двоих снизились, и пока один из вертолетов поливал окрестные горные склоны из курсового пулемета, второй снизился над самой вершиной. Спецназовцы, прикрывая друг друга побежали к нему. Вертолет был загружен, часть мешков с почтой пришлось выкинуть там же... но они все таки добежали, ввалились в исполненное грохота и дрожи, такое родное чрево вертушки. Все кроме одного...

Он так и не понял, как это произошло. Потом он корил себя за многое. За то что назначил именно Грузина опекать пленника. За то что пошел на этот гребаный караван. За то что, будучи сам снайпером, пропустил такого же снайпера духов. За многое, в общем. И хотя вины его в произошедшем никакой не было, он выполнил задание и почти вывел группу – за это он себя и корил. За «почти».

Когда темно-зеленая, пятнистая вертушка рванулась к вершине, спецназовцы начали отходить. Духи, поняв, что добыча уходит, открыли шквальный огонь из всего, что у них было, уже не скрываясь. Отходили, прикрывая друг друга огнем, поставив на этот отход и на эту вертушку всё, магазины вылетали за несколько секунд. Как и было положено в их группе, последними отходили командир и его замок, пулеметчик и снайпер. Непрерывно стреляя, они сорвали новую атаку, положив, по крайней мере, девятерых и держались, держались, зацепившись зубами за эту землю и за эти позиции. Пули летели над головами, очень низко...

Когда сверху застучал пулемет, прикрывая их – начали отходить и они. Ползком – иначе было нельзя, нащипговали бы как утку дробью за секунду, стоило только встать. Очередная мина разорвалась совсем рядом, болью обожгло плечо – но плевать, плевать потому, что можно идти, потому что рядом вертушка которая унесет их из этого ада, а разбираться будем потом. Все уже загрузились, навстречу лейтенанту тянулись руки, он добил магазин до конца – и сразу несколько рук рывком втащили его в вертолет. Скворцов обернулся, лязгнув брошенный пулемет – забросив пулемет, чтобы освободить руки, Шило лез в вертушку сам. Кто-то бил из автоматов через иллюминаторы, вертолет уже отрывался от земли, скользнула нога и...

Лужа крови, у самого люка. Темно-алая, почти черная лужа крови на грязном алюминии. Капли, ведущие дальше, вглубь отсека, кровавая дорожка из капель...

Лейтенант повернулся и увидел белое, мертвенно-белое лицо своего друга, «земели». Москвича Александра Кацавы. Грузина...

– Сашка...

Старший сержант Александр Кацава, Грузин, московский грузин, чей отец знал лично Окуджаву, и который мог бы отмазать сына от армии, но не стал этого делать... Старший сержант Кацава погиб у самой вертушки, прикрывая своим телом пленника. Снайперская пуля, пущенная с расстояния не меньше километра, вошла в шею, отрикошетив от самой кромки бронежилета. Он еще сделал шаг вперед, подтянулся – и упал на руки своих товарищей, уже в вертолете, заливая пол своей кровью.

Кто-то очень не хотел, чтобы пленник ушел живым...

Вашингтон, округ Колумбия. Центр исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди

Вечер 26 сентября 1986 года

Центр исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди расположен на самом берегу реки Потомак, справа от знаменитой гостиницы Уотергейт. Построенный практически сразу после публичного убийства одного из самых харизматичных президентов в истории США, он представляет собой прямоугольное здание с золотистыми колоннами, в котором находится концертный зал небольшого (если сравнивать со стадионами) размера и выставочный зал, в котором постоянно работают выставки – в основном современного искусства. Центр Кеннеди – одна из наиболее престижных исполнительских площадок страны, выступить здесь считают за честь звезды первой величины. Здание является так же средоточием интересов политической и лоббистской элиты Вашингтона, тем более что рядом – знаменитый Уотергейт с его не менее знаменитым рыбным рестораном, столики в котором приходится бронировать не менее чем за две недели.

Как и у всякого солидного некоммерческого заведения – у центра Кеннеди есть попечительский совет – только входят в него в основном не бизнесмены – а политики. Синекура эта весьма почетная – помимо прочего, она дает возможность посещать все мероприятия Центра, не бронируя заранее мест и не покупая билетов. Конечно... полезность места в попечительском совете относительна, зависит в основном от интенсивности светской жизни. Но у конгрессмена от второго избирательного округа штата Техас, достопочтенного Чарльза Уилсона – интенсивность светской жизни была очень высокой, наверное выше, чем у любого другого публичного политика США.

Достопочтенный Чарльз Уилсон, конгрессмен от второго избирательного округа штата Техас был крайне нетипичным американским политиком и чем-то походил на Джона Ф. Кеннеди, в честь которого и был назван этот центр. Высокий (около двух метров), обаятельный бывший морской офицер, разведенный (для другого политика развод был бы политическим самоубийством, но не для Чарли), любитель светской жизни, алкоголя, наркотиков, доступных женщин, радикальный антикоммунист, один из ценнейших проводников интересов Израиля в Конгрессе, состоящий одновременно в двух ключевых комитетах Конгресса – по контролю за разведдеятельностью и бюджетном – он всей своей жизнью, каждой прожитой минутой – бросал вызов не то, что политической благопристойности – но казалось, что самому Богу. К восьмидесяти шестому году он был закоренелым алкоголиком и даже чуть не умер от сердечной недостаточности – но как то выкарабкался. В свой штат в Конгрессе – он набрал очаровательных длинноногих помощниц, а в комнате отдыха в Конгрессе установил джакузи с золочеными наручниками. Он употреблял наркотики – спецпрокурор Роберт Джулиани доказал это, избежать ответственности помогло только то, что конгрессмен употреблял их на Багамах, вне зоны юрисдикции США. Наконец – недавно конгрессмен, находясь в нетрезвом состоянии, ехал по городу и совершил аварию, сбросив в реку чужой автомобиль. Все это – должно было точно прикончить его политически и возможно даже физически – но Чарли Уилсон держался на плаву несмотря на то, что, регулярно переизбираясь от одного из самых консервативных и пуританских избирательных округов в стране. И да... он был членом Попечительского совета центра исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди, что давало постоянно сидевшему на мели конгрессмену водить сюда своих подружек, ничего не платя за это.

Сегодняшнюю подружку звали Триш, Патриция, они сидели в баре, конгрессмен рассказывал ей несколько забавных историй из своей политической практики и времен службы на флоте, они выпили три коктейля, что для Чарли Уилсона было как слону дробина, а вот для девушки

уже изрядно – и наверное, все было бы на мази, если бы в самый неподходящий момент не появился официант, таща этот проклятый новомодный телефон Моторола без проводов, здоровенный кирпич с антенной. Чарли зло чертыхнулся – он приказал никому его не беспокоить сегодня, если не будет очень уж серьезного повода. Вообще... с появлением этих телефонов, когда любой мог найти любого в самый неподходящий момент – жизнь становилась все более невыносимой...

– Я слушаю... – рявкнул Чарли, одновременно делая мину, которую девушка должна, наверное, была расшифровать как «Извини, служба»

– Сэр... – это была Анна, одна из тех красавиц, которых на Капитолийском холме знали как «Ангелы Чарли», и которые делали для него все, начиная от обеспечения работы его офиса и заканчивая сокрытием его запоев. С ними, кстати, Чарли не спал.

– Господи... я же просил не беспокоить.

– Сэр, прошу прощения, но звонят из Пакистана, уже третий раз. Господин... – Анна сделала паузу, чтобы свериться с записями – уль-Хак. Он сказал, что он президент и последний раз он был очень сердит.

Чарли мысленно застонал... уль-Хака он знал лично, и он действительно мог звонить. С ним его познакомила Джоанна Херинг, техасская светская львица, одно время почти жена и почетный консул Пакистана. Проблема была в том, что в последнее время уль-Хак был излишне нервным, и каждый раз, когда он сильно нервничал – он поднимал трубку и звонил кому-то в США, чтобы его успокоили. Эскалация боевых действий в Афганистане шла полным ходом, США вкладывали в вооружение и оснащение моджахедов большие деньги – но Соединенные Штаты Америки были за океаном, а вот Пакистан имел с СССР почти что общую границу – лишь тонкий горный хребет принадлежавший Афганистану разделял Пакистан и СССР. Моджахеды оказывали советской армии всё более ожесточенное сопротивление, все больше и больше советских солдат отправлялись домой в гробах – и глупо было думать, что Советский союз просто так это оставит. Генерал уль-Хак был осторожен, он не раз и не два высказывался против эскалации афганского противостояния, продолжить его уговаривали американские друзья – но делать это с каждым разом становилось все сложнее и сложнее. Крайний раз, когда уль-Хак был в СССР – это были похороны советского вождя Черненко – новый советский вождь, Горбачев отвел его в сторонку и сказал, что если Пакистан не прекратит принимать помощь для моджахедов – то он собирается сбросить на Исламабад атомную бомбу. До этого – еще один советский лидер, Юрий Андропов сказал уль-Хаку, что если тот не прекратит – КГБ убьет лично его и все его правительство. Сейчас – все вроде бы успокоилось, в Женеве трудно – но все же шел перегорный процесс по Афганистану – но Чарли Уилсон знал, что с коммунистами всегда надо держать ухо востро. И на звонок президента уль-Хака он не мог не ответить: президент был лично его другом, равно как и поддержка моджахедов в Афганистане была лично его проектом, который он воплощал в жизнь вот уже несколько лет, практически в одиночку сражаясь с половиной американского политического бомонда.

И потому Чарли, пусть он был немного пьян, и вовсе не хотел прерывать столь многообещающий вечер – бросил в трубку

– Еду.

* * *

На Капитолийском холме – уже почти никого не было, но он призывно светился в ночи, маяк свободы, форпост свободного мира. Чарли подъехал к нему на своем старом Линкольне – денег на новую машину у него не было, да и вообще к жизненным благам он был довольно равнодушен, если речь не шла о сиюминутных развлечениях. Водителя у него тоже не было, он вел машину сам, и то что он был пьян – его ничуть не смущало...

Анна – увидев его сделала большие глаза, протянула ему трубку, и, с одного взгляда поняв состояние конгрессмена, принялась готовить ему крепкий кофе. Несмотря на разгульный образ жизни – женщины любили конгрессмена Чарли Уилсона, он представлялся им большим и невоспитанным ребенком...

– Я слушаю... – сказал Чарли в трубку, и присел на край стола, потому что поддерживать вертикальное положение для него было довольно затруднительно.

– Чарли... – президент уль-Хак, сын горниста британской армии был склонен к типично британскому панибратству – у нас большая беда. Крепись, во имя Аллаха. Твой друг попал в плен к коммунистам.

– Какой друг? – не понял Чарли. Он нуждался в крепком кофе, свежем воздухе и не мог понять, о чем речь

– Твой друг, который прилетел к нам. Русские парашютисты напали на них у границы.

Чарли потряс головой, чтобы хоть немного прийти в норму

– Гас? Ты имеешь в виду Гаса? Как он там оказался?

Оперативного сотрудника ЦРУ Гаса Авратакиса – он видел не далее как вчера. Авратакис – был именно тем сотрудником ЦРУ, который дал Чарли в руки оружие против коммунистов, подсказал, как надо действовать.

– О, Аллах, ты о чем? Твой конгрессмен, про которого ты говорил, что он дает деньги бедным странам.

– Док?! А он тут при чем?

– Его похитили русские парашютисты! Выбили караван, выбили охрану, о, Аллах...

Уилсон начал трезветь

– Постой. Ты говоришь о Лонге? Том самом конгрессмене, Доке Лонге? Невысокий, седой? Как он у вас оказался?

– Он прилетел вчера на самолете. Сказал, что это проверка, мы его отправили в Пешавар. Ты говорил, что с ним надо обращаться вежливо, мы так и сделали. Он потребовал записи о том, как распределяются деньги. Потом говорил с Хекматъяром. Потом потребовал, чтобы мы показали ему, где мы храним оружие, которое покупаем. Мы отправили его на приграничный склад, клянусь Аллахом, я приставил хорошую охрану, клянусь Аллахом...

– И что?

– Русские! Русские парашютисты, они разбили конвой. Мы пытались их остановить, даже подняли самолеты – но это нам не удалось.

Перед носом конгрессмена оказалась чашка горячего кофе – который был как нельзя кстати.

– Итак, послушай. ты говоришь, что конгрессмен Лонг прилетел к вам вчера, и его похитили русские парашютисты. Ты уверен, что это так?

– О, Аллах, да, это были русские! Мы это точно знаем, они сели на вертолет. Мы преследовали их – но это настоящие шайтаны.

– Господи...

– Что делать?

– Ты звонил кому-то еще?

– Нет. Я позвонил только тебе, я не знаю, что делать.

Кофе хоть немного – но привел конгрессмена в чувство. Тяжело дыша, он сидел и пытался понять – что, ко всем чертям делать.

– Ты уверен, что он жив?

– Его не нашли среди трупов. Эти ишаки сказали, что русские забрали его с собой.

– Посольство знает?

– О, Аллах, никто ничего не знает. Ты первый.

– Так. Не звони никому. я тебе перезвоню...

– Что делать...

Чарли нажал на рычаг, разъединяя линию. Начал набирать другой номер, один из немногих, которые он помнил наизусть даже в таком состоянии. Номер был в Лэнгли.

– Анна. Анна!

– Да, сэр! – Анна моментально оказалась рядом, сочувственно смотря на него.

– Найди кого-нибудь из аппарата Лонга. Спроси, где Док. Не отставай от них, пока не скажут, поняла?

– Да, поняла...

На номер в Лэнгли можно было позвонить далеко не с каждого телефона – но с этого было можно. Чарли имел спецдопуск, как член подкомитета по контролю за разведдеятельностью, и кроме того – был известен в ЦРУ как один из немногих порядочных людей на Капитолийском холме, который не считает Лэнгли скопищем маньяков и не жаждет их крови. Оставалось только надеяться, что Авратакис на месте. Сейчас у «афганской» группы был отдельный офис в Лэнгли, а программа помощи моджахедам считалась самой приоритетной и на нее уходило больше половины бюджета на тайные операции. Все это обеспечил почтенный Чарльз Уилсон.

Щелчок соединения.

– Гас, это я – быстро сказал Чарли – кажется, у нас проблемы. Ты знаешь о том, что Лонг в Исламабаде?

– Лонг? – удивился Гас Авратакис, оперативный сотрудник ЦРУ, координирующий всю помощь движению моджахедов – кто это черт возьми такой?

– Лонг, из Конгресса. Ты вообще знаешь о том, что он в Исламабаде?

– Нет, какого черта он там делает?

Подошла Анна. Конгрессмен Уилсон прикрыл микрофон ладонью.

– Ну, что?

– Сэр – шепотом сказала Анна – Лонга нет на месте, и никто не знает где он, со вчерашнего дня. Говорят, что он отправился в какую-то поездку, по линии Госдепа

– Чарли! Чарли, что происходит! Кто в Исламабаде?

– Уже никто... – сказал конгрессмен Чарльз Уилсон в трубку – кажется, русские похитили конгрессмена Соединенных Штатов.

Вашингтон, округ Колумбия. Белый Дом, ситуационная комната

27 сентября 1986 года

Информация о том, что в горах близ афганской границы произошло серьезное ЧП – дошла до Вашингтона только в середине следующего дня. И только к концу дня – в Вашингтоне осознали всю серьезность ситуации.

Такое реагирование – а для США, с их налаженной системой обеспечения национальной безопасности такой срок реагирования является неприемлемо долгим – было обусловлено сразу несколькими факторами. Первый – конгрессмен Лонг, отправляясь в поездку в Пакистан приложил все усилия к тому, чтобы об его поездке знало как можно меньше людей, в частности – он не поставил в известность как полагается руководство ЦРУ, не поставил в известность Пентагон, не поставил в известность аппарат Конгресса США. Поездку – он провел как рабочую через Госдепартамент США, особо предупредив о том, чтобы не смели трепаться до поры до времени. И этому – были свои причины. К осени восемьдесят шестого года в ЦРУ и Пентагоне сложилось мощное лобби, выступающее за оказание максимально возможной помощи афганским моджахедам в борьбе против Советского Союза, а так же за кардинальное перевооружение Пакистана новейшим американским оружием, в частности за поставки самолетов F16 с новейшими радарными (из зарубежных клиентов такие получал только Израиль), а так же за массовые поставки танков M1A1 Абрамс. В ЦРУ – главными «застрельщиками» этого дела были офицер оперативного отдела Гас Авратакис и начальник управления по борьбе с терроризмом Гас Хатауэй, в Конгрессе – интересы Пакистана и Афганских моджахедов продвигал конгрессмен от Техаса, distinguished Чарльз Уилсон. Какое-то время конгрессмен Лонг был цдиком на их стороне – но сейчас что-то заставило его сорваться в Пакистан, в опаснейшее приграничье для личной проверки чего-то – и отправляясь в это опаснейшее путешествие, он сделал все для того, чтобы оставить «пакистанское лобби» в Вашингтоне в неведении относительно своих планов.

Военный диктатор Пакистана, генерал-полковник Мухаммед Зия уль-Хак лично знал конгрессмена Лонга, потому что пару лет назад его представил ему лично конгрессмен Чарли Уилсон в ходе их совместной поездки на Ближний Восток. Уилсон предупредил уль-Хака относительно того, что конгрессмен Лонг практически единолично распределяет бюджет, выделяемый на оказание помощи зарубежным друзьям, и у конгрессмена Лонга чертовски дурной, даже самодуристый характер – поэтому относиться к нему надо так, как к доброму дядюшке с перспективой большого наследства. Когда из Госдепартамента США через посольство США уль-Хаку сообщили о срочном визите конгрессмена Лонга в Пакистан – диктатору и в голову не пришло, что этот визит не согласован с его вашингтонскими друзьями. Он позвонил своему старому соратнику, начальнику Межведоственной службы разведки ИСИ, генералу Ахтару и приказал принять конгрессмена как полагается, выделить ему охрану и показать все, что он сочтет нужным. Генерал Ахтар «спустил» указание вниз, «придворная» 111-я пехотная бригада выделила солдат для охраны. Визит был подготовлен чертовски плохо, в спешке, совсем не так, как было когда готовили визиты больших американских делегаций, и к делу подключалось ЦРУ. Итог: на территории Пакистана транспортный караван попал в засаду советского спецназа и в их руках – оказался американский конгрессмен.

Сначала – командование Пешаварской стрелковой бригады, в зоне ответственности которой все это происходило – старалось выправить ситуацию своими силами, и это ей не удалось, но время было потеряно. Затем...

Картинки из прошлого. Германская демократическая республика. Балтийское побережье, санаторий Национальной народной армии. Зима 1986 года. Заговорщики...

С утра похолодало – и сильно. Унылый, приходящий со свинцово-серой Балтики ветер с завыванием бил в старинные окна особняка на побережье, словно просясь погреться, жалобно стонал, жалуясь на свою нелегкую долю. Весь песок побережья с утра покрылся прозрачной ледяной изморосью, слизываемой холодными накатывающимися на берег валами волн. Было холодно, сыро, мрачно и смурно...

Здесь никогда не спрашивали имен, здесь не смотрели на лица. Здесь вышколенная прислуга появлялась, словно по мановению волшебной палочки именно тогда, когда бывала нужна – и скрывалась вновь, здесь было тепло и уютно – толстые стены отсекали сырую балтийскую выюгу. Это был замок. Объект «замок».

Замок...

Здесь на побережье когда-то была крепость рыцарей-тевтонов. Тогда границы были совсем другие, Польша, или Польско-литовское княжество не имело выхода на Балтику, Швеция с ее первоклассным войском считалось «молотом Европы», в немцев от русских отделяли где одна, а где две границы. А здесь, в стоявшем на этом месте замке, под закопченными балками, удерживающими свод, дымно горели факелы, в старом огромном камине жарилась туша оленя целиком, а мрачные, пышно одетые люди рвали зубами еще горячее мясо, запивали его вином и произносили речи. О, какие это были речи! В этих речах был лязг мечей и гарь покоренных городов, удар копья о турнирный щит и жалкий вопль женщины из города, отданного на три дня на разграбление, заунывный вой трубадуров перед поединком и грохот копыт по иерусалимской земле. Люди говорили – и слова валунами срывались с их губ. Вставали горою за веру Христову, за землю родную, за короля и папу. А потом эти люди надевали доспехи – и уходили. Уходили в бой.

Они уходили – и снова стонала земля под копытами их коней, и снова закованная в латы рыцарская «свинья» повергала ниц неверных. Они уходили – и рвались как паутина границы, в огне пожаров рушились города и царства. Они уходили – и обратно возвращались не все и всегда. Но на смену им вставали другие.

Шли времена

Времена шли – но мужчины оставались все теми же. Война была главных их развлечением, главной услугой и главным смыслом жизни. На место посыпанных песком ристалищ с трибунами для поединков конных рыцарей пришли пушки и винтовки, массовая армия сменяла рыцарскую – но самый главный вопрос оставался все тем же. Достоин ли ты. Своей родины, своей веры, своей земли, своего рода. Своего имени.

Последний раз это было в сорок первом. Вновь, как многие столетия, на восток уходили рати, и земля стонала под гусеницами танков, и рати той было несть числа, и на оружии их начертан был крест. А на Востоке их ждала другая рать – и было той рати тысячи тысяч и развевались над тем воинством их флаги. Красные как кровь.

И были битвы – каких доселе не было. Битвы, когда дым застилал небо, когда горели города и исчезали в адском котле сражений целые армии. Битвы – где рати запада показали себя достойными победы – а рати востока стяжали себе право быть непобедимыми. Битвы – не приведи Господь еще таких битв.

Но отгремели бои и осела пыль. И увидели воины разоренную землю свою, и сочли число павших своих, и ужаснулись тому числу. Велико было число то, и не было победителей ни на

востоке ни на западе. Ибо одни проиграли сейчас – а другие обречены были проиграть чуть позже, потому что ранен был их народ и ранен тяжело. Выиграли те, кто посмеивался, смотря на происходящее из-за океана, те кто насылал на Европу полчища самолетов, те кто воевал из поднебесной выси.

И не стало больше рыцарей, пали они на поле боя. А на смену им шло другое – мелкое подленькое, за водопадами пустых словес скрывающее собственную ничтожность и глупость. Жадное. Слабое – и потому жесткосердечное, ибо только сильный может позволить себе быть добрым. Они шли, науськиваемые из-за океана – и некому было их остановить.

Обесценились слова, исполненные лжи. Потеряли смысл, испохабились поступки.

Пали рыцари. Все. Или почти все.

Все ли?

Они приехали сюда в разное время и разными путями. Кто-то добирался поездом, кто-то самолетом, кто-то – автомобилем. Начальная точка путешествия тоже была у все разной – Карловы вары, Калининград, Берлин, Солнечные пески, Крым. Собирались они в течение нескольких дней – прибывшие первыми ждали отставших. Принципиальным отличием этого собрания от тех, что были раньше было то, что на нем присутствовали наблюдатели от ГДР и Румынии. Этим странам отводилась ключевая роль в планах заговорщиков.

Замок ждал их. Верней – это был уже не замок. В сорок четвертом армада бомбардировщиков, взлетевшая с британского архипелага, прошла над этим местом и несколько самолетов сбросили сюда свои бомбы. Здесь была «лебенсборн» – замок СС, где женщины должны были рожать истинных арийцев, рыцарей. Короче говоря, объект СС, подлежащий уничтожению – ибо не нужны были больше рыцари. По тому, что осталось в сорок пятом прохрустели гусеницами советские танки.

Но время шло – и те же советские, что в сорок пятом штурмовали Берлин – помогли немцам восстановить замок. Потому что время войны пришло – и настало время восстанавливать разрушенное войной, и кто это понимает лучше тех, кто сам пострадал от войны, от ее разрушений больше всего. Вместе, рука об руку, русские строители и немецкие строители построили здесь санаторий, разбили сад. Все это строилось как база отдыха для офицеров Группы советских войск в Германии. Старших офицеров – поэтому и строили соответственно. Сам замок, крепостные стены восстанавливать не стали – бесполезно это было, война, гусеницы танков и взрывы авиабомб снесли все до основания. Но поставили рядом с парой уцелевших строений замка несколько точно таких же, даже сделанных как раньше – из камня только на цементе. Разбили парк, вместе посадили деревья. Немцы, восстанавливавшие здесь все, помнили про погибших здесь женщин и тайно сделали небольшой памятник, тайно потому что боялись русских. Но русские узнали и ... первые принесли цветы к этому памятнику. А потом и вовсе – передали построенный объект немцам.

Загадочная русская душа.

Сейчас русские собрались вновь. Это были те же русские, они чем то очень походили на русских сороковых-пятидесятых годов. Они были разные – кто-то среднего возраста, кто-то постарше. Кто с проседью, а кто и седой как лунь. Разные настолько, что непонятно было, что их объединяло.

Один – с роскошными черными усами и бесенятами в сверкающих глазах произносил какие-то тосты и пытался ухаживать за медсестрой, которая делала ему массаж. Он много и громко шутил, переходил с русского, который здесь все знали в объеме школьного курса на какой-то другой язык, отрывистый и гортанный, он привез с собой в машине несколько бутылок вина и угощал тех, кто сидел с ним за одним столом, он громко и со вкусом произносил тосты, воинственно поднимая бокал. Он старался не выходить на улицу, даже тепло одетый – говорил что замерзает.

Второй – неприметный, среднего роста, в военной форме полковника – связиста (он то как раз полковником советской армии не был и поэтому надел форму). Он не отличался никакими особыми приметами – взглянешь и забудешь через пять минут – и старался вести себя максимально тихо и незаметно. Он даже разговаривал вполголоса.

Третий – одетый в дешевый костюм, полноватый, даже толстый, довольно молодой на вид превосходно знающий немецкий. Отличали его глаза – жесткие, царапающие, он видимо это знал и поэтому старался не смотреть в глаза собеседнику. Вел он себя тоже – предельно тихо. Из всех остальных он оказался самым нуждающимся в медицинском лечении, но переносил его стоически, не ныл, не жаловался и делал все, что приказывали врачи.

Четвертый – на вид старше всех остальных, под семьдесят или даже чуть старше. Высокий, седой как лунь старик с орлиным носом, похожий на европейского аристократа, чей род уходит в глубины веков. У него был звучный, спокойный баритон, он говорил по-немецки как истинный немец и по-русски совершенно без акцента, он почему-то носил все черное делая себя похожим на владельца похоронной конторы. У старика оказалось удивительно крепкое, богатырское здоровье, процедур ему почти не назначили – свободное время он проводил прогуливаясь по берегу, несмотря на мороз. Легко одетый, он мог гулять по два-три часа.

Пятый – старый, с плешью вместо волос, с очками «минус пять», он не говорил по-немецки, на обследовании постоянно ныл и жаловался на болезни, половина из которых при осмотре не подтвердилась. У него были дряблые мышцы и нездоровая кожа, цвет лица неопровержимо свидетельствовал о том, что большую часть времени ему приходится проводить в сидячем положении, работая с документами. Он привез с собой целых два свитера и постоянно жаловался своим друзьям, что в комнате плохо топят, а в столовой плохо кормят – обслуга понимала русский язык. Его друзья относились к этому с юмором.

Шестой – сильно похожий на второго, только моложе и выше ростом. Удлиненное лицо его делали еще длиннее ранние залысины, волосы его были даже не светлые – белесые и редкие. Он носил очки в дорогой золотой оправбе не расставался с книгами, которых привез несколько штук – постоянно что-то читал, даже будучи в столовой. На вопросы всегда отвечал, что всем доволен и претензий у него нет. Здоровье у него тоже было превосходным.

Седьмой – невысокий, худощавый, в сером костюме-тройке, с короткой «чеховской» бородкой с проседью, он пытливо смотрел на собеседника поверх очков своими удивительно синими, как русское небо глазами, иногда отвечал мягко и спокойно, но большей частью слушал. Он никак не тянул ни на военного, ни на разведчика – скорее на директора сельской школы. Однако, случись здесь кто-нибудь вроде заместителя директора ЦРУ по разведке – он пришел бы в ужас, увидев вблизи себя этого «учителя». Если бы смог его опознать – «учитель» менял свою внешность примерно раз в год, причем, если требовалась борода – он ее не наклеивал, а отращивал. Его привезли позже всех, на черной Татре – и здоровье его врачи проверить не успели.

Восьмой – его то здесь знали, ибо высшие чины Штази не раз пользовались санаторными комплексами Народной армии. Средних лет, среднего роста, лысый, с недобрыми глазами. Он постоянно осматривался по сторонам – будто опасался чего-то.

Кто-то прибыл раньше, кто-то позже – но постепенно их стало восемь человек. Потом привезли девятого – и все закрутилось. Человек из Штази приказал персоналу покинуть один из корпусов – он и так был освобожден по приказу сверху под эту странную группу – но тут приказали, чтобы в корпусе не было ни одного человека кроме этих. Спорить с высокопоставленным сотрудником Штази ни у кого желания – сделали как он приказал. За последней медсестрой он запер дверь – изнутри на замок. Еще раз лично проверял все помещения. Потом сказал всем, что пора собираться...

В одной из комнат второго этажа санаторного блока «Б» санатория для высшего командного состава ННА, вокруг круглого стола собрались несколько человек. Ни на одном из них не

было формы, хотя к форме они привыкли. Оделись одинаково, как это было принято в санатории – даже тот кто раньше предпочитал носить свою одежду снял ее и надел санаторную. Обычные, дешевые синие спортивные костюмы, в каких тренируются спортсмены добровольных обществ. Решительные и властные лица людей, привыкших добиваться своего – скрытые тьмой.

Рыцари. Возможно – последние из оставшихся в живых в победившей невиданного врага великой стране. Последние – готовые сразиться. Последние – готовые умереть за то, во что они верили.

Свет в комнате не горел, горел только камин, добавляя в обстановку совещания какой-то средневековый колорит – словно рыцари собрались у круглого стола, решать что делать с драконом. На совещаниях – на это было далеко не первое – не зажигали свет. Записывать было нельзя, доклады читались тоже по памяти. Да и лучше себя эти люди чувствовали, в темноте – по крайней мере, большая их часть.

Они и впрямь были рыцарями. И дракон – тоже был...

Ведущий совещания, тот кого доставили в санаторий последним, звучно откашлялся, давая понять – начинаем. Тихие разговоры, если где-то и были – моментально умолкли.

– Владимир Владимирович прошу вас.

Владимир Владимирович, старший оперативный офицер ГРУ ГШ, направление – Западная Европа, как это вошло в привычку перед выступлением у многих, как следует откашлялся.

– Да, товарищи... В общем и целом, задачи, поставленные на предыдущем собрании, мною и моей группой выполнены. Собрана и проанализирована информация, получены и обобщены агентурные данные. Мне представляется, что то, что мы считали планом ЦРУ США, на самом деле разработано другими людьми. ЦРУ США уже получило готовый материал и выступает в роли одного из исполнителей. Истинные разработчики плана – граф Александр де Маранш, бывший начальник СДКЕ, и бывший советник президента Франции Жак Фоккар⁵⁵. В настоящее время оба они официально находятся в отставке, на деле же их активная деятельность финансируется крупными промышленными объединениями, относящимися к военно-промышленному комплексу США. На французское авторство плана указывает его первоначальное кодовое название – «Гугенот»⁵⁶. Граф де Маранш и его люди сорвали наши попытки блокировать финансирования афганской вооруженной оппозиции, путем провоцирования скандалов в прессе, связанных с распределением выделяемых средств, и с незаконными сделками ЦРУ США с антиамериканскими режимами, в частности с Ираном. Благодаря де Мараншу и организованному им «Сафари-Клубу»⁵⁷ – совету наиболее экстремистски настроенных руководителей государств и спецслужб Ближнего и Среднего Востока, на сегодняшний день афганская вооруженная оппозиция, закупки ею оружия и выплаты командирам бандформирований на продолжение джихада против шурави, на пятьдесят процентов финансируются деньгами с Ближнего Востока, и только на оставшиеся пятьдесят процентов – американцами. Наиболее близкий к де Мараншу человек на Ближнем Востоке – принц Турки аль-Фейсал, руководитель Аль-Мукхабарат Аль-Аамах (Службы общей разведки Саудовской Аравии), является координатором по сбору и отправке денежных средств, также по отправке в Пакистан экстремистски настроенных подданных монархий Ближнего Востока. Сам аль-Фей-

⁵⁵ Прим автора. – имена и должности подлинные. СДКЕ – французская разведка.

⁵⁶ Гугеноты – французские протестанты. Резня гугенотов в Париже, в которой погибла четверть населения города, вошла в историю как Варфоломеевская ночь. В массовых убийствах участвовал лично король Франции Карл IX. Кстати сказать, в ту ночь погибло в религиозной бойне от пятнадцати до двадцати пяти тысяч человек – это больше, чем Иван Грозный правивший в то же самое время казнил за всю свою жизнь. В летописных книгах записана реакция Ивана Грозного на Варфоломеевскую ночь: «Во французском королевстве несколько тысяч людей от старух и до сущих младенцев избито и о том крестьянскому государю пригоже скорбеть, ибо король французский без ума поступил, и кровь великую пролил». Однако, примером тирании служит именно правление Ивана Грозного.

⁵⁷ Прим автора – и эта информация соответствует действительности.

сал является ярким антикоммунистом, таким же, как Фоккар, де Маранш, и их американские контрагенты, прежде всего директор ЦРУ Уильям Кейси. Деятельность аль-Фейсала получает одобрение и всемерную поддержку со стороны монархов Ближнего Востока, так как, отправляя боевиков на джихад против русских, они устраняют нашими руками своих наиболее опасных подданных, способных в будущем поднять мятеж против них самих. Такой метод устранения для них крайне выгоден, поскольку если бы они судили и казнили опасных для них лиц – это могло бы привести к волнениям и даже вооруженному мятежу по типу исламской революции в Иране. Здесь же они избавляются от своих врагов, отправляя их на святое дело джихада, где они погибнут от пуль неверных, советских солдат. По данным ближневосточных резидентур, распространены случаи, когда в Пакистан для вступления в бандформирования освобождались из мест заключения и централизованно переправлялись лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе – приговоренные к высшей мере наказания. Таким образом, Ограниченный контингент советских войск в Демократической республике Афганистан воюет не столько против афганского народа – сколько против собравшихся со всего арабского мира террористов, исламских экстремистов и уголовников, проходящих специальную военную и диверсионно-террористическую подготовку на территории Пакистана. Считал бы необходимым разработать и осуществить специальную операцию, направленную на пресечение деятельности де Маранша, Фоккара и Аль-Фейсала, а также на разгром «Сафари-клуба». У меня – все, товарищи.

Ведущий совещания, чье лицо было в тени, поднял руку

– Предложения обсудим потом, Владимир Владимирович. Сначала прослушаем имеющиеся доклады, чтобы видеть общую картину. Павел Иванович, имеете что-то сказать?

– Да, товарищи. Моя группа проанализировала причины провала плана «Эдельвейс», намеченного к реализации в течение 1985 года. Как вам уже известно, в 1985 году межведомственная группа сотрудников аналитического директората ЦРУ и отдела по борьбе с советской угрозой оперативного директората, проанализировала состояние дел в Пакистане и Афганистане. Результатом этого анализа стало признание того факта, что перестроив структуру Сороковой армии, реализовав комплекс мероприятий под кодовым названием «Завеса», перенеся акцент с массированных ударов и зачисток на точечные удары хорошо подготовленных и оснащенных отрядов специального назначения, начав активные переговоры с лидерами колеблющихся племенных объединений, Советскому союзу удалось перехватить инициативу в афганском конфликте, добиться устойчивой тенденции к снижению собственных потерь и одновременно добиться резкого нарастания потерь у противной стороны. Среди личного состава пуштунских племенных формирований возникли и нарастают тенденции к отказу от войны ввиду ее бесперспективности и замирению с правительством. Если в начале войны афганцы составляли до девяноста процентов личного состава отрядов, сражающихся с правительственными войсками и ОКСВ – то теперь после тяжелых потерь и разочарования афганцев в войне, до половины составляют наемники, прибывшие из разных стран Ближнего Востока. Некоторые отряды, такие как «черные аисты» Бен Ладена – состоят из наемников полностью. Афганским и советским разведывательным службам удастся не только уничтожать, но и брать в плен таких наемников, что подрывает социальную базу сопротивления. Все больше афганцев начинает воспринимать войну не как войну против советского вторжения – а как войну афганцев против вооруженных арабских и пакистанских наемнических банд, пользующихся поддержкой извне. В качестве вывода, межведомственная группа рекомендовала прекратить поддержку незаконных вооруженных формирований в Афганистане и сосредоточить усилия ЦРУ на недопущение разрастания социалистического движения в Латинской Америке, в частности в Сальвадоре, Колумбии и Никарагуа. Данный доклад был передан для ознакомления директору ЦРУ, заместителям директора ЦРУ по аналитической и оперативной работе, также по одному экземпляру было направлено в комитеты по разведке Сената США и Конгресса

США. Однако, произошло нечто такое, что заставило этот доклад положить под сукно. Более того, в оперативный отдел ЦРУ спущено указание максимально активизировать подрывную работу в Афганистане, с этой целью туда направляется один из самых опытных сотрудников ЦРУ, некий Милтон Уорден⁵⁸. Точно выяснить причину, заставившую американское разведсообщество кардинально поменять свой взгляд на проблему не удалось, однако были отслежены ряд контактов высокопоставленных работников Центрального комитета КПСС с установленными американскими разведчиками в Лондоне и Женеве. Можно предположить, что американское разведсообщество получило некие сигналы, исходящие от кого то, занимающего высокий пост в ЦК КПСС, о том, что советское руководство также рассматривает вариант о прекращении помощи Афганистану и выводе Ограниченного контингента. В этом случае, поведение американских разведчиков хорошо объяснимо – резкая активизация вооруженной оппозиции должна подтолкнуть советское руководство к принятию решения о выводе войск и сдаче Афганистана, так же к свертыванию всех реализуемых в настоящее время оперативных планов, нацеленных на достижение победы в войне. Контакты же на уровне ЦК КПСС, минуя посольство и структуры разведки, могут иметь целью тайное согласование сроков и порядка вывода войск, а также получение у американцев определенных гарантий прекращения помощи бандформированиям оппозиции. Не приходится сомневаться в том, что если такие договоренности и будут достигнуты – с американской стороны они будут полностью или частично нарушены. Тем более, что согласно докладу предыдущего докладчика, доминирующим каналом финансовой, материальной и людской подпитки сопротивления является ближневосточный, а вовсе не американский канал. Значит, с американцами договариваться о прекращении войны бессмысленно, договоренность в любом случае не будет выполнена.

Следует признать, что план «Эдельвейс» не был реализован по причине вмешательства неконтролируемых факторов, причем факторы эти находились с советской стороны. На этом пока все что имею сказать, товарищи...

– Хорошо. Вы, Александр Владимирович...

Александр Владимирович, самый толстый из присутствующих и самый высокопоставленный на невидимой иерархической лестнице – отдел административных органов ЦК КПСС – медленно протер очки салфеткой, прежде чем начать говорить. В отличие от других своих коллег, он был не просто коммунистом – за имиджем бабника и не дурака выпить он скрывал жестокий и коварный ум в совокупности со сталинистскими взглядами, в его возрасте почти не встречающимися. Удивительно – но даже в аппарате ЦК КПСС ответственные работники не упускали случая побольнее пнуть умершего вождя...

– Работа ведется по всем направлениям. Докладываю только самые важные. В настоящее время, второй оперативной группой ведется разработка Викентия Михайловича Бобыкина⁵⁹, первого заместителя председателя КГБ СССР, координатора операции «Обновление» после смерти Андропова. Подходы к Бобыкину затруднены его плотным оперативным прикрытием. Но кое-что установить все же удалось. Так, с вероятностью более 90 процентов удалось установить, что в качестве основного фигуранта второго этапа операции «Обновление» предусматривается использование Ельцина Бориса Николаевича, 1931 года рождения, депутата Верховного совета СССР, бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС, первого секретаря Московского горкома КПСС.

Согласно полученному нами психологическому портрету и установочным данным, Ельцин властен, честолюбив, импульсивен, не задумывается о последствиях принимаемых им решений, склонен к импровизациям. Готов на все ради достижения своих целей. Большое

⁵⁸ Имя подлинное. Резидент ЦРУ в Пакистане в описываемый период. План «Эдельвейс» так же имел место в действительности.

⁵⁹ Кто это на самом деле – думаю, несложно догадаться Глушков – тоже.

значение придает мнению окружающих людей, легко поддается внушению. Злоупотребляет спиртным.

В настоящее время Ельцин находится под полным контролем деструктивных сил в КГБ и ЦК КПСС. В аппарате ЦК его «ведет» подрывная группа, возглавляемая заведующим отделом идеологии, членом ЦК КПСС Яковлевым, по линии КГБ – группа под непосредственным руководством первого зампреда КГБ Бобыкина. Судя по данным полученным ПГУ КГБ СССР от своих источников, Яковлев является также американским осведомителем и агентом влияния, реализация материала на Яковлева блокируется Бобыкиным – на уровне КГБ и лично Горбачевым – на уровне Центрального Комитета партии. Уже уровень кураторства Ельцина говорит о том, какое значение придается этому человеку в реализации второго этапа плана «Обновление». Удалось так же установить что в качестве непосредственного контролера Ельцина выступает его прикрепленный, некто Глушков Александр Васильевич, сотрудник Девятого управления КГБ СССР, напрямую причастный к подрывным действиям начального периода войны в Афганистане, бывший прикрепленный Бабрака Кармалы⁶⁰. В настоящее время Ельцин полностью попал под влияние этого человека.

– Сам Ельцин знает либо догадывается о предстоящей роли, которую он должен исполнить? – спросил кто-то из темноты.

– Результаты первичной проверки заставляют предположить, что данные силы используют Ельцина втемную, и о его роли в предстоящих событиях он не догадывается.

– Александр Владимирович, у вас все?

– Еще небольшое сообщение. В ПГУ КГБ начата тотальная проверка по некоторым отделам и секторам, которые интересуют и нас, в частности по американскому и французскому. Результаты проверок заставляют предположить, что из отделов убирают неугодных людей. Подобного рода проверки идут и в аппарате ЦК. Теперь все.

– Хорошо. Гурген Аташесович.

Гурген Аташесович, офицер Генерального штаба, начальник управления, который, несмотря на то что родился в Гори, ухитрился полностью избавиться от грузинского акцента – считалось что это невозможно – перед тем как говорить слегка привстал и снова сел на свое место.

– План Камнепад в своей реализации столкнулся со значительным противодействием. Непосредственно реализацией плана занимается известный всем нам Владимир Дмитриевич, он не рискнул приехать. По нему и по его активности уже и так задаются вопросы и в советническом аппарате и в штабе Сороковой армии. Лучше не рисковать. Однако, информацию он передает регулярно. В настоящее время, его агентурными группами уже налажены связи с командирами двух армейских корпусов афганской армии, которые планируются к использованию на первом этапе плана Камнепад, ведется активная работа с местными племенными формированиями. Активная настолько, насколько это возможно, учитывая требования безопасности. Фиксируется противодействие со стороны ХАД, представительства КГБ, совпосольства, штаба Сороковой армии. Простым недомыслием или случайностью это назвать нельзя.

– Какого рода противодействие?

– Слежка. Нанесение ударов по племенным формированиям, с которыми ведутся переговоры и которые готовы перейти на сторону народной власти. Активная агентурная работа ХАД. Кто-то делает все, чтобы война продолжалась...

– Твою мать... – не сдержался кто-то за столом – в Великую Отечественную бы так воевали, кто-то воюет, а кто-то...

– Достаточно. Павел Иванович, добавьте?

⁶⁰ Это и в самом деле так.

– Так точно. Моей группой налажен рабочий контакт с высокопоставленными индийскими офицерами. Предварительная договоренность на сегодняшний день такова – Индия готова объявить войну Пакистану на третий день операции. Раньше – категорическое нет, они хотят убедиться в серьезности наших намерений.

– И нашим и вашим... – заметил кто-то из темноты

– Так точно. Они готовы признать независимый Пуштунистан в случае, если Советский союз признает Индию в границах до 1947 года, исключая пуштунские земли и окажет помощь. Стратегический размен.

Это был второй, гораздо более радикальный вариант Камнепада. По этому плану Индия должна была после начала активных боевых действий частями Советской и Афганской армии, нанести удар через северную границу и начать наступление с целью аннексии всей территории Пакистана и восстановления территориальной целостности Индии в границах до 1947 года. Об этом плане в Индии даже не смели помыслить до советского предложения – но тут, после его поступления все намного упрощалось – советская и афганская армия наносили удар на севере, отвлекая на себя наиболее боеспособные части пакистанской армии – а Индия наносила удар на почти незащищенном юге, откуда будет отведена большая часть войск в связи с советско-афганской агрессией и вооруженным мятежом в зоне племен. Индия получала значительные территориальные приобретения, включая стратегически важный порт Карачи. Советскому союзу от этого плана тоже кое-что перепало. Во-первых, он раз и навсегда замирал Афганистан и избавлялся от идущей из Пакистан исламской угрозы. Во вторых, он приобретал себе более сильного союзника – Индию. В третьих – он уравновешивал влияние агрессивно настроенного и вступившего в сговор с американцами Китая, раз и навсегда отсекая его и от Индийского океана и от возможности выхода к Персидскому заливу. В четвертых – со стороны Афганистана и новообразованного Пуштунистана он приобретал стратегический плацдарм, с которого можно было развивать наступление как в сторону Китая, так и в сторону Ирана, скоординировав удар по Ирану с ударами со стороны среднеазиатских республик и ударом дружественного к СССР Ирака. И тут уже и до стратегического выигрыша на всем Ближнем востоке – рукой подать. В пятых – Индия могла предоставить постоянные базы как для советской авиации, так и для Черноморского флота – он вырывался на оперативный простор и получал возможность действовать как против Шестого так и против Седьмого флотов США, координируя удары с Тихоокеанским флотом. В шестых – раз и навсегда хоронилась мечта антисоветчика Бжезинского о создании на южных границах Союза большой дуги нестабильности – зато СССР получал прямой выход в Индийский океан.

Просто великолепно! И ключ ко всему этому – лежал в Афганистане. В победе в афганской войне.

– Если индусы все-таки не вмешаются?

– Работаем по первоначальному плану. Остается Пакистан, чуждый нам и поддерживаемый США, воссоздаются базы подготовки на его территории, разгромленные авиаударами. Но теперь это будет уже не война афганского народа – а война террористических банд против афганского и пуштунского народа, только чтобы достигнуть Афганистана, боевикам придется преодолевать сотни километров труднопроходимой, населенной агрессивно настроенными к ним пуштунами местности.

– То есть нам придется защищать Пуштунистан?

– Пуштуны сами себя смогут защитить, им достаточно будет оказать помощь поставками оружия и обучением специалистов. Более чем вероятен переворот в Пакистане и свержение Зия уль-Хака, это еще больше ослабит Пакистан. В любом случае, народной войной это уже не будет – да и сейчас она не народная.

– Хорошо. Михаил Михайлович...

– У меня пока немного, товарищи. Отслеживается подозрительная активность на уровне совзагранбанков. Выявлены активные контакты с отдельными представителями организованной преступности, занимающимися отмыванием денежных средств, полученных от наркоторговли. То, что мы считали коррупцией отдельных товарищей, на самом деле может оказаться подготовкой к операции по массивному выводу средств за рубеж и обескровливанию экономики Союза. Ничего большего пока сказать мне могу.

– Емельян Григорьевич?

– Аналитической группой проведен первичный анализ работы КГБ СССР по противодействию национал-экстремизму. Следует признать, что работа проделана немалая, едва ли не половина из лиц руководящего состава подпольных сепаратистских организаций являются осведомителями КГБ. Однако, работа с данными осведомителями проводится из рук вон плохо – фактически они действуют в режиме сбора информации, никаких задач по пресечению сепаратизма не ставится, собранный материал не реализуется. Определена также наиболее уязвимая точка Союза с точки зрения возможного межнационального конфликта. Нагорно-Карабахская автономная область в составе Азербайджанской АССР, значительную часть ее населения составляют армяне. На сегодняшний день армянская община активизировала закупки боевого оружия, подготовку боевиков с целью вооруженного отторжения НКАО от Азербайджанской ССР и присоединения ее к Армении. Меры противодействия блокируются прежде всего самим Горбачевым с подачи его советников, академиков Аганбегяна и Ситаряна, армян по национальности...

Все это походило на заговор – собственно говоря, это заговором и было. Самым настоящим заговором, направленным на свержение существующего режима и захват власти. С участием иностранцев – на собрании присутствовал тот самый лысоватый полковник, представитель Хонеккера. И то, что цель у собравшихся была самой благородной: не допустить развала великой страны, остановить сползание в пропасть – сотрудников прокуратуры это не сильно бы впечатлило. Чистая «шестидесят четвертая», измена Родине.

Впрочем – решение на активные действия собравшимися еще не было принято. Оно должно было быть принято сейчас. Здесь и сейчас.

Когда высказались все, кто хотел высказаться и имел что сказать, председатель намеренно поддержал тишину – чтобы то, что он скажет, прозвучало как можно более весомо...

– Товарищи... Прежде чем приступить к разработке мероприятий противодействия – я считаю, что мы должны принять решение.

Ведущий совещания намеренно замолк. Оглядет своих товарищей он не мог, лица прятала тьма. Это тоже был своего рода жест доверия – в последнее время слишком много развелось физиономистов, любителей читать по лицам. Здесь же имели смысл только слова. Слова – и следующие за ними поступки...

Каждый понимал, что переступил черту. Ступил на путь, по которому нет возврата. Отринул нормы существования «общества развитого социализма» – и не важно, что от них пахнет плесенью и тиной. У каждого были друзья, товарищи, у многих – родные, каждый понимал, что случись им проиграть – те первые же отрекутся от них. Они понимали, что за ними нет большинства, что большинство – за их врагами. Ведь быть человеком – для этого нужно прилагать усилия, ежедневные и ежечасные. В то время, для того чтобы охранять свою кочку в мутном, заросшем зеленью и тиной пруду и ждать Ивана Царевича – особых усилий не требует.

Они были первыми – те кто лишился иллюзий и готов был назвать вещи своими именами. Они были готовы лишить этих иллюзий других – мир таков, что в нем опасно жить иллюзиями. Они готовы были понести кару за это – ибо иллюзии сладки, и многие готовы побить камнями пророков...

Но они были готовы и к этому.

Молчание.

Нервный перебор пальцев рук по столу, чуть заметный в отблесках пламени камина.

Мертвая неподвижность теней – словно статуи сидят за столом. Или рыцари древних времен возродились к жизни.

Выдержав паузу и убедившись, что его соратники его слушают, председательствующий продолжил...

– В течение нескольких лет мы работали в режиме исключительно сбора информации. Каждый из нас вносил свой вклад в общее дело, и каждый из вас может сейчас с открытыми глазами судить о том, что происходит. Каждый из нас хоть раз в жизни – но присягал на верность нашей общей Родине и коммунистическим идеалам. Пришло время вспомнить данную всеми нами присягу. Мы в шаге от великой победы – и одновременно от великого поражения. Судьба Родины, судьба свершений отцов и дедов зависит в том числе и от нас с вами. Как коммунист и патриот я не могу видеть происходящее, не могу знать о происходящем – и отмалчиваться, сидя в стороне. Настало время действовать. Но прежде чем действовать каждый из нас должен дать итоговую оценку того, что услышал здесь и о чем знает. Только совесть, не партийная, человеческая будет порукой в этой оценке. Итак, на основании собранного нами материала я прихожу к выводу, что в руководстве партии и правоохранительных органов Советского Союза возникла и активно действует группировка предателей и врагов народа. Их целью является разоружение перед лицом врага, поражение в ведущейся нами войне, сдача всего того что было завоевано кровью – кровью не только наших дедов и отцов, но и наших сыновей, исполняющих интернациональный долг в Афганистане. Исходя из высших интересов партии и советского народа, я ставлю на голосование решение о подготовке операции по ликвидации врагов народа, проникших в структуры правительства и партийного аппарата. Товарищи, кто поддерживает мое предложение – прошу проголосовать поднятием руки...

Почти невидимые в темноте, поднимались руки – одна за другой. Поднялись – все...

– Спасибо, товарищи.

Ведущий осекся – вышло как на партийном мероприятии, сухо, официально и глупо. От партийных мероприятий с награждением непричастных и наказанием невиновных – всех уже трясло.

– Решение принято. Теперь прошу предложения по воплощению их в жизнь.

Заговорил не первый, а четвертый – тот самый старик, самый пожилой из всех. Никто этому особо не удивился – все, присутствующие на собрании понимали, что опыта у старика возможно больше, чем у всех их вместе взятых. Что говорить, если одно время этот старик был непосредственным начальником Судоплатова⁶¹.

– Я так понимаю товарищи... – старик говорил размеренно и спокойно – что у нас есть основная задача и задачи дополнительные, вытекающие из основной. Основная задача – ликвидировать группу изменников и врагов народа в советском партийном аппарате, не допустив при этом ослабления руководства страной. Совершенно понятно, что Советский союз находится во враждебном окружении, против него проводится одна или несколько взаимосвязанных подрывных операций. Мы ведем тяжелую войну на наших южных рубежах, и в такой ситуации даже намек на ослабление наших позиций будет немедленно использован нашими врагами.

Все остальное – возврат незаконно вывезенного из СССР имущества, ценностей, обеспечение перелома в войне в Афганистане, выявление и ликвидация гнезд врагов в КГБ и МВД, оздоровление обстановки в советском обществе – все это задачи вторичные, вытекающие из первой и не имеющие решения без решения первой и основной задачи.

⁶¹ Судоплатов, Павел Анатольевич – советский разведчик, генерал лейтенант, специалист по диверсиям. Организатор убийств Коновальца и Троцкого. Во время войны возглавлял Четвертое управление ГУГБ НКВД, вел игру с фашистским Абвером. В 1953 году арестован по обвинению в измене Родине вместе с группой Берии-Гоглидзе-Деканозова-Меркулова, приговорен к пятнадцати годам лишения свободы. Отбыл наказание полностью, умер в 1996 году.

Считаю, что при решении основной задачи мы столкнемся со значительными сложностями. Прежде всего – за нами пойдет далеко не каждый. Для реализации плана разовой зачистки Москвы нам нужно будет привлечь не менее пятисот исполнителей. Высокопрофессиональных исполнителей. В условиях противодействия Комитета в целом и Третьего управления в частности, считаю это трудноосуществимым и рискованным мероприятием.

В помещении повисло молчание...

– Павел Иванович, но мы ведь можем обеспечить блокировку информации на уровне Третьего управления – напомнил Александр Владимирович

Старик покачал головой

– Нет, товарищи. Не можем. Мы можем обеспечить блокировку информации на уровне начальства – но не исполнителей. С единичным провалом блокировка еще может пройти. Но не в том случае, если мы будем привлекать к акции пятьсот человек. Если мы привлечем пятьсот человек – это значит, что мы будем вынуждены проводить активную вербовочную работу сразу в нескольких специальных подразделениях. Что мы предложим людям? Участие в мятеже? Государственный переворот по типу африканских или латиноамериканских? Все эти люди воспитаны в нашей, советской системе координат – сколько из них войдут на это? Цифру, сказанную мной можно смело умножать на три, если не на четыре – если считать тех кто откажется. Что делать с отказавшимися? Убирать? Две тысячи человек? Сколько из отказавшихся пойдут в КГБ? Сколько просто проболтаются – и эта информация все равно дойдет до ушей КГБ? Это провал, нам не провести операцию скрытно – а нашим противникам достаточно будет усилить меры безопасности. Только внезапный, по-настоящему внезапный удар может принести желаемый результат.

Люди, сидящие за столом молчали, осознавая жестокую правоту старика. В этой команде он играл очень важную роль – роль критика и человека, способного развеять ненужные иллюзии. Ведь если для того, чтобы что-то сделать собирается несколько искренне верящих во что-то, разговаривающих на одном языке людей, возникает серьезная опасность того, что противник будет недооценен, какие то его контрходы не будут учтены – и все закончится провалом. В семьдесят шестом седьмом году к аналогичному выводу пришел Джордж Герберт Уокер Буш, директор ЦРУ. Тогда он создал «красную команду» – группу профессоров-советологов, не имеющих отношения к ЦРУ и нанятую для того, чтобы критиковать разрабатываемые разведкой операции и указывать на их слабые места. После начала работы «красной команды» эффективность операций ЦРУ в Советском союзе значительно выросла.

Только наивные люди верят в то, что добро всегда победит – на самом деле зло всегда имеет серьезное преимущество.

Вот этот старик и развеивал иллюзии. Жестоко – но правильно, ибо он имел опыт и видел то, чего не видели другие. Он видел победы – в Китае и жуткие поражения – в конце тридцатых, когда партия обезглавила собственную армию и спецслужбы, разоружившись перед лицом врага. Он многое видел, многое помнил – и многое мог подсказать.

– Возражения? – спросил председательствующий...

– Почему нужно проводить работу с рядовым составом, как предлагает Павел Иванович? – спросил офицер ГРУ – работу нужно проводить со старшими офицерами командирами подразделений. В этом случае опасность разоблачения снижается в несколько раз.

– А рядовые исполнители? – спросил старик

– А что рядовые? Выдвинуться. Доложить. Занять. Исполнять, твою мать молча.

– Занять мать твою, Кремль? – иронично спросил старик – как вы это себе представляете? Сколько исполнителей откажутся исполнять приказ? Лавры гитлеровских генералов после провала покушения Штауффенберга меня совершенно не прельщают.

– Павел Иванович, поделитесь задумками – подтолкнул старика к разговору ведущий

– Задумки есть. Первый вопрос – блокировка информации, второй вопрос – исполнители. Два этих вопроса взаимосвязаны. Думаю в вопросе привлечения исполнителей нелишней будет помощь товарища Крейслера.

– Простите? – недоуменно спросил немец

– Товарищ Крейслер, нам нужны будут исполнители. Профессионально подготовленные бойцы, не обязательно владеющие русским языком. Даже желательно, / если они им владеть не будут, или будут владеть в минимальной степени, на бытовом уровне.

– Я не совсем понимаю.

Старик успокоительно кивнул головой

– Пока и не стоит понимать, товарищ Крейслер. Задача ставится так: нужно сформировать восемь-десять групп примерно по пятьдесят человек в каждой. Задача – активные боевые действия в городских условиях. К каждой группе будет прикреплен наш офицер связи, он будет непосредственно ставить задачи. При этом – необходимо соблюдать крайнюю осторожность, официально, до самого последнего момента это будут учения специальных подразделений стран – участниц Варшавского договора. Сколько подобных подразделений сможет дать нам ГДР?

– Какого уровня специалисты вам... нужны? – спросил немец – уровня воздушного десанта? Или выше?

– Выше, товарищ Крейслер. Намного выше. Вы должны понимать, что это будут не просто учения. Возможно, на этих учениях будет присутствовать высшее партийное руководство. Вы понимаете, какая ответственность будет лежать на организаторах этих учений?

– Вы хотите... как это по-русски... показать товар лицом, верно?

– Именно, дорогой товарищ. Именно. Я рад, что вы меня правильно поняли.

Немец и впрямь все понял...

– Вы понимаете, товарищ, что задействование таких сил должно быть обязательно согласовано с высшим партийным и правительственным руководством ГДР?

– Я это понимаю, товарищ Крейслер. Но ... Владимир Дмитриевич при нашей недавней встрече убеждал меня в том, что ваше руководство не будет против. Оно даже само ставило вопрос о целесообразности проведения подобного рода учений. Причем вопрос этот ставился в вашем присутствии.

Крейслер вспомнил. Моментально.

– Как поживает Владимир Дмитриевич? – спросил он, чтобы немного протянуть время.

– Владимир Дмитриевич далеко – но он помнит и вас, и состоявшийся тогда разговор. И четвертого участника того разговора, того, что прибыл издалека, он тоже помнит.

Немец кивнул головой.

– Я рад, что Владимир Дмитриевич помнит своих немецких друзей. В любом случае, вопрос будет согласован с руководством. ГДР – небольшая страна, и я, к сожалению, не вижу возможности выставить на учения более трех таких групп. Вы должны понимать, у нас нет таких больших возможностей, какие есть у СССР.

– Мы это понимаем – серьезно сказал старик – и мы благодарны за участие.

Остальные, собравшиеся за столом молча слушали диалог двух разведчиков. Всем сидящим за столом было понятно, что он имеет двойной и даже тройной в некоторых местах смысл – и мало кто понял сказанное до конца.

– Я прошу поручить комплектацию групп мне – сказал старик – в организационных моментах и оформлении документации мне нужна будет посильная помощь Владимира Владимировича. Но в основном с задачей справлюсь я сам. Срок – шесть месяцев, полгода.

– Возражения есть? – председательствующий осмотрел полутемную комнату, спокойно лежащие на столе руки собравшихся

Возражений не было.

Совершенно секретно. Рассылка по списку 2. «Камнепад»

...

В настоящее время обстановка в Демократической республике Афганистан характеризуется следующими основными особенностями:

1. Провозглашенной со стороны правительства ДРА и ЦК НДПА политикой «Национального примирения», рекомендованной в ходе неофициальных встреч 1985-1986 годов группой советников из Международного отдела ЦК КПСС. В рамках данной политики ослабляется натиск на бандподполье, часть провинций и уездов передается в руки откровенно бандитских и сочувствующих бандитам элементов. В ответ правительство ДРА ожидает прекращения бандитско-диверсионной деятельности хотя бы со стороны колеблющихся, склонных к компромиссам, уставших от войны бандглаварей. Однако уже сейчас можно видеть первые признаки провала плана национального примирения. Причиной является незнание национальных особенностей Афганистана – то, что работники политики примирения считают за выход из гражданской войны, бандиты воспринимают как слабость власти и готовность к сдаче позиций. Политика национального примирения могла бы сыграть свою роль лишь после нескольких тяжелых поражений бандподполья, с многочисленными жертвами и полным разгромом инфраструктуры сразу в нескольких провинциях, либо в случае переноса либо явной угрозы переноса войны на территорию соседнего Пакистана. Только угроза физического уничтожения главарей подполья, созданной ими в Пакистане инфраструктуры может принудить их сесть за стол переговоров. Ведение переговоров в условиях провозглашенного вывода войск и вовсе невозможно – ни один уверенный в своих силах бандитский главарь не будет довольствоваться частью власти, когда появится реальная возможность взять ее целиком.

2. Нарастающей в связи с политикой «национального примирения» апатией, а порой и откровенным предательством со стороны должностных лиц ДРА, в том числе командиров разных частей и соединений армии, царандоя и МГБ ДРА. В условиях, когда бандиты наращивают натиск, а советские, «шурави» открыто говорят о предстоящем уходе, каждый афганец готовится к возможному приходу новой власти – бандитской и исламистской. Каждый понимает, что в случае прихода бандитов, расправа постигнет не только его, но и всю его семью, также и родственников. И каждый готовит себе плацдарм для отступления – либо встает на путь откровенного предательства, либо готовится бежать из страны, либо рассчитывает превратить подчиненную ему по службе часть в банду в случае падения власти НДПА. Эффективно выполнять задачи по борьбе с бандподпольем силами афганской армии и органов государственной безопасности в таких условиях представляется невозможным.

3. Несмотря на предпринимаемые усилия, за все время конфликта так и не удалось добиться единства ни в афганском обществе, ни в Народно-демократической партии Афганистана. Так, в данный момент стремительно происходит новое расслоение ЦК НДПА. Напомним, что изначально борьба шла между фракциями «Хальк» и «Парчам», после разгрома Парчам Хальк раскололась на сторонников Х.Амина и Н.М. Тараки, после ликвидации Тараки и его сторонников-таракистов, фракция аминистов подвергалась давлению со стороны как уцелевших парчамистов, так и уцелевших таракистов. После ликвидации Х.Амина, пришедшие к власти представители фракции Парчам жестоко расправились с халькистами, несмотря на неоднократные предостережения советнического аппарата и явную угрозу извне. В свою очередь Б. Кармаль был вынужден уйти в отставку под давлением сформированной в ЦК партии группы Наджиба-Лаека, стоя-

щей на центристских позициях. В данное время ЦК партии раскололся на тех кто поддерживает Наджиба и на тех кто поддерживает С. Лаека. Каждый член ЦК НДПА вместо того чтобы работать на общее дело, укреплять завоевания апрельской революции, занимается фракционной борьбой, группирует вокруг себя «преданных сторонников». Проявляют активность вышедшие из тюрем сторонники Х. Амина, сторонники находящегося в Москве Б. Кармала. Так, при выборах делегатов на Лойя Джирга от одной из партийных организаций Кабула почти единогласно был избран в качестве кандидата Б. Кармаль, а от другой – А. Ротебзад. Считаем, что последовавшие за этим действия ЦК НДПА (сняты с должностей секретари первичных организаций, проведены перевыборы кандидатов в присутствии инструкторов ЦК НДПА) не решили, а только усугубили складывающуюся в стране ситуацию. Следует признать, что Народно-демократическая Партия Афганистана как политическая партия и как выразитель мнений трудящихся полностью скомпрометировала себя в глазах афганского народа и авторитетом не пользуется.

4. Сокращением потерь со стороны сороковой армии и при сохранении и даже повышении и результативности боевой работы. Следует признать, что предпринятые в 1983-1986 году усилия по изменению стратегии и тактики действий 40ОА и приданных частей принесли определенные результаты. Считаем, что процесс повышения боевых возможностей сороковой армии за счет применения новых видов вооружения (бронированные транспортные средства, бронированные, вооруженные транспортные вертолеты, ударные вертолеты с усиленным бронированием и повышенной огневой мощностью, боевые летательные аппараты всепогодного и всесуточного применения, снайперские винтовки с повышенной дальностью действия, высокоточное и управляемое вооружение, беспилотные летательные аппараты) и совершенствования тактики действий можно и нужно продолжать.

5. Несмотря на складывающуюся, в целом тяжелую обстановку следует признать, что в афганском обществе зародился и активно развивается класс людей, ориентированный на модернизацию и дальнейшее движение своей страны по пути социализма. Так, появилась прослойка квалифицированных рабочих, инженерный корпус, создана и действует Академия Наук ДРА. В дальнейшем этот процесс будет только усиливаться, одновременно будет сокращаться прослойка неграмотных, нищих, фанатично верящих в Аллаха крестьян, служащих кадровой базой бандитов. Вывести войска в такой ситуации будет означать бросить этих людей на произвол судьбы. При приходе к власти представителей бандформирований они, безусловно, будут уничтожены.

...

Следует признать, что от дальнейшего развития событий в ДРА зависит намного больше, чем обычно это представляется. Сейчас Демократическая республика Афганистан – арена столкновения двух государств – СССР и США с ближневосточными сателлитами. Не будет большим преувеличением сказать, что в этот самый момент в Афганистане выбирается магистральный путь развития для всего Среднего, а возможно и Ближнего Востока. Соединенные Штаты Америки вложили в этот конфликт слишком много ресурсов, более того – они поставили на кон свою репутацию в мире. Тяжелое поражение движения моджахедов будет означать потерю Соединенными Штатами Америки лица перед своими ближневосточными союзниками и лавинообразное нарастание проблем на всем Ближнем Востоке. В перспективе возможно ожидать раскола ближневосточной коалиции друзей США и перехода части из них в лагерь стран с социалистической ориентацией, части – в лагерь неприсоединившихся стран. Соединенные Штаты Америки могут применить силу, чтобы не допустить этого – но тем самым они еще больше усугубят обстановку, еще больше утратят свою репутацию, еще больше

отвлекут ресурсов на бессмысленные войны. Это будет означать нарастание проблем в экономике самих США с возможным экономическим крахом во второй половине девяностых годов. СССР же в этом случае будет поставлен в положение «третьего радующегося» и получит возможность минимальными ресурсами (экономической и советнической помощью воюющим странам, точечными диверсиями) причинить интересам США еще больший вред.

...

Считаем, что вся концепция нахождения «ограниченного контингента советской войск» в ДРА нуждается в коренном пересмотре. Следует открыто признать, что мы не оказываем братскую помощь, не возвращаем «интернациональный долг» – а ведем тяжелейшую войну на южных границах СССР. Нашим врагом являются реакционные, исламо-фашистские, бандитские элементы, пользующиеся поддержкой США и ближневосточных стран. Их целью является не только заставить силовым путем свернуть с социалистического пути развития Демократическую республику Афганистан – но и дестабилизировать весь регион, создать в Афганистане, Пакистане, других странах региона человеконенавистнические, исламо-фашистские режимы, пользующиеся поддержкой наиболее реакционных, наиболее шовинистических кругов США и стран Персидского залива. В стремлении добиться поставленных перед ними их хозяевами целей они не гнушаются ничем – ни военными преступлениями, ни массовыми убийствами, ни наркоторговлей, ни работорговлей. Конечной же их целью является прямое нападение на СССР с целью отторжения значительных территорий и создания т. н. «Исламского халифата».

...

В качестве основы для новой концепции ведения боевых действий силами Ограниченного контингента предполагается взять опыт Израиля как опыт страны, длительное время выживающей в условиях полного окружения со стороны противника, многократно превосходящего по людским и материальным ресурсам. Основой новой концепции должны стать следующие основные тезисы и постулаты:

1. Невозможность отступления. Мы должны четко дать понять всем участвующим в конфликте сторонам, что мы никогда не прекратим войну и будем добиваться победы чего бы то нам не стоило. До достижения победы невозможны никакие уступки, ни тактические, ни стратегические, никакие переговоры о мире.

2. Наличие четких целей. Мы должны понять сами и дать понять всем участникам конфликта, что целью войны должна стать полная и безоговорочная ликвидация душманского бандподполья, как в Афганистане, так и в любой другой стране, где оно существует и активно действует.

3. Расширение территории конфликта, отсутствие безопасных зон. Курс на постоянное обострение конфликта. Значительная часть успехов бандформирований зиждется на наличии у них крепкого тыла – Пакистана, где происходит вербовка, обучение, перевооружение, отдых бандитских элементов. Мы должны провозгласить, что для нас и для дружественных нам вооруженных сил ДРА не существует границ, что при необходимости мы будем наносить удары по базам бандитов, где бы они не находились. Возможно и массированное вооруженное вторжение в Пакистан частями советской и афганской народной армии с целью ликвидации душманов и душманской инфраструктуры по типу действий Армии обороны Израиля в Ливане в 1982 году.

4. Возможность нанесения ударов и по гражданским объектам. Мы должны объявить, что любые объекты, используемые бандформированиями или поддерживающими их лицами в своей деятельности, такие как транспортные средства, доставляющие им вооружение, учебные центры, транзитные склады на территории третьих

стран, лица, оказывающие прямое содействие делу джихада являются целями и могут быть уничтожены. Почти все лидеры бандформирований являются богатыми людьми и имеют свои предприятия. Так руководитель ИПА Г. Хекматияр имеет два предприятия по производству водяных насосов и фарфоровой посуды, руководитель ИОА Б. Раббани имеет птицефабрику и ткацкое предприятие, руководитель НФСА С. Моджаддиди владеет транспортным предприятием «Моджаддиди гуде транспорт компани». Все вышеперечисленные лица владеют наркоплантациями, предприятиями по производству опиума и героина, маршрутами транспортировки. Все эти предприятия, хотя и находятся на территории чуждой, враждебной нам страны – но имеют низкий уровень охраны и не прикрыты контрразведкой. Уничтожение имущества главарей бандформирований поставит под вопрос продолжение сопротивления.

5. В настоящее время ПГУ КГБ СССР вскрыты места жительства, маршруты передвижения основных бандглаварей на территории Пакистана. Ликвидация одного или нескольких таких главарей силами ПГУ КГБ или ГРУ ГШ и объявление о том, что любое лицо, активно участвующее в бандподполье и проливающее кровь советских и афганских солдат будет физически уничтожаться, где бы оно не находилось, способны значительно снизить интенсивность бандсопротивления и подтолкнуть колеблющихся главарей, прежде всего тех, кто рассчитывает на восстановление в стране монархии, к отказу от вооруженной борьбы и сотрудничеству с законной властью на тех или иных условиях.

6. Необходимо серьезно поставить перед правительством Пакистана вопрос о прекращении активной деятельности бандформирований на его территории. Действующее правительство Пакистана во главе с генералом З.М. Уль-Хаком является незаконным, пришло к власти в результате государственного переворота и убийства народно-избранного руководителя страны. Межведомственная разведслужба Пакистана ИСИ ведет активную работу по поддержке движения моджахедов, чувствуя при этом себя в полной безопасности. Необходимо четко дать понять, что продолжение подобной политики способно привести к тяжелым последствиям, в том числе к потере Пакистаном своей государственности и оккупации, либо отторжению части территории страны.

7. Следует активно использовать карту национализма, противопоставляя национализм исламскому экстремизму. Одной из причин продолжающегося противостояния в афганском обществе служит засилье самой крупной народности – пуштунов – в армии и органах власти ДРА, и жесткое подавление пуштунами других народностей. Одним из возможных выходов из данной ситуации является провозглашение государства Афганистан в границах, где пуштуны составляют меньшинство (прежде всего, северные провинции) и провозглашение на остальной территории страны независимого государства Пуштунистан, претендующего на часть территории Пакистана, также заселенную пуштунами.

8. Необходимо также играть на противоречиях бандглаварей, которые являются весьма значительными. Так, руководитель самого крупного неподконтрольного властям ДРА района на севере Афганистана А.Ш. Масуд при соответствующей проработке вопроса вполне может перейти на сторону законных властей, так как негативно относится к сидящим в Пакистане главарям «группы семи». Один из сыновей С. Моджаддиди, Азизулла был убит людьми Г. Хекматияра, что служит причиной крайне неприязненных отношений между НФПА и ИПА.

9. Необходимо более активно привлекать к операциям по ликвидации бандподполья афганские структуры. ОКСВ должен оставить за собой лишь точечные операции с использованием сил спецназначения, авиационную поддержку, применение новейших образцов высокоточного оружия и оружия большой мощности.

База ВВС США. Остров Диего-Гарсия, Индийский океан

25 сентября 1986 года

База ВВС США «Диего-Гарсия» была одной из ключевых опорных точек к геополитической игре с Советским союзом и основной опорной точкой тяжелобомбардировочной авиации ВВС США в этом регионе. Она была расположена на небольшом островке в Индийском океане, настолько небольшом, что взлетные полосы огромной базы занимали значительную его часть, а операторы отдыхающих от дежурства смен запросто ходили купаться в океан, который начинался в нескольких десятках метров за их ангарами. Нормальных пляжей тут не было, но купаться это не мешало – в конце концов океан есть океан. А так – постройки военных занимали значительную часть территории острова – взлетно-посадочные полосы, стоянки, ангары, диспетчерская вышка. Была там и станция слежения, относящаяся к ведению АНБ⁶² и занимающаяся электронной разведкой против СССР и его спутников.

База эта почему то считалась очень надежной. Возможно, дело было в том, что с ближайшей такой же базы на территории Евразийского материка – базы ВВС Инжирлик в Турции турки могли в любой момент попросить американцев пойти вон. Турки были древним и мудрым народом и даже за большие деньги не хотели ссориться со своим могучим соседом, привечая на своей земле стальных птиц с ядерными жалами. Да и договор, согласно которого СССР обязался убрать ядерное оружие с Кубы, а США – из Турции продолжал действовать. Советский флот напрямую к базе пройти не мог – для этого ему нужно было пройти сначала через проливы, потом – миновать как то Шестой флот США, оперирующий в Средиземном море и Персидском заливе. Да еще и Красное море – хотя там были советские союзники, взять тот же Йемен. Поэтому – основной опорной базой ВВС на юге была именно Диего-Гарсия.

Для чрезвычайного совещания эту базу выбрали потому, что она была расположена – из числа подходящих для подобного совещания – ближе всего к месту, где случилось ЧП. Из Пакистана, причастных доставили на спешно высланном с одного из авианосцев вертолете морской пехоты США CH-53 Sea Stallion – он взлетел с авианосца, дозаправился в Диего-Гарсии и полетел в сторону Пакистана, где приземлился на небольшой военной базе, близ порта Карачи. Туда подозреваемых – а пока не окончено расследование инцидента, все к нему причастные считаются подозреваемыми – доставили в компании морских пехотинцев США из охраны посольства в Исламабаде. Не под конвоем, а именно в компании – хотя суть дела это мало меняло...

Первым на базе в Диего-Гарсия приземлился этот самый CH-53. Здоровенный, неуклюжий вертолет, не уступающий по размерам легким транспортным самолетам, с выпирающими по обе стороны громадными топливными баками, гремя восьмипластным ротором появился с севера, идя на предельно малой. Летчик сел идеально – вертолет замер на месте – и сразу же провалился вниз, жестко касаясь бетона своим шасси. Такую манеру посадки вырабатывают летчики, летающие с авианосцев – свободного места на авианосцах нету, это тебе не военная база – поэтому так и садятся, с миллиметровой точностью.

Когда лопасти ротора еще крутились, постепенно останавливая свой бег, летчик начал откидывать заднюю аппарель вертолета. Из огромного, вмещающего два легких джипа брюха, один за другим вышли три человека – странно и дико выглядящие в гражданских костюмах, среди персонала авиабазы...

Удивительно – но их никто не встречал. Не было – ни военной полиции, ни машин с мигалками, ни наручников. Ничего...

⁶² АНБ – Агентство национальной безопасности США, занимается электронной разведкой.

– Сэр, а... нас не встречают? – Курран, бывший одним из тех, кого привезли на эту базу решил прояснить ситуацию, обратившись с вопросом к первому пилоту, который уже вышел из кабины и собирался сесть в ждущий неподалеку маленький, напоминающий тележку для гольфа транспортер для экипажей...

– Я не знаю, парни... – летчик ответил с обезоруживающей простотой – мне приказали, забрать там, доставить сюда, я это и сделал. Больше не знаю ничего. Хотите – поехали, там командование базы есть, к нему и обратитесь...

– Да нет, спасибо, мы постоим здесь... – отказался за всех Маркович

Третий ничего не говоря достал сигареты, глядя в чернеющее на глазах небо чиркнул спичкой, закурил. Списку он бросил на бетонку, чем вызвал неодобрительный взгляд летчика – здесь мусорить на бетонку, тем более в местах стоянки летательных аппаратов не было принято. Иногда для аварии достаточно было, чтобы турбина засосала камешек. Обычный камешек – и авария. Звали этого третьего Кейт Раттледж и он был начальником первых двоих – а также исполняющим обязанности руководителя Пакистанской резидентуры. Карьера его шла в гору – до того, что произошло, сейчас он с гневом и яростью думал о том, разрешат ли ему после произошедшего хоть полы подметать в Управлении...

– Чего мы ждем... – раздраженно сказал Курран в пустоту, обращаясь, конечно же к Раттледжу. Тот не ответил. Из всех троих Курран, хотя он и был причастен к трагедии больше всех остальных – вины он чувствовал за собой меньше, чем остальные. В конце концов, у этого типа Маллена или как там его, было удостоверение сотрудника внутренней контрразведки и предписание, подписанное заместителем директора по разведке. И что он должен был звонить насчет этого мутного типа в Лэнгли и проверять его полномочия?! Да пошли они все...

Тот, кого они ждали, появился через двадцать минут. Сначала послышался ровный, нарастающий гул реактивных двигателей – а потом, на фоне пылающего огнем заката показался самолет. Такого самолета не видел никто и никогда, он был единственным в своем роде. Тяжелый транспортник C141 Старлифтер, окрашенный в обычный для транспортной авиации США темно-зеленый цвет – но это была необычная краска, такая краска поглощала часть лучей радиолокаторов⁶³. Заходя на посадку, самолет описал круг над базой, на небольшой высоте – и плюхнулся на взлетно-посадочную полосу. Марковичу показалось, что в тот момент, когда самолетное шасси коснулось бетона, солнце окончательно кануло в темную пучину вод – и землю окутало покрывало ночи...

Пробежав по бетонке полосы самолет остановился на первой же стоянке, неподалеку – база была полупустой и полеты на сегодняшний день закончились. Один за другим глохли двигатели...

– Это за нами – бросил Раттледж и направился к самолету. Курран и Маркович, переглянувшись, поплелись за ним...

* * *

Внутри самолет был роскошен – но это была не крикливая роскошь, какой любят окружать себя арабские шейхи, а строгая, «державная» роскошь. Строгая отделка кожей и деревом, удобные кресла, несколько отдельных рабочих помещений, пассажирский салон. Но это был не сам самолет – это был огромный трейлер марки «Эйрстрим», изготовленный по меркам грузового отсека самолета. Такие трейлеры были изготовлены по специальному заказу во время реа-

⁶³ Об этом транспортнике C141 упоминает Калашников (Кучеренко) в своих книгах, однако описывает его с ошибками. Это был обычный C141 Старлифтер, но в шестидесятые годы фирма Эйрстрим сделала три трейлера как раз под его грузовой отсек. Трейлеры эти были сделаны для встречи астронавтов, но потом пилотируемую программу длительных полетов свернули и они оказались не нужны. Вот таким трейлером и пользовался директор ЦРУ, поскольку он был в наличии и особо никому не нужен. Под него специально самолет, конечно же не переделывали, только покрасили экспериментальной краской.

лизации лунной программы – и использовались для транспортировки космонавтов. Их было изготовлено три штуки – и все три до настоящего времени находились в идеальном порядке: один в президентской эскадрильи, на случай если потребуются куда-то доставить президента США, не привлекая к себе внимания, второй находился в распоряжении ЦРУ и использовался интенсивнее обоих других вместе взятых – на нем полюбил летать директор ЦРУ. Третий находился в запасе на базе ВВС США Эндрюс.

У небольшого алюминиевого трапа их обыскали – тщательно, не только сканером, но и руками. Сканер реагировал не на металл, он искал подслушивающие устройства, которые человек мог вольно невольно внести в самолет на себе. Потом, сменив сканер их обыскали еще раз – на сей раз на взрывчатку. После посадки экипаж самолета включил «иллюминацию» – несколько мощных фонарей, направленных «от самолета» и слепящих глаза возможным стрелкам. Маркович ответил про себя, что экипаж самолета вооружен не обычными для ВВС револьверами.38 калибра и даже не армейскими пистолетами Кольт – а компактными немецкими, очень дорогими и точными автоматами MP5K.

В установленном в самолете трейлере было тесно, идти приходилось пригибая голову. Первым шел один из офицеров безопасности – безликий, похожий на робота, в сером дешевом костюме – оптом, что ли закупают? В этом самолете, на котором директор ЦРУ уже несколько лет перемещался по миру, он налетался изрядно – шел по узкому коридору трейлера быстро, знал где надо пригнуть голову. Следом за ним поспешали Курран, Маркович и Раттледж.

Пройдя ближе к хвосту самолета – почему то комната для совещаний конструкторами была расположена именно там – офицер показал какой-то значок двум безмолвно стоящим у ворот стражам – эти были почему то одеты в армейскую форму, осторожно постучал в дверь, заглянул. Через несколько секунд развернулся к опальным сотрудникам.

– Господа, вас ждут. Прошу.

Голос был вежливым, но безликим – так мог говорить какой-нибудь торговый автомат по продаже газировки. Хотя нет, там обычно женские голоса, покупателям больше нравится, когда газировку им продает женщина.

Кабинет для совещаний – его можно было бы назвать «залом» если бы не слишком маленький размер рассчитан был всего на восемь человек – и то им пришлось бы потесниться. Никаких излишеств – небольшой американский флаг на флагштоке на столе, несколько циферблатов на стенах, показывающих разное время в разных часовых поясах – Гринвич, Москва, Вашингтон, Париж, Сайгон – по старой памяти, не успели ни переименовать, ни убрать. Кресла – не обычные офисные для совещаний, а самолетные, с ремнями безопасности – чтобы можно было проводить совещания прямо в полете. На столе – ни воды, ни чая, ни пепельницы с дымящейся сигаретой – ничего такого.

Их уже ждали – четверо, причем из них они знали только двоих, остальные двое джентльменов были им не знакомы. Первым был конечно же директор, Уильям Кейси (*прим автора – имя подлинное*) – сильно постаревший за последнее время, осунувшийся, в сером теплом свитере, придававшем ему еще более гражданский вид. Тускловатое освещение придавало его лицу серый, нездоровый цвет, ярче вырисовывая морщины. Большие уши, отвисший подбородок, усталые глаза. Директор смотрел не на них, а на свои, выложенные на стол руки...

Вторым был их непосредственный начальник, один из самых опытных американских разведчиков, Милтон Уорден⁶⁴. Недавно он уехал в Вашингтон отчитываться и выбивать дополнительное финансирование. Все присутствующие в этой комнате знали, что только случайность спасла его от того, чтобы стоять теперь с этими троими вместо Раттледжа.

⁶⁴ Прим автора: настоящее имя Милтон Берден. Здесь и далее за исключением некоторых, имена будут вымышленные. Подлинные имена будут приводиться в книгах серии «Агония».

Двоих остальных они никогда не видели, и представляться эти люди судя по всему не собирались. Скорее всего, контрразведка.

– Присаживайтесь... – устало сказал Уорден – представляться не надо.

Вызванные на совещание – вот теперь они точно были сбиты с толку, взяли стулья, осторожно, стараясь не нарушить *тягучую* тишину расселись...

– Господа... – сразу начал Кейси – мы собрались здесь для того, чтобы установить действительные обстоятельства попадания в плен ответственного сотрудника ЦРУ Александра Маллена. Вы приглашены сюда для того, чтобы рассказать о произошедших событиях и ответить на наши вопросы. При выработке решений вы присутствовать не будете. Должен также предупредить, джентльмены – сам факт проведения этого совещания, состав его участников, круг обсуждаемых вопросов является государственной тайной, вы не вправе разглашать данную информацию даже сотрудникам ЦРУ, имеющий равный с вами или более высокий уровень допуска к государственной тайне. Это понятно?

– Да, сэр... – сказал Маркович, остальные двое только кивнули.

– Тогда приступим. Вы, мистер Раттледж?

Он что, знает меня?

– Двадцать первого сентября сего года мною было получено распоряжение принять и обеспечить проведение внутренней ревизии сотрудника отдела внутренней контрразведки ЦРУ. Информация была передана установленным порядком, шифром ЦРУ, принята нашей станцией в посольстве, расшифрована лично мной, как это и полагается по инструкции. По прочтении я уничтожил бланк с информацией, немедленно. Телеграмма была подписана заместителем директора по разведке.

В целях исполнения данной телеграммы я дал своему подчиненному, присутствующему здесь Ричарду Марковичу встретить его на базе ВВС. Двадцать второго сентября присутствующий здесь Томас Курран доложил мне, что прибывший сотрудник отдела внутренней контрразведки ЦРУ собирается перейти границу с Афганистаном и попасть в базовый лагерь моджахедов «Тора-Бора» для проведения встречи с агентом. В соответствии с установленной инструкцией я запросил Лэнгли...

– Кого именно? – прервал рассказ один из никому незнакомых людей, невысокий, с бегущими глазами, на вид какой-то «пронырливый»

– Я попытался найти своего непосредственного руководителя Милтона Уордена, но не смог этого сделать. Потом я запросил дежурного офицера о полномочиях мистера Маллена – и полномочия мне подтвердили. Все записано в журнале, как и полагается...

– Дальше, дальше... – с раздраженным, скорее даже не раздраженным, а раздосадованным видом махнул рукой директор

– После чего, вчера двадцать четвертого числа, мне стало известно о ЧП, о разгроме каравана советским спецназом. Больше мне сказать нечего, кроме того, что я доложил в соответствии с внутренней инструкцией № 942/11 о чрезвычайном происшествии.

Марковичу внезапно пришло в голову, что все происходящее отдает дикостью. Если их допрашивают – то почему все трое находятся в одном помещении и слышат, кто какие показания дает? Чтобы согласовать показания? Так они и так бы успели их согласовать – потому что их не задержали, не держали в одиночках, почти никак не контролировали. Все происходящее означало, что им по-прежнему доверяют – иначе бы допрос велся бы совсем по-другому. Эта мысль подняла Марковичу настроение.

– Вопросы? – директор испытующе оглядел всех

– Вы раньше видели мистера Маллена, имели с ним какие-то дела? – тот самый, с бегущими глазками, «пронырливый»

– Нет, сэр – никогда не видел и не имел никаких дел.

Пронырливый пожал плечами – этот жест мог означать все что угодно...

– Хорошо – директор выждал время, понял что вопросов больше не будет и продолжил – теперь я хочу послушать мистера Куррана. Если вы подтверждаете сказанное ранее – то повторяться не стоит, начните сразу с событий в лагере Барбай.

– Верно, сэр, подтверждаю. В лагере Барбай этот самый Маллен предъявил мне директиву, подписанную заместителем директора по операциям, в которой пакистанской станции предписывалось оказать содействие в переходе Малленом границы.

– Вы имеете в виду афгано-пакистанской границы?

– Да, именно ее. Я в соответствии с инструкциями – да и просто мне это все сразу не понравилось – запросил мистера Раттледжа, что мне делать. Через пару часов – не помню точно сколько именно, сэр – мистер Раттледж связался со мной и подтвердил, что Лэнгли дает добро на переход. Тогда я отправил этого Маллена вместе с караваном – его вела группа Барьялая, очень сильного и авторитетного полевого командира. Вернуться он должен был... послезавтра, сэр.

В самолете повисла тишина – только посипывала система вентиляции и едва слышно работал генератор вырабатывая ток для самолета, находящегося на стоянке с выключенными двигателями

– Но не вернулся – прервал молчание директор, подводя невеселый итог – мистер Маркович вам есть чего добавить ценного?

– Нет, сэр – покачал головой тот – я с этим Малленом только один раз в машине ехал. И все.

– Тогда подождите снаружи. Вам сообщат.

* * *

Когда за последним из проштрафившихся сотрудников закрылась дверь, директор посмотрел в сторону «пронырливого», тот снова пожал плечами, как бы говоря – а черт его знает...

– Хорошо. Я хочу услышать мнение каждого – на что это похоже?

– Больше это похоже на переход... – пробормотал Уорден, затягиваясь вонючей турецкой сигаретой

И тут директор, не особо эмоциональный, буквально взорвался...

– Какой переход, во имя Всевышнего – какой к чертям переход?! Какого хрена его понесло сюда?! Почему он не мог совершить это переход в любом другом месте – в Западном Берлине, в Австрии, еще где-нибудь, почему он не мог нанять скоростной катер в Майами и через час уже оказаться на Кубе, почему он тупо не пошел в советское посольство в Вашингтоне, ведь тогда мы ничего бы не смогли с этим сделать?! Какого дьявола ему понадобилось лезть в пасть ко льву?!

Директор в этот момент был похож на загнанного в угол клетки зверя – тяжелое дыхание, безумный взгляд. Сотрудники еще никогда не видели его в таком состоянии.

– Продолжаем, господа – Кейси справился с собой – первая версия, это сознательный переход на сторону противника. Еще версии?

– Вторая версия – то, что Маллен сошел с ума. Просто сошел с ума – и все.

Говорил тот самый, пронырливый – Джон Майерс, один из самых приближенных к Директору людей, бывший телерепортер. Придя к власти, директор привел в Управление немало людей, которые до этого никогда в разведке не работали и даже не знали, что это такое. Тот же Майерс – типичный репортер-борзописец, однако с его приходом в Управление, наконец-то появилось то, чего там отродясь не водилось – разведсводка, написанная нормальным, человеческим языком, при этом содержащая хоть какую-то определенную информацию – а не бесконечные возможные варианты, скрывающие полную оперативную беспомощность.

- Маллен проходил ежегодное обследование? – на полном серьезе спросил директор
- Да, сэр...
- Тогда вторая версия отмечается как маловероятная. Еще версии?
- Возможно, Маллен решил самостоятельно провернуть какую-то операцию, не поставив в известность руководство? – предположил тот же Майерс
- Какую? Какую операцию он мог проводить в одиночку? Какую развединформацию можно добыть в этих проклятых Богом горах? В чем заключается смысл операции – в том, чтобы подставиться под пули спецназа?
- К тому же Маллен взрослый человек, я его знал как вполне разумного и адекватного человека – добавил Уорден – вряд ли бы он начал что-то серьезное, не поставив в известность руководство. Да и вообще – к чему человеку из внутренней контрразведки выполнять функции оперативника?
- Маллен раньше работал оперативником. Причем в русском отделе – напомнил Майерс
- Принимаем третью версию – отрубил директор – хотя и как нуждающуюся в серьезной доработке. Я просто не могу себе представить – что за операцию мог затеять Маллен, не согласовывая ее с начальством. Еще версии?
- Четвертая версия – что все наши местные друзья лгут.
- Лгут? – вступил в разговор Уорден – а как тогда быть с тем, что звонок Раттледжа действительно зафиксирован и документ, разрешающий Маллену его действия по переходу границы нами действительно найдены? Эти документы не могли появиться отсюда, из Исламабада, в этом в любом случае должен был участвовать кто-то из штаб-квартиры. Причем этот кто-то должен занимать довольно высокое положение, чтобы состряпать такие документы и ввести их в систему.
- Чертовщина... По санкции на Маллена установили?
- Подделка. Но чертовски хорошая и грамотно сделанная. Я не винил бы дежурного офицера – на его месте я бы тоже не заметил подлога.
- И кто-то эту подделку зарегистрировал в системе – пробормотал Уорден
- Вот именно. Это пробел и весьма серьезный – быстро среагировал директор
- Все усилия системы были направлены на то, чтобы не допустить несанкционированного выхода информации за пределы управления. О том, что кто-то может внаглую подделать приказ – никто не подумал, да эти командировочные приказы не относятся к категории «особой важности», их и не проверяют почти. Теперь конечно будем проверять.
- Запираем конюшню, когда убежала лошадь. Что известно о дальнейшей судьбе Маллена?
- Афганская агентура сориентирована на поиск. В полном составе. Но, чтобы довести этот приказ до всех, потребуется несколько дней. В Афганистане свои сложности с прохождением информации – вы же понимаете, сэр...
- Еще бы. Известно о том, жив ли он вообще – или нет?
- Точных данных нет. Но по косвенным данным – да жив. Мы сориентировали всю агентуру, объявлена немалая награда.
- Директор помрачнел – это значило только одно – преследование группы советских спецназовцев завершилось ничем – группа прошла границу и ушла.
- Уорден... Милтон, будьте добры, подождите на улице. И вы, Джон, тоже...
- Уорден встал с готовностью, Майерс с удивлением. Один из самых приближенных к директору людей, он полагал что уж от него то в управлении секретов нет и быть не может. Однако, ни были. Первый секрет – тот человек, четвертый, который сел в самолет не в США, на базе ВВС США Эндрюс, с которой они взлетали, а в Западной Германии, на базе ВВС Рамштайн, где они специально приземлились для того, чтобы забрать этого странного пассажира –

Майерс его не знал и никогда не видел, и директор его никому не представил. Второй секрет – тот, что должен был обсуждать с ним директор сейчас.

Когда дверь закрылась за Уорденом и Майерсом, неизвестный придвинулся ближе к столу, матовый свет от лампы высветил его лицо. Он был безликим – белесые волосы, среднее, ничем не выделяющееся лицо, серые, спокойные глаза. Ему можно было дать и тридцать пять лет и пятьдесят. Выделились его руки – он не мог держать руки спокойно, его пронырливые пальцы постоянно находились в движении, складывали какие-то фигуры, прикасались друг к другу.

– Маллен был в курсе? – резко спросил директор

– Да.

Директор стукнул кулаком по столу – так он делал только в моменты крайнего раздражения

– И?

Неизвестный равнодушно пожал плечами

– Знаете сэр... Если по обе стороны доски играет один и тот же шахматист – какая к чертям разница, если одна из сторон потеряет фигуру? Или две? Решать, кто выиграет, а кто проиграет – все равно одному человеку.

– Не все так просто... – с сомнением протянул директор – и у нас и в СССР существуют разные группы людей с разными интересами. Все зависит от того, к кому попадет информация Маллена. Если не к тем людям...

– Поэтому, я и предлагаю, сэр... Все что мы можем сделать сейчас и быстро – так это начать кампанию по дискредитации Маллена и его информации. Тем самым мы ускорим темп игры сами и заставим русских сбросить темп своей игры. Дезинформационная кампания даст нам время – не так уж много, конечно. Это время мы должны – вместе с нашими советскими друзьями – использовать для дискредитации или даже нейтрализации тех, кто получил информацию от Маллена и поверил ей. Больше мы вряд ли сможем сделать, сэр...

Директор задумался...

– Знаете, Александр... – медленно проговорил он – меня беспокоит одно совпадение. Может это совпадение, а может и нет. Почему Маллен решил перейти именно в Афганистане? Может быть, он решил, что в Афганистане он как раз и найдет людей, которые поверят ему? А может, он точно знал, что такие люди есть, и находятся они именно здесь, в Афганистане? В этом во всем меня настораживает один момент. С конца тридцатых, с того самого момента как Сталин расстрелял всю свою военную верхушку, советская армия никогда по-настоящему не претендовала на то чтобы играть какую-либо серьезную роль в политике. И вот здесь и сейчас, в афганских горах может все измениться. Мы бьем своего врага – но тем самым мы делаем его сильнее. Русские создали силы спецназначения, если признать честно – лучшие в мире, нам до них далеко. Мы играем в шахматы – а эти ребята учатся тому как перевернуть шахматную доску с всеми находящимися на ней фигурами. Сначала у себя в стране. А потом очередь дойдет и до нас...

Посольство СССР в Демократической республике Афганистан. Кабул, бульвар Дар-уль-Аман

28 сентября 1986 года

– Давайте еще раз, товарищ лейтенант. От кого вы получили информацию о прохождении каравана?

Скворцов вспыхнул. Немудрено – по четвертому кругу повторять одно и то же – нервы сорвутся у любого.

– Слушайте, я это повторяю уже пятый раз, сколько можно! От осведомителя я получил информацию, от осведомителя! Понятно вам? От осведомителя!

Он не знал, кто его допрашивает. То ли КГБшник, то ли особист⁶⁵ – да и какая разница. Допрос он и есть допрос. Скорее всего КГБшник, их представительство сидит в комплексе зданий посольства ССР, занимая целый квартал. Военные, занимающиеся активными действиями, сидят либо в частях рядом с подсоветными, либо в штабах своих частей, в пунктах временной дислокации, либо в здании Министерства обороны Афганистана. Сутулый, лысый очкарик с какими то странными очками на носу – все стекла какие то белесые, мутные и чтобы смотреть только небольшой кружок в самом центре. Черный, обсыпанный перхотью, совершенно здесь неуместный костюм.

КГБшник успокаивающе поднял руку.

– Спокойно, товарищ лейтенант, спокойно... Мы просто выясняем обстоятельства дела. Итак, получив информацию от своего осведомителя, вы...

– Принял решение и подготовил план операции – начал заново рассказывать Скворцов – утвердил у командира батальона. Как и полагается, известили «Экран». Договорились с соседями...

– Соседи это...

– Соседи это шестьдесят шестая мотострелковая бригада. Они должны были обеспечить наш выход.

– Еще вопрос. Источник был с вами на этой операции⁶⁶?

– Нет

– Почему?

– Решение принято мной. Наличие неподготовленного человека в группе ставит под удар всю группу.

– Хорошо, дальше.

– Выдвинулись на дорогу, где должен был пройти караван, заняли позиции...

– Минуточку. Вы знали, что это территория Пакистана?

– Опять двадцать пять – лейтенант уже настолько устал что ему было не до политкорректности, тем более перед гражданским – это территория Афганистана, согласно той карте, какая была у меня.

– По пакистанской карте – это территория Пакистана

– По вашему я должен был воспользоваться чужой карой. Или вы считаете, что афганская карта неправильная, а пакистанская – правильная?

⁶⁵ Особист – представитель особых отделов в армии, подчиняются Третьему управлению КГБ СССР. В Афганистане работало сразу несколько управлений КГБ, поэтому порой случался бардак.

⁶⁶ Почему-то было принято, причем директивно, что на реализации развединформации всегда должен присутствовать источник. Частично это было правильно частично – нет. Если, к примеру ты сажаешь источник в самолет-спарку или в вертолет и он показывает где бомбить – наверное правильно. Иногда источник нужно взять с собой на случай, если подозреваешь, что он дал дезинформацию и хочет завести отряд в засаду. Но решение должен принимать командир группы каждый раз индивидуально – если источник будет просто тормозить группу, будет ей обузой – брать его на реализацию, конечно же, нельзя.

Этим вопросом Сковорцов поставил допрашивающего в тупик. По сути, так и выходило, но допрос писался, и если потом прослушают запись, а при этом еще и будут присутствовать афганцы... то ему светит как минимум неполное служебное за такие слова...

КГБшник снял очки, положил их на стол. Подслеповато глянул на Сковорцова.

– Конечно же нет, товарищ Сковорцов, конечно же нет. Просто вы... как коммунист и воин Советской армии обязаны были предвидеть все возможные политические осложнения проведения операции у самой границы...

– Я воюю, а не предвижу политические осложнения!

В другое время и в другом месте за такой ответ и вообще за разговор в таком тоне со Сковорцова бы уже сняли погоны и отправили служить куда-нибудь в Мухосранск. Но сейчас он чувствовал, что ничего ему не сделают, что он зачем то нужен – иначе бы его не мурыжили с пересказом одного и того же в пятый раз. Ничего ему не сделают – и можно дать себе волю. Да и ... товарищ этот – погон он его не видел, должности-звания не знает, так что...

– Хорошо. Вы вышли на дорогу. Дальше...

– Дальше я принял решение организовать засаду на дороге с целью уничтожения врагов афганской революции. Караван вне сомнения должен был пройти по этой дороге рано или поздно. Поэтому я приказал Раду...

– Кому?

– Старшему прапорщику Радченко я приказал минировать тропу с целью уничтожения личного состава противника минно-взрывными средствами. Остальным своим бойцам я приказал занимать позиции на склоне и маскироваться.

– Хорошо. Вы увидели караван. Там был ...

– Там много кто был. Ослов было не один десяток и все с тяжелым грузом. Личный состав противника до ста человек, считая погонщиков. В центре каравана я увидел человека, белого европейца.

– Американца... – как бы впроброс уточнил КГБшник

– Американца – не американца... Не знаю, на нем не написано. Он был белым европейцем вот и все. Тогда я принял решение брать его живым и приказал старшему прапорщику Радченко отключить часть мин от подрывной машинки.

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем вы приняли решение брать его живым?

Лейтенант усмехнулся

– Мы спецназ. Нас этому учат. Это источник разведывательной информации, при наличии возможности любой источник разведывательной информации нужно брать живым и доставить к командованию для допроса на предмет получения информации о противнике, о его возможностях...

– Достаточно. Вы выстрелили первым из снайперской винтовки...

– Я выстрелил из снайперской винтовки и убил бандглаваря. Бандглаваря я опознал потому что у него был израильский автомат УЗИ, это дорогое оружие и его покупают только те у кого есть деньги. Он ехал на осле рядом с европейцем. После чего все остальные бойцы открыли огонь по каравану.

– А где был европеец во время боя?

– Откуда я знаю? Было не до этого, нужно было уничтожать бандитов, не время было высматривать. Он тоже ехал на осле, вполне возможно упал.

– Хорошо. Вы уничтожили бандитов, охраняющих караван, после...

– После чего часть группы осталась на своих позиция прикрывать нас, а часть вышла на досмотр уничтоженного каравана. Восемь бойцов осталось на прикрытии. Восемь ушли на досмотр, четверьмя парами. При досмотре мы обнаружили, что в караване находятся товары,

а также наркотики в большом количестве. В очень большом количестве – на каждом осле как минимум тридцать килограммов.

– Вы уничтожили наркотики?

– Да

– Как именно?

– Спустил в речушку, там протекает река, мелкая... Порезали пакеты и все высыпали. А что я должен был делать, акт составлять?

– Конечно же нет. После чего вы дали команду на отход, правильно?

– Правильно.

– Кто-то из бойцов что-то взял из каравана?

– В смысле?

– Товарищ лейтенант... – наглым тоном начал КГБшник, – вы прекрасно поняли, о чем я. В караване были вещи, возможно, дорогие вещи...

– Послушайте, вы! Пока вы отсиживаетесь...

– Не надо! – в голосе допрашивающего лязгнул металл – все это я уже слышал. У каждого своя служба. И еще вопрос – когда вы пошли на досмотр каравана, с вами в паре был старший сержант Кацава. Так?

– Так.

– И старший сержант Кацава был с вами, когда вы захватили этого американца, который не сопротивлялся вам, так?

– Так.

– И старший сержант Кацава оказался единственным из погибших в вашей группе!

Прежде чем Скворцов осознал, к чему клонит допрашивающий – если бы успел осознать, дело кончилось бы худо – где-то за дверью кабинета послышался шум, как будто что-то упало, потом крик – и дверь распахнулась...

– Скворцов! Вот он где... Вы что здесь делаете, вас же ищут...

Невысокого, ладного, усатого подполковника в чистенькой, отглаженной форме он не знал

– Закройте дверь! – сухо сказал КГБшник

– Чего? – недобро прищурился подполковник – вы кто такой? Что здесь происходит? Документы предъявите!

– Закройте дверь! Немедленно!

– Документы! – угрожающим тоном проговорил подполковник.

Решив, что связываться не стоит, КГБшник встал, и они вместе вышли, закрыв за собой дверь и оставив Скворцова одного. Вернулись в кабинет они минут через десять, вид у КГБшника был далеко не радостным.

– Свободны... – объявил он, и по мерзкой обиходной привычке, заставляющей всегда оставлять за собой последнее слово добавил – пока...

– Лейтенант Скворцов, за мной! – скомандовал подполковник.

Шли они недалеко – у подполковника оказался кабинет прямо в здании посольства, только на другом этаже. Кабинет как кабинет – обшарпанные стены, тяжеленный, окрашенный белой эмалью сейф, стол с изрезанной, растрескавшейся столешницей, раздрызганные стулья. Портрет Ленина на стене – и больше никаких портретов не было, ни нынешнего генсека, ни тем более Дзержинского⁶⁷. А вот одно пустое место на стене было – косанув глазами, лейтенант сразу это понял – никакой пыли и не такое выцветшее как остальные. И темная дырочка там, где должен был быть гвоздик...

И чей же интересно портрет там был...

⁶⁷ Если бы портрет Дзержинского был – сразу было бы понятно, чей это кабинет. КГБ!

Чей бы портрет там не висел – лейтенант понял, что надо держать ухо востро.

Подполковник тем временем по-хозяйски уселся за стол, подмигнул неизвестно чему и лихо достал из нижнего ящика стола ключ...

– Будешь?

– Да как то... товарищ подполковник.

Незнакомый подполковник перебросил ключ Сковорцову

– Дверь запри!

Пока Сковорцов запирает дверь, подполковник достал из сейфа початую бутылку армянского, пару стаканов и выставил все это на стол. Весьма рискованно надо сказать – хотя народного контроля⁶⁸ здесь и не было, не Москва – все равно могли и сейф заставить открыть⁶⁹.

Коньяк пошел хорошо. Сковорцов не был большим любителем – но тут он был как раз кстати. Обжигающая жидкость проскочила в пищевод, ударила в голову... Подполковник тоже лихо запрокинул стакан, закрыл бутылку и убрал ее в стол.

– Роберт Павлович⁷⁰ тебя ищет. Все на ушах стоят. Сам он не смог приехать, просил меня найти. Из-за тебя чуть ли не всю оперативную группу⁷¹ на ноги поднял. Юрий Тимофеевич⁷² сюда вызван срочно.

– Что произошло? Мы же не переходили границу, товарищ подполковник. У меня была карта, там этот участок как афганский обозначен. Откуда же я знать то мог? Это все из-за этого?

Подполковник махнул рукой

– Да х... бы с ней с этой границей... Ты кого привез?

– В смысле?

– Пленного? Ты кого привез?

Так и есть... Надо включать дурку...

– Да не знаю я. То ли врач, то ли еще кто. Он что, из Красного креста, что ли? Или журналист...

– Да какой нах... журналист – вторично выругался матом подполковник – черт знает кто это. И проблема в том, что до Кабула живым он не доехал.

– Как не доехал?!

– А вот так. Ты кому его сдал?

– Подполковнику Руденко⁷³, лично. Он же живой был!

– Вот и вопрос – живой или нет. В «Экран» о пленном как полагается, не сообщили. А потом и вовсе – выдали каким-то неизвестно каким людям. Может даже людям Туга-хана⁷⁴. И – с концами.

– Да как такое быть то могло?! – лейтенант вышел из себя – никто не отдал бы пленного без документов! Никто! В конце концов, у нас воинская часть, а не сброд блатных и шайка нищих!

⁶⁸ Народный контроль – было такое в СССР. Что-то типа внештатной контрольной службы из числа рядовых работников, которые в принципе могли войти в кабинет и к министру. Народный контроль в последние годы жизни СССР часто использовался в политических разборках.

⁶⁹ С пьянством, особенно после горбачевского «сухого закона» боролись очень жестоко, немало судеб и карьер было сломано из-за глупости.

⁷⁰ Полковник Мосолов Роберт Павлович, командир пятнадцатой бригады СПн ГРУ.

⁷¹ Оперативная группа министерства обороны – особая группа управления офицеров Генштаба, действовала отдельно от сороковой армии и занималась в основном вопросами организации и обучения афганской армии как самостоятельной боевой единицы. Она же систематизировала и обобщала боевой опыт, организовывала проведение совместных советско-афганских операций. То что был штаб сорокой армии и отдельно – оперативная группа Министерства обороны – не всегда было в плюс.

⁷² Полковник Старов Юрий Тимофеевич, командир 154 отряда спецназа ГРУ в описываемый период

⁷³ Подполковник Руденко Валентин Григорьевич – начальник политотдела бригады.

⁷⁴ Туга-Хан, реальный персонаж, руководитель отрядов вооруженной оппозиции, которому на тот момент подчинялось большинство бандформирований в провинции Нангархар общей численностью восемь-десять тысяч человек. Подчинялся так называемой «Пешаварской семерке».

– А вот так и получилось. Бардак везде, мать твою... Вот и разбираемся теперь, кто как может. Верней, задницы прикрываем... – подпол допил залпом оставшееся в стакане, босячки зажевал соленым куском хлеба...

– И теперь что? Я то сдал как положено!

Подпол махнул рукой

– Да ничего... Здесь пока посиди, я вернусь через час примерно... Не вылезай никуда, не показывайся никому на глаза. Здесь сиди, в общем...

* * *

Подполковник не появился ни через час, ни даже через два. Лейтенант дисциплинированно сидел, скучал, обливался потом и думал, что же все-таки происходит. Раньше такого никогда не было и сейчас сколько-нибудь удовлетворительного объяснения происходящего в голову не приходило...

Примерно через два с чем то часа в дверном замке повернулся ключ. На всякий случай лейтенант встал по стойке смирно. Невысокий, усатый майор с темными пятнами пота на форменной рубашке удивленно воззрился на него.

– А вы что в моем кабинете делаете, товарищ лейтенант?

Вот это номера...

– Товарищ майор, я...

И тут Скворцов осознал всю дикость ситуации. Дело в том, что подполковника он до этого никогда не видел, не знал ни его имени, ни должности, которую он занимает. Поэтому все, что он скажет, будет средним между детским лепетом и бредом от солнечного удара...

– Виноват, товарищ майор... – отделался Скворцов покаянной фразой

Майор подозрительно потянул воздух...

– Свободны, лейтенант! – запах он, конечно же, уловил, но видимо решил ничего не предпринимать, потому что хватало дел и без этого

– Есть!

Только потом Скворцов сообразил, что это был спектакль. Какой к чертям, чужой кабинет если подполковник имел ключ от сейфа и знал что там хранится коньяк. И вряд ли майор, обнаруживший что какой-то лейтенант не только самовольно занял его кабинет но и подкрепился находящимся там НЗ с коньяком так просто бы это оставил. Нужно было время на то чтобы расставить декорации и вывести на сцену актеров. А когда все было готово – на сцену вывели, верней выпнули и его самого. Но все это он осознал потом...

Из посольства лейтенант решил двигать в «розовый дом». Оттуда постоянно ходили транспорты на аэродром и обратно, большим группам советских специалистов передвигаться по Кабулу без охраны было уже опасно. У моджахедов появлялось все больше современных снайперских винтовок и взрывных устройств, нанести удар и уничтожить десяток-другой шурави в неохраняемом транспорте – такой возможности не упустит ни один дух. А оттуда с аэродрома с попутным бортом можно было вылететь в Джелалабад, в бригаду. В Кабуле ему делать нечего...

– Колян! Колян, ты что ли...

Скворцов недоуменно обернулся, дело было уже на самом выезде из посольства. Чем-то неуловимо знакомый загорелый, наголо обритый молодой человек остановил свою Волгу прямо под шлагбаумом и смотрел прямо на него...

– Это вы мне? – уточнил он, человека из Волги он не узнал.

– Да тебе, Колян, ты что как неродной...

– Проезжаем, что встали! Проезжаем! – занервничал охранник на шлагбауме. Его можно было понять – совпосольство было приоритетным объектом для атаки духов и то что машина застряла под открытым шлагбаумом ему совсем не нравилось.

– Щас проедем, командир...

Человек газанул, ловко вывернул руль, припарковав Волгу рядом с воротами. Открылась дверь...

И тут Сковорцов узнал водителя. Узнал и удивился, почему не узнал раньше. Хотя неудивительно – в школе он учился на класс младше и хипповал, носил длинные волосы как девчонка. Не раз волосы подвергались принудительному укорачиванию посредством физрука, завуча и ножниц – но Женька «Рука» продолжал хипповать и тратить все свои скудные пацанские средства на пластики с записями западных групп, какие можно было достать в Москве лишь по большому благу...

– Рука...

– Узнал... Узнал, сукин сын...

– Что с твоими волосами?

– Да ну их... Тут и так палит, а с волосами еще... Ты то где? Я и не знал что ты тут.

– Да так... В Джелалабаде...

– Если хочешь пулю в зад – поезжай в Джелалабад!

– Примерно так...

– У тебя время есть? – Рукохватов посмотрел на часы

Сковорцов прикинул. День в самом разгаре, куда, собственно, торопиться...

– Да есть немного...

– Поехали, пообедаем...

– А шеф твой? – Сковорцов издевательски кивнул на белую Волгу

– Да брось. Я тут так... подай-принеси... Разгонная это. А у меня сейчас обеденный перерыв и я, как любой советский человек, имею право нормально пообедать. Поехали!

* * *

На противоположной стороне улицы невысокий человек, неспешно шествовавший по тротуару и исполнявший роль выводного⁷⁵ поднес к губам портативную рацию.

– Машина пошла...

На следующем же повороте к белой Волге, записанной за аппаратом Главного военного советника в Афганистане, пристроилась желтая Волга такси, ее сменила старенькая но еще бодрая Тойота. Так, сменяясь, две эти машины повели машину с двумя шурави по городу...

* * *

Но произошло еще кое-что, о чем не знал никто – ни сотрудники совпосольства, ни следившие за Сковорцовым сотрудники ХАД. Рядом с совпосольством, в одном из домов сидели трое, в их распоряжении был фотоаппарат с длиннофокусным объективом, подзорная труба, несколько блокнотов, карандаши и много, очень много времени. Квартира эта числилась за советническим аппаратом, но использовали ее далеко не советники. Использовали ее заговорщики. Кропотливо, день за днем, сменяя друг друга, они фиксировали все, что происходит у посольства и в самом посольстве, накапливали информацию. Стандартные контрразведывательные мероприятия против них не срабатывали – потому что среди них были и те, кто отве-

⁷⁵ Выводной – термин спецслужб, сотрудник НН, наружного наблюдения, в чью задачу входит сообщить экипажам НН о появлении объекта.

чал за контрразведывательный режим посольства и других режимных сообъектов на территории столицы ДРА Кабула. Они понимали, что вполне возможно, то что они делают, будет расценено как государственная измена при определенных обстоятельствах. Но они продолжали это делать...

ПОТОМУ ЧТО ПО-ДРУГОМУ СПАСТИ СТРАНУ БЫЛО НЕВОЗМОЖНО...

Владимирская область, Александровский район. Садово-огородное товарищество

Поздняя весна 1987 года

Увы, но нормальных электричек в Советском Союзе не осталось...

В Москву теперь ходили колбасные электрички, из Москвы – садово-огородные. Ехали с Московской, Владимирской, Калужской, других областей, ехали в Москву, чтобы закупить того, что до этого вывезли из их же областей. Колбасу, крупы, сыр. Увы, и сахар – сахара теперь вообще не было, с тех пор как наивный и глупый, откровенно глупый генсек начал антиалкогольную кампанию. Как и все кампании в Советском Союзе антиалкогольная кампания попала откровенной дурью, перегибами, кампанейщиной и штурмовщиной. Вырубали виноградники, которые растить и растить десятки лет, запрещали пиво – и в то же время можно было достать дешевое крепленое вино и водку. Водка всегда была у таксистов, даже по ночам – за три цены. Возникло выражение «час волка» – согласно указу, продажа крепкого спиртного начиналась в двадцать три-ноль-ноль, когда стрелка на часах, украшающих Московский театр кукол, останавливалась как раз напротив фигурки этого зверя.

Но было кое-что еще. В отличие от прежних эта кампания дышала откровенным цинизмом она показала, насколько глубоко пустила корни криминальная экономика. Как и в Соединенных Штатах Америки, в Советском союзе сухой закон активно использовался для накопления первоначального капитала мафиозными объединениями.

Высокий, седовласый старик с орлиным профилем припарковал машину в одном из дворов, недалеко от Ярославского вокзала, закинул на плечо рюкзак, вышел на улицу. Машину он оставлял спокойно – вряд ли кто позарится на пожилой Москвич 2140. Оглядевшись по сторонам, старик влился в поток людей, неспешно текущий к площади трех вокзалов...

Во всем этом – если бы кто-то обратил на это внимание – было что-то ненормальное. Сам этот старик сильно контрастировал со всем – с непритязательной, в пятнах одежкой, с замызганной кепкой, с притороченной к рюкзаку лопатой, с торчащими хлыстами саженцев. Ну не похож был это крепкий еще старик на обычного московского дачника, спешащего рано утром в субботу на свои шесть (а у кого и три) соток, дабы успеть вскопать гряды и посадить картошку пока светит солнышко, и на небе ни тучки. Скорее этому старику подходил строгий деловой костюм или военная форма, если посмотреть на его выправку. Но старик был одет именно так, он безропотно толкался в очереди пригородных касс, в привокзальном ларьке купил несколько истекающих жиром пирожков и бутылку виноградного сока, и даже выругался матом, очень уместно и сочно, когда кто-то, спеша к поезду, пихнул его в спину. И все-таки – что-то здесь было не так.

Старик ехал больше часа на электричке, идущей к Александрову, одному из небольших городов Владимирской области, конечной станции для московских электричек. Он сидел на грязной деревянной скамейке, пачкаясь жиром съел два пирожка запил их виноградным соком и бутылку запихнул под диван, как это все делали. Соседи задумали «забить козла» – но старик отказался, вытащи какую-то газету и погрузился в чтение...

Наверняка, те кто ехали в одном вагоне с этим стариком сильно удивились бы, что спроси сейчас старика, кто сидит ближе к окну слева на третьем ряду с конца вагона – и он ответит без запинки и не только ответит – но при необходимости нарисует портрет, который теперь под влиянием милицейского сленга стали называть «фоторобот». Старик помнил облик каждого из более чем ста человек ехавших с ним в одном вагоне он помнил кто уже вышел из вагона и кто на какой станции вошел

Он всё помнил...

На одной из последних перед Александровом станций старик вышел. Протолкался к выходу, вышел на полупустую бетонную платформу в числе таких же, как он дачников, постоял, посмотрел. И когда хвост электрички скрылся за поворотом, а дачники редкой цепочкой тронулись в лесополосу – пошел и он.

Идти было легко. Весна выдалась дружной, не затяжной, и почва сейчас уже подсохла настолько, что самое время было заканчивать с посадкой картошки, а не начинать сажать. Снег уже весь сошел, оставив замусоренную окурками и осколками бутылок по обе стороны натопанной людьми в лесу тропинки, землю.

Старик шел не спеша, он наслаждался этим неспешным походом по русскому перелеску, наслаждался русской природой, наслаждался пеньем птиц. Последнее время старик обитал в городе, и на природу выбирался редко – и ему ее не хватало. Ведь он родился совсем недалеко от этих мест, в маленькой деревеньке на взгорке, которую придурок – кукурузник признал бесперспективной. Он тогда был в Китае, он был там уже несколько лет и человек по имени Мао Цзе Дун публично назвал его своим другом. У старика была сложная судьба. Его мать уехала в деревню и родила его без отца – только потом он узнал, что его отцом был испанский коммунист, один из активных участников Коминтерна. Несмотря на то, что он был сыном врага народа – еще оставшиеся у отца друзья протолкнули его в госбезопасность и направили советником в Китай. Тогда официально Советский Союз делал ставку на режим Чан Кай Ши, и его советническая должность почти ничего не значила. Но он делал свою работу, он искренне помогал китайским коммунистам, он спал вместе с ними в землянках и делил с ними скудную пищу, его не один раз могли убить, но он выживал, он переплывал Ян-Цзы вместе с Мао и его бойцами. И после победы КПК оказалось, что основную работу в Китае сделал как раз он.

Он до сих пор хорошо помнил Мао. Тогда он был скромным, и очень мудрым человеком, это потом он испортился, его испортила неограниченная власть. С Мао было очень интересно разговаривать, он никогда не твердил заученные догмы, он искренне старался докопаться до самой сути учения Маркса, Энгельса-Ленина, он внимательно читал книги, делал выписки, спрашивал мнение близких ему людей о то или ином фрагменте книги. Ему важно было не просто тупо заучить формулировки – а понять их, возможно в чем то и переделать, чтобы применить к Китаю. Мао искренне верил в коммунистическое будущее Китая – и старику было смешно слушать громогласные речи, в которых Мао потом представляли чуть ли не агентом ЦРУ. Гегемонисты – вот ведь какое выражение кто-то придумал. Китайские гегемонисты.

У тебя в стране произошел капиталистический переворот – это сказал Мао, когда его отзывали обратно⁷⁶. Те люди кто пришел к власти – они больше не будут идти к коммунизму. Наоборот, они будут идти к капитализму, чтобы присвоить народную собственность и править в своих провинциях и уездах как капиталисты. Все это было после Двадцатого съезда КПСС. Мао не предложил ему остаться – знал, что это невозможно. Но предупредить – предупредил, это все что он мог сделать для своего русского друга.

Напоследок они обнялись...

После его возвращения в страну, он узнал, что деревню его сносят. Мать он перевез к себе в город – но в городе она так и не прижилась, умерла вскорости. Поскольку он долгое время работал в Китае – на него поглядывали с большой опаской, не подпускали к оперативной работе. Сослали в Высшую школу КГБ СССР в Минске, преподавателем – все-таки опыт у него был и немалый. Но связей с друзьями, находящимися на оперативной работе он не терял. Его лично знали Сахаровский и Мортин⁷⁷, ценили его как настоящего разведчика, пусть и

⁷⁶ Мао и в самом деле говорил это и не раз. Поэтому, материалы ЦК КПК запрещались к распространению в нашей стране.

⁷⁷ Сахаровский Александр Михайлович, Мортин Федор Константинович – председатели Первого главного управления КГБ СССР, внешней разведки Советского союза. Сахаровский занимал эту должность пятнадцать лет и воссоздал советскую разведку после сталинских погромов. Надо сказать, что несмотря на то что разведка организационно входила в КГБ СССР, но на деле она была мало зависима от центрального аппарата. Не раз автор видел партийные документы, где руководителю ПГУ

попавшего объективными обстоятельствами в немилость. Потом его перекинули на подготовку кадров для «братских компартий» – это было смертельной ошибкой для тех, кто сейчас правил в КГБ СССР. Он готовил кубинцев, алжирцев, румын, восточных немцев – и везде он заводил друзей, везде оставались люди, кто считал его своим учителем. Он не знал, когда и зачем это пригодится – но он плел свою сеть, словно по указанию свыше. Потом когда подошел возраст – его перевели в армию и направили в группу Генеральных инспекторов министерства обороны – синекюра для отставников в генеральском звании. Но не для него – именно там, в армии он нашел людей, которые думали так же, как думал он которым было не все равно на то, что происходит с их Родиной. И теперь эта сеть, охватывающая больше десятка стран, должна была пригодиться.

* * *

Садово-огородное товарищество было обжитым, было видно что люди пришли сюда уже давно Вся его территория была огорожена покосившимся серым дощатым забором из горбыля, ворота были распахнуты настежь, дорожки – заасфальтированы как положено а не засыпаны щебнем, как это делают в последнее время. Аккуратные домишки-скворечники, на одно, реже на два окна, где-то и банька. Плодовые деревья, уже зазеленевшие голыми ветками. Копающиеся в земле дачники – тогда это были настоящие фанаты дачного труда, участок не был жизненной необходимостью как в девяностые.

Генерал в отставке медленно пошел по дорожке, приглядываясь к номерам улиц. Здесь он был впервые, это товарищество и этот номер участка, а также процедуру контакта ему удалось узнать с трудом. Ему ее назвал человек, сидящий в Нижнем Тагиле в ментовской зоне, по сфабрикованному обвинению о злоупотреблениях. Таких в Нижнем Тагиле было немало – гэбье жестоко расправилось с проигравшим противником, сломала годами выстраивавшуюся систему охраны правопорядка в стране. Не щадили никого...

Вот и улица. Десятая улица, одна из последних, так в этом товариществе двенадцать. Двенадцатая примыкает напрямую к лесу и начала застраиваться совсем недавно.

Взглянув на часы, генерал свернул в десятую улицу, зашагал по ней, присматриваясь к дачным домикам, принимавшим своих хозяев первый раз в этом году...

Нужный ему участок он нашел почти сразу, равно как и его хозяина. Участок как участок – шесть полновесных соток земли, новомодный щитовой домик, приличный на вид, крашенный в вездесущий синий цвет, в тот же самый, каким красят кабины тракторов Беларусь. Чуть дальше, в глубине участка – банька, небольшая, сложенная из полновесных, пузатых бревен без окон, не обшитая. Ни одного плодового дерева на участке, только грядки и теплицы...

Генерал остановился, наблюдая за хозяином...

Хозяин участка занимался сейчас тем же самым, чем занимались все огородники в это время – налегал на лопату. Копал, проще говоря. Лопата казалась игрушечной в его руках, он копал быстро и не совсем аккуратно, не наваливаясь на лопату ногой, только руками – вгонял лопату в почву на полный штык и вываливал очередной кусок чернозема. Равнять не равнял – но рядом, на соседней еще не вскопанной грядке лежали грабли для разравнивания вскопанного и стояли два ведра – то ли с картошкой или еще чем на посадку, то ли с удобрением...

– Вы подходите поближе... – внезапно крикнул хозяин участка, не разгибаясь над грядкой – тут собаки нет...

Гость зашел на участок, по вытоптанной дорожке направился к хозяину...

– Доброго здоровья...

Хозяин ничем не выдал своего удивления – именно это приветствие было началом сложного, трехступенчатого пароля, меняющегося в зависимости от обстоятельств и совсем не похожего на пароль...

- Доброго здоровья и вам, уважаемый...
- Смотрю, человек работает, рук не покладая, думаю, дай помогу...
- И это дело. Другьям надо помогать.
- Другьям и в самом деле надо помогать. Особенно тем, кто не с нами.
- Тем, кто не с нами – в особенности.

Это был необычный пароль. Значение имело приветствие и ключевые слова – не все предложения, а ключевые слова, вставленные в любое предложение в соответствии с контекстом и ситуацией, в которой эти слова произносятся.

Хозяин участка разогнулся, играючи всадил лопату в землю на весь штык...

- Да вы снимайте рюкзак свой. Давайте, помогу...

А заодно и проверю – нет ли там оружия или чего в этом духе.

Хозяин помог гостю сбросить рюкзак с саженцами, отнес его к домику...

- Что за саженцы?
 - Яблоня. Белый налив. Из питомника.
- Хозяин огляделся по участку, прикинул
- Посадим. Не выбрасывать же... Яблоки – дело хорошее...
 - Я к вам от Чердниченко.
 - Хозяин участка понимающе кивнул
 - Как он?
 - Трудится. Зарабатывает на условно-досрочное.
 - Понятно...

Хозяин участка зашел в домик, вынес еще одну лопату.

– Поможете? Вдвоем веселее, да и справимся быстрее. Потом попаримся, да и поговорим...

* * *

Банька пахнула в лицо жаром, еловым хвойным настоем, тяжелым, мокрым паром – насчет пара у каждого свои вкусы, тут у них с хозяином бани сильное расхождение. Генерал любил пар сухой, финский, пар сауны, а не бани...

– Ну, Иван Иванович... – хозяин бани в переднике ждал генерала, держа в каждой руке по большому, разлапистому венику – за работу и расплата как говорится. Будем экзекуцию пополам с дознанием проводить...

– Павел Иванович. Невинный я, гражданин начальник ... – пробурчал генерал, ложась лицом на полог

– Ну, это все говорят... Знаете как говорится – отсутствие судимости это не ваша заслуга, а наша недоработка.

Через два часа – уже темнело – оба они, хозяин и гость, сидели прямо в бане, на пологе, бок о бок. Один – высокий, крепкий несмотря на возраст, но худощавый, второй – ниже на голову с лишним, но словно сделанный из стали. Даже не из стали – из чугуна, доброго русского чугуна, такая глыба, какую не поднимешь. Гость и хозяин – каждый ревностно хранил секреты свои и хотел получить доступ к секретам другого. Что из этого могло получиться из такого разговора, где оба собеседника обладали достаточной долей профессионализма, чтобы не дать себя, выражаясь уголовным жаргоном «развести втемную»... Наверное, даже Господь Бог не смог бы предсказать результат такого разговора.

Хозяин занес в парилку две огромные, литровые кружки с квасом – как раз после парной. Жар уже утихал, в печи уютно потрескивали угли. Было хорошо – так хорошо, как бывает хорошо только после русской бани, когда рождаешься заново.

– Ну, а теперь, Павел Иванович, попарились, как говорится, пора и честь знать. Слушаю вас внимательно, что вас интересует...

Оба, и гость и хозяин понимали, почему они говорят в парилке, почему не в предбаннике за столиком. Ни одна аппаратура, что подслушивающая, что записывающая, не выдержит условий парилки. Да и где ее прятать – в заднице, простите?

– Многое... – спокойно ответил гость – меня многое интересует. Например, меня интересует – вы до конца службы собираетесь скрываться в областном УВД, под званием на три порядка ниже вашего действительного звания – или все-таки пора вернуться в бой?

Хозяин пожал квадратными плечами

– Звание как звание Меня вполне даже устраивает. До пенсии дослужу и ладно.

– Да? – гость нехорошо улыбнулся – а это порядочно, товарищ генерал-лейтенант? Вы не пытались выяснить – кто из ваших еще жив и здоров? А? Кто сидит! Кто уже... в земле лежит! А ты отсиживаешься тут, козлина!

Даже огромный опыт гостя не помог ему – да и что поможет, если на тебя бросается разъяренный носорог. В хозяине было за сотку живого веса и вся эта сотка – налитые чугуном мышцы. Раньше про таких говорили – подкову руками согнет...

– Ты меня жизни не учи, крыса гэбэшная – спокойный, даже равнодушный тон хозяина контрастировал с исполненными ярости глазами – не тебе каркать насчет этого! Тебя по реке вплавь пусть кверху брюхом – минутное дело!

Гость зашипел, пытаясь вдохнуть воздух. Хозяин подержал его еще секунду прижатым к стене – и ослабил хватку.

– Сука... – без злобы сказал хозяин, вышел в предбанник, наполнил бокалы квасом еще раз, вернулся в парную – как учить так вы первые...

– Успокоились? – гость взял предложенную кружку, отхлебнул, закашлялся – может, серьезно поговорим?

– О чем? Это мы всегда рады поговорить... – хозяин одевал одну из масок, которых в его арсенале было множество, маску дурашливого шута – без разговора и человек не человек...

Гость поморщился

– Например – об операции «Гроза» поговорим.

Хозяин ничем не выдал, что это название ему что-то говорит. Дыхание спокойное, рука ровно держит кружку, не дрожит, глаза не бегают, а смотрят прямо на собеседника, тембр голоса не изменился ни на йоту.

– Гроза? Не припомню. В каком году было?

– В восемьдесят первом, Геннадий Викторович. В восемьдесят первом году. В восемьдесят первом году группа офицеров центрального аппарата МВД СССР завершила сбор и обработку информации по группе высокопоставленных сотрудников КГБ. В группу эту входили Андропов Юрий Владимирович, тогда еще Председатель КГБ, потом он станет секретарем ЦК КПСС по идеологии, Крючков Владимир Александрович, начальник Первого Главного управления КГБ СССР, Бобыкин Викентий Михайлович, начальник Пятого управления КГБ СССР и другие лица. Материалы, собранные вами на этих лиц, давали достаточно уликового материала для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного шестьдесят четвертой статьей УК. Измена Родине. С этими материалами вы ознакомили вашего начальника, генерала армии Николая Анисимовича Щелокова. К этому времени вы, Геннадий Викторович, уже были по званию генерал-лейтенантом и выполняли только личные указания министра внутренних дел СССР, генерала армии Щелокова. Не знали вы только того, что Щелоков входит в специальную группу особо приближенных к Генеральному секретарю лиц,

в его секретный штаб, в который помимо него и самого Брежнева входили генеральный прокурор Союза ССР Роман Андреевич Руденко, секретарь ЦК по идеологии Михаил Андреевич Суслов и секретарь ЦК по кадрам Иван Васильевич Капитонов. Ознакомившись с материалами на Андропова, генеральный прокурор Руденко дал секретную санкцию на арест Андропова, Крючкова, Бобыкина и других упомянутых в досье лиц и на возбуждение уголовного дела по признакам измены Родине. Однако, реализацию операции по нейтрализации упомянутых лиц Брежнев поручил не Щелокову и, соответственно вашему управлению – а напрямую своему зятю, Юрию Михайловичу Чурбанову, первому заместителю министра внутренних дел. Дальше продолжать?

– Не надо – глухо проговорил хозяин дачи, смотря на пол, на застоявшиеся на кафельных плитках лужицы воды – не надо продолжать...

– В чем была причина вашего провала, Геннадий Викторович?

Хозяин долго молчал. Потом начал говорить.

– Причиной провала была в том, что у Андропова и его людей были несравнимо большие оперативные возможности. Чурбак, дурак, первым же и позвонил Андропову. Сука, сам же потом и сел... А вторым позвонил еще кое-кто – и подтвердил. Я тогда еще говорил Щелокову – надо работать по-другому. Если у противника большие оперативные возможности – переиграть его все равно можно, но для этого придется использовать грубую силу. Необходимо было физически ликвидировать Андропова силами моего управления – а потом уже разбираться с остальными. Отрубил голову змее – хвост уже не опасен. Но Щелоков руками замахал – как можно, как можно. А как же советская законность, так ее в душу мать! Вот потом и узнал все лично – про советскую законность...

Гость хлопнул в ладоши

– Великолепно. Точно к таким же выводам пришли и мы при анализе доступных нам материалов. Абсолютно, один в один повторяющие ваши выводы – для того чтобы ликвидировать змею, надо, прежде всего, отрубить ей голову.

– Слишком много вы знаете... – пробурчал гость

– Не все. Далеко не все. Группы были сформированы?

– Да. На базе спецотряда внутренних войск, засекреченного. Его готовили к Олимпиаде, на случай террористических актов.

– Дислокация?

– Реутов, Московская область. Особый учебный центр внутренних войск МВД.

– Командиры групп?

– Было сформировано три группы. Ганецкий, Ковалев, Попов.

– Они были введены в действие?

– Нет.

– Уверены?

Хозяин раздраженно посмотрел на гостя

– Уверен.

– Слухи разные ходят...

– Эти слухи – про перестрелку в Москве были запущены самим же Андроповым. Он же у нас чистенький, с мафией борется, с коррупцией, с загнивающим болотом – а оно, проклятое, его так и норовит изничтожить...

Хозяин снова злобно выругался

– Кто отменил приказ?

– Чурбанов. Через несколько часов подтвердил Щелоков.

– Причины?

– Мне неизвестны. Отмашку должен был давать сам Брежнев, не ниже.

– Хорошо. Дальнейшая судьба командиров групп?

– Ганецкий умер. Ковалев – в группе Кобальт, в Афганистане. Попов – уволился из органов.

– Как умер Ганецкий?

Хозяин бани улыбнулся – недобро так

– Как многие умирали в то время. В больнице. Внезапная остановка сердца.

– Ваше предложение по операции? Ну же, мы все равно примерно представляем, что вы предложили...

– Ликвидировать Андропова силами управления. После чего – начинать аресты.

– Кто был в курсе этого предложения?

– Крылов и Щелоков. Конкретно я работал через Крылова.

– И оба мертвы... – подытожил гость – вам не кажется это странным. И генерал-полковник Крылов, начальник штаба МВД, куратор вашего управления, и генерал армии Щелоков, который это управление и создавал – оба мертвы. Вам не кажется это странным?

– Не кажется – буркнул хозяин – мне уже ничего не кажется странным. Андропову, который сел в кресло Генсека надо было уничтожить тех, кто был против него. Причем быстро. Он это и делал – крушил направо и налево.

Гость покачал головой

– Нехорошо врать, Геннадий Викторович. Вы, по приказу министра внутренних дел Щелокова, создали в системе МВД совершенно секретное управление К – контрразведка. Тем самым вы грубо нарушили закон «О советской милиции» и вторглись в компетенцию КГБ СССР, второго и пятого управлений. Чередниченко, бывший вашим заместителем, отвечал в вашем управлении за внешнюю разведку, при этом использовались связи между советской милицией и полицейскими органами других стран, в том числе капиталистических. Он же отвечал за вербовку агентуры из числа иностранных граждан, проходящих обучение в милицеских ВУЗах Союза. Потом, когда Андропов пришел к власти, первым делом он решил наложить лапу на материалы, собранные вашим управлением, в частности на тот массив информации, благодаря которым его и его группу можно было обвинить в измене Родине. Но он не знал ни вас ни Чередниченко, он знал только первых лиц всего этого пасьянса. Руденко, Щелоков, Крылов. Руденко струсил и сдал имевшиеся у него материалы, после чего он скоростижно скончался. Но это были далеко не все материалы, тем более это были не оригиналы. Поняв это, Андропов начал давить на Крылова и Щелокова, требуя сдать материалы и тех, кто их собрал. То есть вас. Также он послал в МВД своего преемника, генерала Федорчука который от усердия в поисках вас и вашего управления разгромил подчистую все министерство. Он пытался найти вас и ваших людей – но так и не нашел. Что же касается тех, про кого Андропов знал достоверно – первым покончил с собой Крылов, потому что не было иного выхода. Потом застрелился Щелоков – ни на того ни на другого Андропов не мог давить в открытую, потому что могли всплыть неудобные подробности. Очень неудобные! И они погибли – защищая вас и вашу тайну, они были на передовой до конца и погибли в бою как солдаты. А потом скоростижно – подозрительно скоростижно умирает и сам Андропов. И больше искать некому – Чередниченко сидит в Нижнем Тагиле, зоне, скорее даже не сидит, а отсиживается по обвинению, которое он сам себе нарисовал, по облыжному обвинению. А вы находитесь здесь, по подложным документам и на неприметной должности в областном УВД. Причем что характерно – вы то находились в Москве почти до самой смерти Андропова и исчезли, как только стало понятно, что Андропов болен смертельно и шансов у него нет. Как – интересно, Геннадий Викторович?

Хозяин бани улыбнулся

– Да вы настоящий выдумщик, Павел Иванович, вам бы книги писать. Не опасаетесь?

– Чего?

– Многие познания умножают скорбь – об этом предупреждал еще Экклезиаст

– Да бросьте... Сейчас не время угрожать. Тем более что мы на вашей стороне. И заметьте – мы не требуем от вас сдать те материалы, которые вы спрятали в расчете на лучшие времена. Вы сами их нам отдадите, когда поймете, кто мы такие и за что мы сражаемся.

– И за что же интересно вы сражаетесь?

– За Родину – твердо ответил гость

– За Родину? – саркастически переспросил хозяин

– За Родину. Сейчас в эти слова вкладывают сарказм – как раз тот, который вложили в свои слова вы. Но напрасно. Наша страна очень сильна – но она беззащитна против тех, кто убивает ее изнутри, она просто не рассчитана на то, чтобы бороться с внутренним врагом, если этот враг на самом верху. Те, кого вы разоблачили в конце семидесятых Геннадий Викторович – они на самом верху. Андропова нет – но его ученики продолжают его дело. Порядочно ли это – отсиживаться в тылу?

Хозяин немного помолчал

– Кого вы представляете?

– Людей, которым не безразлично то, что происходит.

– ГБ?

– В основном армия. Есть и ваши коллеги...

– Коллеги...

Тот, кого гость называл Геннадием Викторовичем, задумался, уставившись глазами на остывающую печь, словно делал в уме последнюю доводку, принимал решение. И – принял.

– Чего вы хотите?

– А вы сами как думаете?

– Понятно. Когда?

Генерал одним махом допил остававшийся в кружке квас, довольно крикнул

– Хорош квасок... Банька, да после баньки квасок – все что нужно чтобы встретить старость, так ведь?

– Если она будет. Старость бывает не у всех и не всегда – угрюмо ответил хозяин бани. Сейчас он уже инее был похож на советского милиционера – и статью, и выражением лица и короткой стрижкой – типичный зэчара, только росписи, татуировок на теле почему то нет.

– Будет... Будет. Если не будем торопиться – то будет.

Хозяин кивнул головой в знак того, что понял

– Что нужно делать мне?

– Вам? Ждать. Готовиться. У вас ведь много друзей?

– Остались...

– Вот и навестите их. Например, в Реутов съездите, хороший городок. Легко дышится там. В другие места. Лишних друзей не бывает.

Хозяин снова утвердительно кивнул головой

– И поддайте еще парку, Геннадий Викторович. Лишним не будет...

Кабул, бульвар Майванд

28 сентября 1986 года

Волга продвигалась вперед по одному из проспектов Кабула – шумному, запруженному машинами, бронетехникой, людьми, осликами и мулами как полноправными участниками дорожного движения, с ямами прямо на проезжей части, с уличными регулировщиками вместо светофоров. Ни один человек, только что прибывший из Союза не смог бы провести в это время Волгу по оживленной кабульской улице не наткнувшись на что-то (или на кого-то). Движение было безумным, такого безумия не было даже в Москве. Но Рукохватов был уже человеком опытным, он знал, как надо ездить по Кабулу и ездить быстро. Поэтому, он умудрялся не только править своей «шайтан-арбой» – но и отвечать на вопросы своего старого, только что встретившегося друга.

– Ты здесь как я понимаю в десанте...

– Верно, понимаешь.

– Да брось... Тайна Полишинеля...

– А ты как личным водителем заделался. А?

– Подальше от начальства, поближе к кухне. Старая армейская мудрость.

– Когда это ты таким мудрым стал?

– Да тут станешь... Ты не думай, что здесь у нас курорт а вы там в Джелалабаде одни на весь Афган воюете... У нас тут тоже... Недавно машину обстреляли, чуть ли не всмятку. Эта новая. В бардачке глянь...

Скворцов залез в бардачок, пальцы удивленно наткнулись на оружейную сталь. Николай удивленно достал из бардачка короткий не то автомат, не то пистолет с изогнутым магазином, массивной деревянной рукояткой и проволочным прикладом.

– Видал, а? Скорпион. Польский.

– Чешский... – машинально поправил Николай

– Один хрен... Выдали теперь на случай нападения. Вот с собой вожу...

И снова мысли о том что что-то здесь не так родились у лейтенанта позже. Привычный к самому разному оружию, он не удивился, найдя чешский автомат в бардачке Волги – а стоило бы... Скорпион не состоял на вооружении Советской армии, выдать его обычному водителю никак не могли. Если бы уж решили что-то выдать – так выдали бы либо АКС-74У, либо Стечкин под постоянное ношение. Зато Скорпион был на вооружении у спецназа ГРУ и частей особого назначения КГБ СССР...

Поток впереди сгустился, Рукохватов раздраженно ударил по клаксону...

– Черти... Ездят как хотят... А у тебя все нормально?

– В смысле?

– Да вон... Машинка интересная... Такси. Мы нарушили правила – и она нарушила...

Да что же это...

– Всякое бывает...

– Не хочешь, не говори... – Рукохватов снова совершил резкий маневр в нарушение правил. Скворцову стало стыдно.

– Понимаешь, братишка... Тут все одно к одному... Взяли мы одного... На самой границе... А он, твою мать, ЦРУшником оказался! Теперь он пропал не пойми куда прямо из расположения, и на меня собак спустили будто это я его и затырил. Я в той операции земляка потерял, так они, суки...

– Бесы⁷⁸?

⁷⁸ Так на сленге обычно называют особистов, военную контрразведку.

- Они ...
- А с чего ты взял что он ЦРУшник?
- Да сам он сказал... На него, брат, знаешь какую охоту устроили? Окружили нас, метлу завалили, мы вообще ушли чудом оттуда...
- Рукохватов вырвался на относительно свободную трассу, резко увеличил скорость...
- Проверим их?
- В смысле?
- ХАДовцы обнаглели совсем. Трутся около нас, будто дел других нет. После этой кутерьмы с предстоящим выводом войск, афганцы больше нам не верят. Можно ожидать любой подянки. Да и духовской агентуры в ХАД немало. Вот я и думаю – проверим, что за птица за нами летит...
- У меня и так погоны на соплях держатся.
- Да брось. За ХАДовцев нам ничего не сделают. Они всех и так тут достали уже...
- И что предлагаешь?
- А вот что... – Рукохватов левой рукой достал из поясной кобуры пистолет Макарова, перебрал его Сковрцову – держи, а я Скорпион возьму. Сейчас на базар заедем... Они за тобой пойдут... а я пару вопросов задам... Дай мне... минут двадцать. Дальше отрывайся и выходи на улицу...
- Добро...

* * *

Восточный базар... Свой мир другая планета, где все живет по своим законам. А восточный базар осенью, когда собран урожай – это вообще песня. Сказка...

Хотя Сковрцов не имел никаких навыков оперативной работы, тактику поведения он инстинктивно избрал верную. На базаре отоваривались многие шурави из советников и военных, своим богатством базар превосходил лучшие центральные магазины Москвы, за исключением разве что «Березки»⁷⁹. И Сковрцов решил сыграть роль именно такого покупателя, решившего затовариться перед окончанием срока командировки. Поэтому, он безошибочно выбрал линию дуканов⁸⁰, где торговали импортной техникой, и пошел медленно, приглядываясь к товару, иногда прицениваясь – и не забывая посмотреть назад...

Шли за ним двое. Оба афганцы, один еще как то мог сойти за хазарейца, основной тягловой силы Кабула, таскающей большие, с огромными колесами телеги с товаром. А вот второй был совсем здесь ни к селу ни к городу – одет в нечто среднее между костюмом и формой, нервничает, не приценивается у лавок и всем старается скрыться за другими людьми, делающими покупки. Кто их только так учил следить...

Сковрцов недобро осклабился. Сейчас посмотрим – кто кого...

* * *

Волга – «типа такси» тормознула у лавки, где торговали индийскими фильмами – в Афганистане видеомагнитофон заменял поход в кино – да и опасным делом было это самое кино, могли заминированную машину у кинотеатра оставить. Поэтому – все больше и больше семей с относительным достатком проводило свой культурный досуг за просмотром видеомаг-

⁷⁹ Наверное мало кто уже помнит. Так назывались магазины, которые торговали не за рубли, а за чеки Внешпосылторга, своего рода «советскую инвалюту». Торговали импортным шмотьем, техникой... Те, кто мог там отовариваться, были счастливыми, выйдя из магазина они могли перепродать купленную там вещь иногда за десять цен.

⁸⁰ дукаан – лавка.

нитофона, видеомагнитофон стал самым желанным подарком для шурави-мусташаров⁸¹. Даже некоторые части на операциях в перерывах между боями смотрели «Брюса Ли», запитав видео от танкового аккумулятора...

Крутанувшись – базар был большой и Рукохватову, как местному, больше года оттрубившему в Афганистане и раз посещавшему базар, труда оторваться от хвоста не составило. И прежде чем афганцы сообразили, что делать дальше – он уже вырос как из-под земли у пригнувшейся у тротуара, обтекаемой людским морем со всех сторон Волгой...

– Хуб асти⁸²? – сказал он с милейшей и слегка придурковатой улыбкой.

Водитель, не сообразив что делать, залопотал что-то на своем языке – но Рукохватов уже не слушая его, рванул на себя заднюю дверь, ввалился в салон.

Водитель полез рукой за отворот пиджака.

– Дреш⁸³! – оглушительно гаркнул Рукохватов и афганец застыл как статуя, повинувшись выработанному за годы войны условному рефлексу. Неспешно вытащенный из-под полы Скорпион привел афганца в совершеннейшее оцепенение

– Душман? Ашрар?⁸⁴

– Нист душман! Нист ашрар! Рафик! Рафик, шурави мушавер!

– По-русски знаешь?

Для убедительности Рукохватов ткнул незадачливого афганца стволом Скорпиона в затылок

– Не хорошо...

Со стороны базара показался бегущий Скворцов, Рукохватов предусмотрительно подвинулся, приоткрыл дверь.

– Вперед! Гони! – гаркнул он, как только его друг оказался в салоне.

Истошно взревев мотором и едва не задавив зазевавшегося хазарейца с телегой, Волга начала разгоняться. Прорвавшимся сквозь базарную толпу облапошенным филерам осталось только проводить ее взглядом...

⁸¹ мусташар – советник.

⁸² хуб асти – как поживаете. Самое распространенное приветствие в Афганистане.

⁸³ Дреш! – Стой! Самая распространенная команда; по ночам в городе было неспокойно, и если ты не замирал на месте в ответ на такой окрик – по тебе открывали огонь. Надо сказать, что для того чтобы часовой успокоился – достаточно было сказать что-то по-русски.

⁸⁴ Что такое душман знают все – а вот что такое ашрар – мало кто знает. Ашрар – на дари означает враг, сами афганцы обычно использовали именно это слово, а не «душман».

Картинки из прошлого. Румыния, окрестности Бухареста

Ранняя весна 1986 года

После мутной и сумрачной зимы – с мокрым снегом, с туманами, с гололедом, на Карпаты надвигалась весна. Ночью зима еще была вполне в своих правах, и подмораживая мужи она искренне думала, что она, зима, здесь навсегда. Но приходило утро – и солнечные лучи взламывали оборону мороза, и снова журчали ручьи, убеждая зиму, что это не так, и что время ее – прошло. Или – почти прошло...

Надменная черная Волга, светя дальним светом, несмотря на то, что было еще совсем светло, свернула с заледеневшего шоссе, покатила по намерзшему на ночь льду, оскальзываясь, но мгновенно выправляясь. Пассажир Волги, невысокий, в темном плаще, с незаметным, незапоминающимся лицом раздраженно сказал водителю.

– Потише. Еще не хватало в кювет...

Водитель сбросил скорость...

Их уже ждали. Почти точно такая же Волга стояла носом к ним – то есть на выезд с дороги, в паре сотен метров от дороги прикрытая сучковатыми зарослями. Три человека ждали рядом с ней...

– Тормози! – сказал пассажир, и когда Волга замерла на месте, коротко бросил – будь внимателен.

Водитель, ради такого случая «взятый в аренду» у USLA⁸⁵ кивнул, сбросил одеяло с пассажирского сидения, где своего часа дожидался русский укороченный АКС-74У со смотанными изолейкой двумя магазинами.

Высокий старик, в длинном черном плаще до пят, совершенно седой, взгляделся в вышедшего из подъехавшей Волги человека, потом взмахом руки отпустил обоих своих спутников, в которых проглядывало тайное неуловимое родство с собаками бойцовых пород.

– Нормально, это свой.

Телохранители отошли – но недалеко, они оставались в боевой готовности, как бойцовые собаки, они были готовы в любой момент метнуться к охраняемому, сбить его с ног, рубануть автоматной очередью. В подготовке они ничем не уступали водителю Волги, и если бы началась перестрелка – скорее всего, полегли бы все.

– Здравствуй, Михай... – сказал старик по-русски – не ожидал тебя здесь увидеть.

– Здравия желаю, товарищ генерал... – отозвался по-русски приехавший на встречу румын – а кого вы ожидали увидеть?

– Говорили ты погиб. В Бейруте...

– В Бейруте... Убить меня не так то просто, товарищ генерал. Хотя признаться, кое-что на память о Бейруте мне все же осталось...

Румын поднял левую руку, на которой не хватало двух пальцев, указательного и среднего, они были оттяпаны до последних фаланг

– Ай-ай-ай... Как же ты так. Ты всегда стрелял с левой руки, насколько мне помнится. Это был твой фирменный стиль, никто этого не ожидал, Все на правую руку всегда смотрят, а ты...

– За это и оттяпали. Теперь приходится учиться стрелять как все.

– И как?

– Пока не так хорошо как с левой. Но учусь... И научусь, товарищ генерал... Кстати – вы ведь, кажется, в отставке...

⁸⁵ *Unitatea Specială de Luptă Antiteroristă (U.S.L.A.)* – антитеррористический спецназ времен Чаушеску, организационно входил в состав Секуритате, очень хорошо подготовленный.

– Сейчас не время для отставки. Помнишь – все способные держать оружие... Ты ведь у нас учился, должен помнить.

– Помню, товарищ генерал. Хорошо помню.

– Итак? – старик прищурился – ваш ответ?

– Наш ответ... Генерал Влад⁸⁶ с вами, товарищ генерал...

Старик как-то сразу... другим каким-то стал, и румын это заметил. И подумал – что сдает старая гвардия, даже те, кто начинал еще во времена СМЕРШ. Время не щадит никого.

– Генерал Влад передает вам привет, товарищ генерал. Он хорошо помнит вас.

– Передавайте привет и ему. Кто еще в курсе? Вы понимаете, кто может произойти, если информация дойдет до посольства или до агентуры КГБ?

– Понимаем, товарищ генерал, хорошо понимаем. Мы хорошо умеем работать вы же нас и учили. У нас – порядок, те у кого длинный язык долго не живут. За блокировку информации мы отвечаем.

– Кто еще в курсе?

– Товарищ Андрута⁸⁷ точно не в курсе, как вы и просили. Генерал Влад, информация замыкается на нем и на его доверенных людях, их четыре человека считая меня. Больше никого. Остальные знают только то что нужно для исполнения задания. То есть легенду. Официально мы залегендировали это как учения, совместные учения со странами Варшавского договора. Провели по документам, материальные ресурсы выделили, утвердили как надо, подписи поставили. Информация до исполнителей будет доведена уже в самолетах.

– А Великий Кондукатор⁸⁸? Он знает?

Румын мгновенно ошетинился

– На вашем месте я бы выбирал тон, товарищ генерал. В конце концов, это вы просите у нас помощи, а не мы у вас. Извольте проявлять уважение к нам!

Генерал грустно улыбнулся

– Действительно, пришли те времена, когда мы просим выручить нас, как мы когда то выручали вас... Кто же знал, что такие времена наступят.

Румыну стало стыдно. Но он ничем этого не показал.

– Выручим. Мы хорошо понимаем, что если нам суждено погибнуть – то погибать будем мы все вместе. Генерал Влад хотел бы уточнить маршрут транспортировки боевых групп. В вашем плане про него нечетко сказано.

– Он до конца не проработан. Рабочий вариант такой – самолетами Западной группы войск, которые совершают регулярные рейсы. Официально это будет перевозкой военного имущества. Вы должны будете перебросить подготовленные группы в ГДР своими силами на аэродромы, которые мы вам назовем. Пункт назначения – Кубинка. Как экстренный вариант – посадка в Домодедово, там тоже будут наши люди. Либо – на аэродромах КОДВО⁸⁹, если все пойдет вразнос. После чего – ваши группы поступают под начало наших офицеров.

– Под начало ваших офицеров?

– Это необходимо. Вы не знаете город, не знаете цели.

– Вы правы... – после минутного размышления согласился румын

– Сколько человек вы сможете выставить?

– Сколько... Скажем так... по высшему уровню подготовки мы сможем дать человек сто, объединенных в четыре оперативно-боевые группы. Они прошли специальную подготовку

⁸⁶ Генерал Юлиан Влад, руководитель Секуритате. Имя подлинное.

⁸⁷ Андрута Чаушеску, руководитель школы Секуритате, брат президента.

⁸⁸ Великий Кондукатор – звание вождя всех румын Николае Чаушеску.

⁸⁹ КОДВО – Краснознаменный Одесский Военный Округ.

и специализируются на активных действиях в городских условиях. Для большей гарантии... сводный отряд возглавлю я, лично...

Генерал улыбнулся

– А не опасешься, Михай? Случись что – могилки ведь не сделают...

– Я уже мертв, товарищ генерал... – спокойно ответил румын, пожившись от внезапно ударившего с Карпат порыва ледяного ветра, – Меня убили там, в Бейруте. Сейчас я просто доживаю свой век. А выбрать себе смерть, умереть за достойное дело – честь для каждого мужчины...

Ледяной ветер с предгорий усиливался, он прорывался через заграждения роши, свирепо накидывался на двух стоящих друг напротив друга людей. Кто сказал, что зима – не вечно...

Министерство обороны ДРА. Кабул

29 сентября 1986 года

Оперативная группа, реализующая план «Камнепад» была засекречена настолько, что о ее существовании и выполняемых ею задачах не знали ни в штабе сороковой армии ни в оперативной группе министерства обороны, ни в представительстве КГБ СССР, ни в посольстве СССР в ДРА. Эта группа работала словно на враждебной территории и во враждебном окружении – и только поэтому она до сих пор работала. У нее не было ни здания, ни даже какого-либо отдельного кабинета, не велось никакого делопроизводства. Просто это была группа людей, знающих свои задачи и выполняющих их. Каждый из членов группы имел какую то должность, во-первых для прикрытия, во-вторых – чтобы выполнять свои задачи самому и помогать выполнять их остальным членам группы. Так, например командир группы, полковник (на самом деле генерал-лейтенант) Куракин официально был советником командира третьего армейского корпуса афганской армии, размещенного как раз неподалеку от Кандагара, ближайшего к пакистанской зоне племен. В Кабуле деятельность спецгруппы, подчиняющейся напрямую начальнику ГРУ ГШ МО СССР генералу армии Ивашутину, координировал подполковник (это было его настоящее звание) Цагоев Дмитрий Павлович.

Подполковник Цагоев, как и его непосредственный начальник, генерал-лейтенант Куракин был человеком необычным – впрочем, в группе «Камнепад» обычных людей и не было. По национальности он был осетином, как осетинами были и отец и деды и прадеды. И почти все мужчины рода Цагоевых служили в армии, это был род воинственный и все в нем были воинами с незапамятных времен. Дед Михаила Цагоева был в числе тех, кто брал Берлин в сорок пятом. Именно он в детстве занимался с тогда еще маленьким Мишей, передавая ему секреты воинского ремесла, хранившиеся в поколениях. Вместе с дедом Миша, еще не успевший пойти в школу ходил по горам, в восемь лет он уже мог самостоятельно добыть пропитание и выжить в горной местности, умел стрелять из охотничьего карабина. Умел он стрелять и из пистолета – руку ему ставили с самого детства. Пистонная ракетница, пистоны, свеча... Если стреляешь пистоном в сторону свечи – а ракетница тяжелая, особенно для мальчика – то пистон при выстреле дает узконаправленную струю воздуха и при точном, очень точном выстреле пламя свечи гаснет. Так раньше тренировали детей аристократов – дуэльные пистолеты были однозарядные, а на дуэли тебе дается всего один выстрел. Долгие тренировки, до слез, сделали свое дело – теперь, уже будучи подполковником, Цагоев смело шел на переговоры с лидерами моджахедов, неоднократно встречался с самим Ахмад Шахом, действовал почти всегда в одиночку, без охраны, бывало что переходил и границу – и до сих пор был жив.

Официально, подполковник Цагоев считался заместителем начальника разведки сороковой Армии, полковника Николая Зиновьевича Сивачева. Он же входил в состав ЦБУ «Экран»⁹⁰ как и сам Сивачев. Несмотря на свой не слишком высокий статус, за ним был закреплен отдельный кабинет и сразу две машины – УАЗ-469, на котором он ездил сам, и белая Волга. Волгу, по негласной договоренности использовали офицеры штаба сороковой армии как дополнительную «разгонную» машину, сам же подполковник ею почти никогда не пользовался.

И вот сейчас подполковник, сидя в своем кабинете, в «розовом доме» читал телегу... Телега, пришедшая из ХАД, сама по себе была подозрительная и вызывала множество вопросов. Это надо же – похитили офицера ХАД, угрожали убийством, требовали передать секретную информацию. И все это совершил «его» водитель, лейтенант Рукохватов.

⁹⁰ Центр боевого управления «Экран» – правильное название группы, контролировавшей все действия сил специального назначения в Афганистане.

ХАДу полковник особенно не верил, и попади эта телега сразу к нему – он бы сходил с нею... простите, в туалет и там использовал по назначению. Но телегу, как и положено провели по всем инстанциям, и в конце концов на ней стояла размашистая виза замкомандующего сороковой ОА по тыловому обеспечению полковника Васенина. «Разберитесь»...

Положив бумагу на стол, подполковник Цагоев посмотрел на стоящего в его кабинете по стойке «смирно» лейтенанта Евгения Рукохватова.

– Орел... – начал подполковник – орел, сказать нечего. Только не тот, который высоко летает, а тот, который сверху – и прям на голову...

– Товарищ полковник⁹¹, разрешите доложить!

– Да уж докладывай. Как ты умудрился ХАДовца-секретносителя чуть не убить.

– Товарищ полковник, мы за ним следили... верней, это он за нами следил, а мы за ним.

Подполковник нахмурился

– Это как понимать? Что за детский лепет? Вы что, оперативной работой занимаетесь, Рукохватов?

– Никак нет. Я друга своего встретил, Сковрцова Николая, это за ним следили....

Сковрцова Николая... Это не тот ли самый...

Про дело Сковрцова подполковник слышал – занимался этим не он, лично Сивачев, поскольку спецназ в Афганистане подчинялся ему. Но слышать слышал, и из того что слышал, сделал вывод – что-то в этом деле нечисто.

– Оставить. Ты сядь, сядь... Вот так, а теперь с самого начала и поподробнее. Кто такой этот Сковрцов?

– Сковрцов, Николай, он в соседнем со мной дворе жил, вместе в СДЮШОР ходили, спортом занимались. Его потом призвали, но я в детстве спиной маялся, поэтому меня сюда. А он служит в спец...⁹² в десанте, в общем, он служит.

Подполковник Цагоев добро улыбнулся

– Да брось, лейтенант здесь все свои. В спецназе он служит, в спецназе. Где именно, бригада, отряд...

– В Джелалабаде они стоят, товарищ полковник

Подполковник Цагоев черкнул в блокноте «15 бр. 154 отр.»

– Что дальше. Где вы с ним встретились?

– На бульваре Дар-уль-аман. Возле посольства, я как раз пообедать и заправиться поехал. Вижу – Колька идет. Я его в машину посадил, спросил, что да как. Потом заметили – за нами две машины идут. Волга-такси и Тойота старенькая. Мы на Майванд выехали, решили на базар заехать да проверить – что к чему. Колька их отвлек, а я в машину сел, которая такси...

– И приставил к голове водителя пистолет. Так?

– Так...

– И что тебе водитель сказал?

– Что он из пятого управления ХАД.⁹³ Что ему приказали следить за русским шурави, который выйдет из посольства СССР и дали фотографию его.

А вот это – уже интересно. Очень! Получается, что ХАД знало о том, кто и когда должен выйти из посольства! И откуда оно это знало?

– Получается, этот водитель... Он старшим группы, что ли был?

– Что?

⁹¹ В армии обычно к подполковнику обращаются, отпуская приставку «под».

⁹² Официально считалось, что спецназа не существует, поэтому весь спецназ маскировался под десант и всего его заслуги тоже приписывали десанту.

⁹³ Пятое управление ХАД – боевое управление, официальная задача – борьба с терроризмом. Сыграло ключевую роль в деле подавления мятежа министра обороны Шах Наваза Танаи в 1990 году.

– Старший группы наблюдения. Приказ на проведение мероприятий получает старший группы, члены группы знают только свою задачу, поставленную им старшим группы. Ладно, неважно. Что ты потом сделал?

– Отогнали машину к стадиону и ...

– И оглушили водителя, ударив его рукоятью пистолета по голове

– ... он жив?

– Кто?

– Ну, водитель этот....

Жив и даже очень. Сначала раскололся под дулом пистолета, а оставшись в живых – написал телегу. Очень характерное, кстати для афганцев поведение, так себя они и ведут.

– Жив, жив... И даже писать может. Целое произведение написал, как ты у него совсекретную информацию под дулом пистолета требовал, а он ничего кроме «да здравствует революция» и не сказал тебе.

– Но это же...

– Да какая теперь разница... Партнеры⁹⁴ теперь рвут и мечут, требуют, чтобы тебя судили и расстреляли как шпиона. Пакистанского, еврейского – не важно. Теперь слушай сюда – от твоей откровенности сейчас зависит очень многое. Что тебе рассказал Скворцов?

Рукохватов опустил голову.

– Что он тебе рассказал? Это не шутки. На, ознакомься

На стол упала красная книжечка, с тиснением золотом.

– Понял? Теперь рассказывай, что тебе Скворцов сказал. Возможно, сейчас ты спасешь своего друга от большой беды.

– Он... разведчика захватил в караване. ЦРУшника. Вытащил его в расположение, у него человек в группе погиб. Их чудом тогда вытащили. А потом этот разведчик... пропал прямо из расположения отряда...

– Какого разведчика? Что за разведчика?

– Из ЦРУ.

Вот это номера...

– Откуда он знает, что он из ЦРУ?

– Этот... которого он вытащил... он сам ему сказал.

– Что он из ЦРУ?

– Да. Когда их окружили.

Вот это и в самом деле номера... Он знал о случае пропажи пленного из расположения наших войск, но пропавший проходил по отчетам как сотрудник Красного креста, а само дело рассматривалось как побег.

– Еще что?

– Больше ничего не сказал товарищ подполковник

– Точно ничего?

– Ничего...

Подполковник Цагоев тяжело вздохнул

– Что же делать то с вами, архаровцами... Ты, где этого ... друга своего оставил?

– Я ... в аэропорт его подвез. Он попутным бортом к себе в бригаду собирался... Товарищ подполковник...

– Я уже два года товарищ подполковник, и из-за таких как ты еще непонятно, сколько им буду... – подполковник Цагоев принял решение – из здания ни ногой. Собирай вещи. Оружие сдай, как положено. На улицу не высывайся, это не шутки!

⁹⁴ Партнеры – так обычно называли афганцев.

Про то что это не шутки знали и Цагоев и Рукохватов. На душманов списывали все происходящее, в том числе и то, что совершили вовсе не душманы. А пытал ХАД еще круче, чем духи. Азия...

– Есть.

Произошло то, что не могла предвидеть ни в каких расчетах ни одна из сторон, ведущих игру. Просто встреча двух старых друзей по школе и по секции. Рукохватов стемнил перед своим другом – он отлично знал, что возит офицеров разведки, и покушение, произошедшее совсем недавно, было тоже на офицеров разведки. После этого покушения Рукохватову выдали Скорпион из запасов ГРУ.

Произошедшее же на границе на Хайберском перевале после того, что устроили Рукохватов и Скворцов, стало известно кабульскому оперативному офицеру-координатору «Камнепада». «Камнепад» создавался как временная сводная оперативная группа Министерства обороны, он так и проходил по документам до настоящего времени. Но суть «Камнепада» была уже другой – из ВСОГ он уже давно превратился в небольшую но эффективную параллельную спецслужбу со своими целями и задачами, выделенными материальными ресурсами и независимыми ни от кого оперативными возможностями. Цели и задачи «Камнепада» давно противоречили целям официально провозглашаемым руководством страны как в тактическом, так и в стратегическом смысле.

Безусловно, скрывать такого рода деятельность от Москвы было невозможно. Но ее и не скрывали. Цели и задачи «Камнепаду» ставились в Москве, людьми сидевшими в недрах Министерства обороны, на Старой площади и даже в Кремле. Этим людям не нравилась политика нового Генерального секретаря партии, их взгляды кардинально расходились с ним и они готовили инструменты для возможного использования их в будущей борьбе за власть. Одним из таких инструментов и была временная сводная оперативная группа «Камнепад»...

Джелалабад, провинция Нангархар. Пункт временной дислокации 154 ОБрСпн

29 сентября 1986 года

– Спасибо мужики...

Лейтенант пожал руку командиру корабля, потом праваку

– Да брось... В баньке попариться не хочешь? У нас банька – во всем Афгане нет такой баньки. Перед ней – пруд с карпами⁹⁵, как у себя дома...

– Да нет... Меня и так за самоволку – вздрючат по самое...

– Ну, бывай...

Лейтенант побежал к рычащей дизелями колонне, с которой ему уже махали – поторопись...

Как он выбрался из Кабула? Да очень просто...

В Афганистане на самолет внутренних линий почти никогда не продавали билеты, платили летчику а сам самолет летел далеко не по расписанию. А уж про самолеты Советской и Афганской армии – тут и разговора нет – какие могут быть билеты договорился с экипажем – полетел. Не договорился – не полетел. Полетит экипаж или нет – зависело от многих факторов – исправность самолета, погода, возможность обстрела духами, сколько экипаж выпил накануне. Можно было ждать вылета час можно и несколько суток. Лейтенанту прост повезло – уже через два часа торчания на кабульской бетонке ему попался самолет, идущий аккуратно на Джелалабад. И даже не слишком сильно перегруженный. Ну а то, что грузовая кабина Ан-12 не герметизирована – это так. Мелкие неприятности. Они ведь ходят в горы – ходят. И ничего...

Он возвращался в отряд, хотя душа его была не на своем месте. Он не был оперативником, он не привык к интригам, он в конце концов был обычным московским пацаном из хорошей семьи, классным стрелком. Да, Родина сделала из него меч – но не кинжал. И теперь ему было непокойно – как всегда бывает непокойно честному и не видящему за собой никакой вины человеку, когда вокруг происходит что-то непонятное и темное.

Интересно, что сделают Женьке? Ведь он тут в бригаде – а он то там остался. Значит, если этот зеленый⁹⁶ жаловаться побежит – как раз Женьке и влетит. Хотя кашу он заварил, и это из-за него теперь...

Черт, лучше бы он грохнул того проклятого ...

Кого? ЦРУшника? И куда он делся? Он ведь его сдал, как положено. Он же правду сказал...

– Эй, лейтенант...

Скворцов вздрогнул, едва не свалившись с брони

– Товарищ капитан?

– Ты ведь вроде до расположения десантуры просился?

Только сейчас Скворцов понял – доехали. Место временного расквартирования сто пятьдесят четвертого отряда, в пятнадцати километрах от Джелалабада было совсем рядом.

– Так точно, товарищ капитан

– Ну, так и не спи на броне.

Проводив взглядом соскочившего с брони лейтенанта, пожилой капитан молча покачал головой...

⁹⁵ Прим. автора – Это соответствует действительности.

⁹⁶ Зеленый, партнер – воин афганской армии, сотрудник ХАД или Царандоя.

* * *

Расположение было совсем рядом. Знакомое до боли место – модули, палатки. Вырытые на случай минометного обстрела землянки. Ограждение. Кладбище трофейной техники, рядом – техника настоящая, рабочая. Все какое-то временное, несерьезное – и в то же время уютное, свое. И, как апофеоз всему, на флагштоке понуро висел исхлестанный ветрами, выпитый, выжженный безжалостным афганским солнцем, но не сдающийся гордый красный флаг.

На воротах временного КП стоял ефрейтор Деревских – не из его группы, но человек знакомый. Когда он увидел неспешно идущего к расположению Скворцова – он настолько изумился, что побежал к нему навстречу, напрочь забыв про обязанности часового.

– Товарищ... лейтенант

Глаза его были размером с чайное блюдце, не меньше...

– Я уж год как лейтенант. Ты почему с поста то сорвался...

– Товарищ лейтенант... вас в самоволке объявили, майор Квача распорядился как только вы появитесь... сразу к нему...

Вот это номера... Теперь и в самоволку его отправили...

– Товарищ лейтенант.

– Дойду сам. Учи устав караульной службы, солдат! – отработанным движением, Скворцов слегка сбил широкую панаму-афганку, коей была увенчана голова ефрейтора Деревских...

* * *

Квача сидел в штабном модуле, по форме и с автоматом под рукой. Пил чай...

– Товарищ майор, лейтенант Скворцов по вашему приказанию прибыл!

Хотя никакого приказания прибыть к нему майор Квача не отдавал – Скворцов решил доложиться именно так, чтобы не навлекать на свою голову начальственный гнев – явился, мол... не запылится. Хотя как раз запылится, грязный как...

Квача отставил чашку в сторону.

– Хоть и не приказывал – а все равно прибыл. Проходи, присаживайся... Рассказывай, что ты сумел такого натворить, что самого батю в Кабул на ковер вызвали?

– В Кабул?!

– Ну, да. Час как улетел, вертушку за ним прислали...

Вот это – попал...

– Не могу знать, товарищ майор...

– То есть как это – знать не можешь?

– Не могу знать. Меня в Кабуле спрашивали – я ответил то же самое. Пленного я сдал как положено, спросите подполковника Руденко...

Квача как то разом сменил тон

– Да спрашивали... Бред какой то... Руденко говорит, что был звонок из Кабула, по этому звонку он передал пленного КГБшникам. Они вместе с ХАДовцами прибыли, местными. В журнале запись есть. КГБшников таких нет. В Кабульском представительстве КГБ звонок не зафиксирован, у местных тоже. Вот и думай – что хочешь.

– Товарищ майор а как Руденко...

– Руденко с батей улетел. Объяснительные писать. Мутное дело это...

Чая не было. На двоих прикончили целую бутылку голландского лимонада Сиси, теплого и противного – палило нещадно...

– А ХАДовцы?

– Что – ХАДовцы?

– Ну ХАДовцы! Они же настоящие, так? Почему у них не спросить?

Майор Квача недобро посмотрел на подчиненного.

– Отставить. Мало того что уже наделали... Батя вернется из Кабула – тогда и будет разбираться... кто... почему... и кого.

– Есть...

* * *

Шило сидел в своем модуле, грязном и засранном. Голый по пояс. Чуть пьяный – но лишь чуть-чуть. И злой – как собака.

– Здрав будь, командир! – поприветствовал он шагнувшего в модуль Скворцова

Скворцов подозрительно принялся

– Это на каком?

– А хрен знает... На старославянском...наверное.

Как ни странно – в Афганистане старославянский, или то что солдаты считали за старославянский, приобрело особую популярность. Равно как и мат вкупе с «музыкой», блатным жаргоном. Дело было в том, что нужно было какое-то средство общения – и по связи и в письменном виде – позволяющее достоверно установить, что информация исходит от русского, а не от духа. Среди афганцев, в том числе и тех кто воевал в рядах вооруженной оппозиции, было немало тех, кто учился в Советском союзе, или имел русских жен – по-русски они разговаривали не хуже самих русских. Это могло привести к проблемам. А вот если ты обстрелял подозрительную группу в зоне твоей ответственности, а в ответ тебя по связи послали и по папе и по маме – тут к гадалке не ходи, спецназ идет. В духов переодевшийся. Так и опознавались – матом и жаргоном.

– Докладывай, замок. Как вы тут без меня разлагались?

– Как разлагались... Батя злой как черт, на него из Розового дома выходили по связи, потом он орал долго. Группу отправили...

– Куда отправили?

– На операцию. Доктор Набир объявился. Сука...

– Не добили, значит.

Доктор Набир был не афганцем – непонятно кем. Лидер бандформирования, до двухсот активных штыков. Месяц назад сумел уйти в Пакистан, выскользнуть из тисков, когда проводилась операция по зачистке зоны, но точно была подтверждена информация о его ранении. Потом по каналам ХАД пришла информация о его кончине от ран в пакистанском госпитале. И вот – здравствуйте... И как теперь верить партнерам?

– Не добили...

– А ты что сидишь? С кем группа ушла?

– Батя приказал нам двоим в расположении сидеть... до выяснения всей этой истории. А нашей группой – группу Михальчука усилили.

– Михальчука... Как же он командовать то будет?

– Скомандует. У него замком Рыбак – он на нашу группу и встал. Нормально все будет.

Скворцов нашел себе место для сидения – грязный, сколоченный из досок, в которых раньше артиллеристы свои снаряды хранили, табурет.

– Что делать будем?

– А что предлагаешь?

– Да не нравится мне все это. Чувствую, соседи опять что-то темнят. Ну, ладно, КГБшников, которые пленного забирали – мы не знаем, корочками махнули – мы и уши развесили. Но ХАДовцы то знакомые местные, так?

– Допустим.

– Так если у кого и спрашивать – так это у них. Они-то должны знать – что за гэбье, где они его взяли, что потом было, как они пленника забрали?

Шило покачал головой

– Вон ты о чем, старшой... Не... я не подписываюсь. Меня уже и так тут наградили... орденом святого Ебукентия с закруткой на спине.

– Надо разобраться. По горячему. Потом поздно будет.

– Кому надо – тот и разберется, старшой. Давай хоть выспимся в кой веки раз... как люди.

– Как знаешь... – Скворцов поднялся со стула, угрожающе скрипнувшего...

– Стой, старшой... – Шило окликнул командира, когда тот уже открыл дверцу модуля – на чем тронемся то ...

– А вон... Тойоту возьмем. Я на воротах договорюсь...

* * *

Управление ХАД по Джелалабаду и провинции Нангархар находилось в старом здании, окруженном толстым дувалом, с большим двором и вырытым под здание подвалом, переделанным под тюрьму. На воротах стоял часовой, всего один – верней не стоял, а сидел на земле, разомлев от жары и положив рядом автомат. Хочешь – врываешься и твори что сочтешь нужным.

Шило со Скворцовым подъехали к управлению ХАД на старой, но бодрой Тойоне, которую несколько месяцев назад взяли в караване и отремонтировали чтобы использовать для своих нужд. Таких машин было много и использовались они гораздо чаще, чем положенный по штату транспорт. Все дело было в том, что за положенный по штату транспорт надо было отчитываться. Не дай Бог на операции где-нибудь машина заглохнет. Как-то раз было такое – сломался на операции Урал, его пришлось бросить – а потом разрабатывать целую операцию по его эвакуации, потому что за него надо было отчитываться. В ходе этой операции по эвакуации машины несколько человек получили ранения. А Тойоты... Симурги – они есть, но их и нет, сломалась – бросили, сняли все ценное и все, не отчитываться не перед кем. Удобно – а проходимость у Тойоты например почти как у УАЗа.

Сидевший на земле у ворот страж встрепнулся – но увидев знакомых русских, успокоился. Продолжил «бдение»...

На дворе стояли несколько афганцев ХАДовцев – оборванных, с автоматами, караулили сидящих на корточках в углу пленных. Какой толк от этого караула...

– К кому идем? – Шила при передаче пленного не было и он не знал, кто из ХАДовцев в ней участвовал.

– К Амиру...

– К Амиру... – понимающе протянул Шило – давно с ним перетереть стоило бы...

Амир, заместитель начальника управления ХАД был человеком мутным и темным, как и многие среди партнеров. В этом была еще одна проблема всей этой безумно затянувшейся войны. В двусмысленности. По идее войну должны были вести сами афганцы, а мы им – только помогать. На самом деле – афганцы вести войну категорически не желали. Разное конечно было – попадались и «юноши бледные со взором горящим» из верящей в революцию молодежи – но в основном попадались другие. Такие, как Амир – вовремя угадал, на чьей стороне сила, хитростью занял пост. А по сути – ничем не отличается от бандитов, воюющих по ту стороны, только этот воюет за власть, а те – против власти. В управление напиринимал лично преданных ему людей – чтобы на случай если русские уйдут, быстро превратить все это в банду. По слухам – договорился с местными исламскими комитетами воевать «понарошку», кормить русских дезинформацией. Не раз и не два, зеленых ловили на том, что поверх голов стреляют. Спросили: «Почему»? Ответ – «нам еще здесь жить». Вот и воюй с такими вот... партнерами, лучше уж самим, и рассчитывать только на самого себя. Проще будет. И эффективнее.

О дороге к кабинету Амира спецназовцев никто не остановил – полный бардак. Внизу на посту их знали и пропустили, даже документов не спросив. Проходной двор.

Амир – черноусый толстяк сидел в кабинете, по виду – спал прямо на рабочем месте. Остро пахло анашой...

– Амир... Друзе мой дорогой... – Скворцов первым шагнул в кабинет, Шило вошел следом и остался у двери, заперев ее

– Что? Рафик Николай, ты чего.

– Да ничего – Скворцов сел на стол, как бы принимая доминирующую позу – ехали мимо вот и заехали к дорогому афганскому другу. Рафику.

– А... Рафик – хорошо...

– А глаза что бегают? Плохое думаешь...

– Э... Рафик Николай... ты о чем?

– Да все о том же. Ты куда пленного дел, рафик Амир?

– Пленного? Ашрара?

– Да какого ашрара... Американец – где?

– Какой американец?

– Обыкновенный! Я из рейда притащил американца! Едва записать успели – явился ты, рафик. И с тобой – еще трое. Я там был. Подполковник Руденко там был. Пленный там был. И ты там был, дорогой рафик. А теперь пленного нет. А меня наказать хотят. Ты куда пленного дел?

– Рафик Николай, я не понимаю...

– Сейчас поймешь... – недобро сказал Скворцов, доставая из кармана толстую парашютную стропу и многозначительно смотря на вбитый в потолок крюк – раз ты мне врешь, рафик, значит ты никакой мне не рафик. Ты ашрар. Душара недобитый, короче. Вот мы тебя сейчас и повесим за это...

Амир дернулся, пытаясь выхватить пистолет – но с советским спецназовцем ему в этом было не тягаться...

– У какой... Беретта! Доктор Набир подарил?

– Нет...

– Говори, сука! – Скворцов поддал как следует Амиру кулаком отчего тот стал задыхаться – кто с тобой был? Кто пленного взял? Куда пленного дели?! Говори! Э, Шило укрепи-ка пока виселицу для нашего дорого рафика-ашрара. Не терпится мне его повесить.

– Рафик Николай... судить будут.

– А меня так и так судить будут. Я пленного потерял, он на мне числился, понял? А пленный – не простой. Лучше пусть за дело судят!

Шило подтащил табуретку, взобрался на нее, начал ладить виселицу. Точно так же как это делал сам Амир – верней не он, а его подручные. Ведь духи боятся виселицы как огня, по канонам ислама горло в момент смерти должно быть свободным, чтобы душа могла выйти из человека и направиться к Аллаху. А если горло несвободно – то не остается ничего другого душе, как выходить из тела через другое... отверстие. И к Аллаху испачканную дерьмом душу – не пускают, и обречена она на вечные муки. Поэтому для душмана, и вообще для любого правого смерть на виселице – позор, чтобы ее избежать и умереть от ножа или от пули – он все расскажет. Спецназовцы это знали.

– Кому. Ты. Отдал. Американца?

Амир, глядя на смастеренную петлю и в самом деле понял, что его собираются вешать. И – лопнул как мыльный пузырь, затараторил так, что и записать не успеешь при всем желании...

– Эти... из Кабула были... на Волге приехали... их рафик Павел привел... рафик Павел... сказал что они шурави... с особым заданием.

- Какой рафик Павел?
- Рафик Павел... Здесь сидит...

Вот это – номера! Советник при местном управлении ХАД от КГБ! Его кажется, и в самом деле Павлом зовут!

- Рафик Павел. Твой мушавер?
- Да, да, мушавер!
- И он привел к тебе тех, кто из Кабула?
- Да, да...
- А почему рафик Павел сам за пленным не поехал?
- Не знаю, клянусь Аллахом! Он сказал – здесь подожду!

Клятва с Аллахом в свидетелях из уст заместителя начальника ХАД выглядела по меньшей мере странно...

- А потом что было?
- Потом они пленного сюда привезли! И в Кабул поехали! Рафик Павел с ними поехал.
- Одни?!
- Одни... Рафик Павел машину свою взял. И у этих машина была...
- Ездить по дороге на Кабул просто на двух машинах без колонны было опасно*
- Кто приезжал из Кабула? Ты документы у них проверил
- Треснула, вылетая из дверного проема, хлипкая дверь
- Дреш!!!

* * *

Губа в расположении была просто отвратительная...

Не камера – обычный зиндан, наскоро выстроенный. Это еще ничего, что сейчас под ночь попали. Можно тюфяком укутаться, ночью помереть от переохлаждения можно. Ночи в Афгане – даже летом холодные.

Но все равно – лучше так, в своем расположении, чем в какой-нибудь афганской тюрьме в Джелалабаде.

А попасть – попали. Можно и срок огрести, запросто. Как минимум – пару лет дизеля⁹⁷, это к гадалке не ходи. Покинули самовольно часть, нарушили прямой приказ, напали на чиновника ХАДа. У него же на роже не написано, что он душманам проданся? Не написано

Попали...

- Слышь, лейтенант... Хоть немного отыгрался
- Ты о чем?
- Раньше все залеты – на мне были. Теперь – из-за тебя залетели
- Оно так. Давай спать.

* * *

Хотя в зиндане было темно – о том, что взошло солнце, спецназовцы поняли сразу. Стало теплее, уже не случали зубы, выбивая барабанную дробь. Осталось только подождать, пока принесут пожарть...

- Э, а кормить то нас будут? – заорал Шило
- Щас покормим... Чего изволите?

⁹⁷ Дизель – дисциплинарный батальон.

– Рыбы красной⁹⁸ тащи! И сгуща! И побольше, побольше!
– Рожа не треснет? Сечки принесу и довольны будьте! – отозвался часовой
– Вот выйду, тогда узнаешь, почему фунт лиха! В нарядах сгною – без злобы пообещал часовому Шилю.

Загремел засов на двери – однако вместо красной рыбы и сгуща, и побольше – в зиндан спустился майор Квача, почему то нарядившийся в старую, замызганную форму

– Сидим?
– Сидим, товарищ майор... – ответил за обоих Скворцов
– Б...ь! Доводил ведь вчера – не суйтесь!
– Сунулись уже...

Майор, хорошо зная своих подчиненных, понял, что раскаяния от них ждать – бессмысленно, все равно, что здешним летом ливня ждать. В пустыне Регистан.

– Дело есть. С меня людей требуют, отправить – некого – хмуро сказал майор
– Мы ведь вроде как ... под арестом... сидим.
– Не умничай! Это ты еще не под арестом! Вот если бы вчера Николай Павлович на тебя не наткнулся – ты бы у зеленых под арестом сидел. Вот там бы – точно был арест.

– Извините, товарищ майор...

Квача посмотрел на спецназовцев

– Доктор Набир сдается...

Новость, выданная начальником штаба, настолько поразила спецназовцев, что они на какое-то время лишились дара речи...

– Э... то есть как – сдается? Совсем сдается?
– Совсем. Он оказывается у партнеров по второй категории проходил.
– Доктор Набир? Это шутка такая, что ли?
– Да какая тут шутка... Из Кабула приказ...

Афганское бандитское подполье и служба безопасности ХАД существовали всю войну в некоем странном симбиозе, иногда сложно было понять кто на чьей стороне и кто какие задачи выполняет. Любая палка всегда бывает о двух концах и по любой дороге можно было пройти в обе стороны. Так и тут – не только духи активно вербовали агентуру в органах власти – но и спецслужбы имели в бандах огромную агентуру. Почти в каждой банде был как минимум один осведомитель – а то и не один. В подполье внедрялись лжебанды, целиком состоящие из сотрудников ХАД – просто удивительно как при таком уровне агентурного проникновения с банддвижением до сих пор не было покончено.

Банды, находящиеся под контролем ХАД делились на три категории. Третья – банды, в которые внедрены осведомители и внедрены настолько успешно, что деятельность банды либо парализована, либо она, сама того не подозревая, выполняет задачи, ставящиеся ХАД. В таких бандах либо сам бандглаварь, либо его окружение было завербовано. При этом рядовые члены банды ничего об этом не знали и думали что сражаются за духов и против шурави.

Вторая категория – банды, в которых весь личный состав знает о том, что воеет за народную власть и против духов. Иногда такие банды существовали больше года, орудовали в самом Пакистане. Надо сказать что разборки между бандами, с боями и многочисленными жертвами были не редкостью. Часто такие стычки были инспирированы ХАД и КГБ СССР.

И, наконец, первая категория – это те банды, которые решили открыто перейти на сторону властей. Обычно это делалось, когда душманскому подполью становилось известно все про банду и про ее главаря и денег на борьбу с неверными уже не светило. Такие сдачи обставлялись максимально торжественно – со сдачей оружия, с врачами, с трибуной и афганской партноменклатурой, которая говорила вчерашним бандитам о неоспоримых преимуществах

⁹⁸ Красной рыбой называли консервы – кильку в томатном соусе.

развитого социализма. Некоторым бандитам это все так нравилось, что они переходили то на одну сторону, то на другую по несколько раз.

– Товарищ майор, а мы то тут при чем?

Квача раздраженно махнул рукой

– Сами знаете как это делается. Приехал какой то урод... жирный. За орденом что ли. Окончил Высшую партийную школу... тот еще фрукт, в общем. И корреспондент там будет. Советский. Вот этот фрукт выразил желание самолично присутствовать при сдаче банды. Приказано обеспечить его безопасность... а у нас – все люди в разгонах... на операциях. Больше некому...

– Подождите... Михальчик же как раз за доктором Набиром пошел. И с ним и его группа и наша почти в полном составе.

– Да пошел... Его двадцать вторая бригада к каким то делам припрягла без спроса... Совместная операция была, мать их... Как только есть возможность чужих запрячь – запрягают, людей же не хватает, сам знаешь. Я пробовал рыпнуться, но там... от генералов не толкнуться, важная какая-то операция. Некому больше, мужики...

– Так мы что там – вдвоем обеспечивать будем? Доктор Набир – тот еще фрукт, я скорее поверю, что Раббани или Хекматияр сдались, чем этот.

– Нет... Десантура с ними идет... отделение, больше нету. И зеленых батальон. И еще КГБшники. В общем целая колонна формируется. Под гостей – автобус, из брони – шесть корбочек, зеленых, семидесятки. Еще пара Камазов пойдет и наливник с керосином.

– А банда что?

– А что. Их же автоматы им и выдадим опять, номера перепишем только. Еще и своего подбросим. И останутся там же – только как подразделение от законной власти. Народу керосина нальем, муки дадим – сам же знаешь...

Вот тут то и надо было Скворцову среагировать на проскочившее «КГБшники». Опять КГБшники! В деле с пропажей пленного, они и тут – опять они!

Но Скворцов разведчиком не был. Пока не был. И подозревать всех и вся... и в первую очень своих же – не научился. Пока...

– Больше некому, мужики... – Квача скорее просил, потому что понимал, что делается – не дело и отпускать из-под ареста провинившихся тоже – не дело, и приказ о предоставлении охраны этому цэкашному борову не исполнить – нельзя.

– Сделаем, товарищ майор... – сказал Скворцов – а досиживать то когда?

– Когда вернетесь – разберемся там...

Джелалабад, провинция Нангархар. Дорога на Пешавар

01 октября 1986 года

Колонна уже формировалась...

Иногда Скворцов задумывался – а как было раньше? Году в двадцатом. Ведь у них, в Советском союзе – тоже была революция. И тоже была гражданская война. Неужели также? Или даже хуже? Неужели и там было такое – сплошное предательство, двурушничество, бандитизм. Бессмысленная беспощадность – та же? Все революции на это обречены? А как прадеды справились с этим – ведь им никто в этом не помогал...

Шило и Скворцова подбросил до формирующейся колонны сам майор Квача на разгонном УАЗике бригады. Колонну едва не пропустили – она уже стояла у блока мотострелков, на выезде из города и кто-то в голос крыл по матери, чтобы сдали назад, потому что бронетранспортер не может встать на положенное ему место...

Прощаться не стали – поганая это примета прощаться. На войне все становились верящими во всевозможные приметы и предрассудки. Просто Квача опять покатила в часть – а спецназовца, переглянувшись, зашагали к автобусу...

Сразу за автобусом, верней между ним и блок-постом мотострелков притулились две машины – УАЗ-буханка и Волга, причем Волга почти новая и ... черная. В Афганистане с его жарой черные Волги были редкостью.

– Вы кто?

Ага...

– Лейтенант Скворцов. Десант...

– Десант... – с усмешкой переспросил КГБшник, дико выглядывающий в черном, ГДРовском костюме и камуфляжной куртке вместо пиджака – это не тот десант, что в пятнадцати километрах от города стоит?

– Он самый.

– Сколько вас?

– Двое?

– Двое? Они что совсем охренели? Тут заместитель заведующего сектором ЦК едет. А они – двоих таких красивых вас прислали и что? Все?

Почувствовав, что сейчас нарвется – КГБшник сменил тон.

– Черт с ним, все равно уже не сделаешь ничего. Потом разбираться будем. Николай Николаевич меня зовут.

– Позывной?

– Что?

– Позывной, говорю? – Скворцов утверждался в своих худших опасениях – позывной какой твой? Как с тобой связываться?

КГБшник немного подумал, а потом выдал

– А вам зачем?

Понятно...

– Давно здесь?

– Что?

– Давно здесь, спрашиваю? – Скворцов начал злиться на все это дерьмо

– С товарищем Пачулиным приехал.

– С Пачулиным... Так вот. В любой момент – даже сейчас – может начаться бой. А в бою должно быть управление. Единое управление, иначе перебьют всех и сразу. Запоминай как текст присяги: я Гюрза, он – Шило. Ты... скажем, Москвич. Десантники... ладно, сам узнаю.

Не дожидаясь реакции на наглость, Скворцов пошел к десанникам, пробежался взглядом, выделил старшего по званию...

– Здравия желаю, товарищ капитан...

Капитан, занятый укреплением кузова выданного им Камаза с помощью мотострелков – видать новый выждали, обалдуи, поднял голову

– Тебе чего?

– Лейтенант Скворцов. Прибыл на усиление.

– Пятнадцатая бригада? – с десанниками часто работали вместе и уж они то своих соседей хорошо знали

– Так точно.

– Сколько вас?

– Двое?

Капитан тряхнул головой – не покачал а именно тряхнул. Скворцов хорошо его понимал – цензурно тут не выразишься...

– Отойдем?

Скворцов утвердительно кивнул...

Отошли – на блок-пост, за шлагбаум. Капитан выудил из кармана мятую пачку «Примы».

– Капитан Будимов... – наконец представился и капитан – будешь?

– Нет...

– Не куришь что ли?

– Не курю. Спортсмен...

– Спецназ... – протянул капитан – из местных?

– Так точно?

– А я ... капитан добавил несколько нецензурных слов – вообще из сто третьей. Знаешь, где стоим?

– В Кандагаре. Товарищ капитан, а вас то как сюда припрягли?

– Как припрягли... Операция какая-то идет, в Кабуле свободных людей не нашлось. А я как раз на замену летел... и ребята – тоже. Летели через Кабул, зашли документы выправить... тут нас и дернули... твою мать

– Так у вас что – вообще никто до этого не бывал?

– Почему? – капитан смачно выпустил вонючее облако – я был. Еще сверхсрочников у меня трое. Остальные...

– Мать...

– Вот то-то и оно. Мать. На этого лося цэковского вообще расчета не было. А ему в голову въехало... проверяльщик, блин. Считаю, подразделение – как половина. Конечно... мои все через Чирчик прошли, но опыт говорю – только у четверых, у меня и у сверхсрочников. А обстановку местную – совсем не знаю. Куда хоть едем то?

– Мармоль... – лейтенант готов бы закурить сам хотя и не курил – на самой границе. Есть тут такой душок, доктор Набир. Под ним до двухсот штыков было. Сейчас – непонятно сколько, потрепали его очень сильно прошлой осенью. Тут же душки по сезонам воют – зимой тихо. А у вас как?

– Круглый год.

– У нас проще – в основном на зимние квартиры в Пакистан уходят. Граница же рядом. Так вот – этот душок пришел снова, группа от нас на перехват вышла, вроде как была информация, как они пойдут. А потом вдруг оказалось, что банда эта – из второй категории и в первую переходит. Хотя... если судить по трем предыдущим годам как этот Набир здесь хулиганил... при таких друзьях и врагов не надо, в общем.

– А кишлак этот?

– Тоже нехорошее место. У самой границы – раз. Дорога в него одна, ответвление от основной трассы два. В лощине, можно со скал бить – три.

Капитан снова смачно выругался

– И если нас там накроют...

– Забьют без вариантов. Не вырвемся. Зеленые – они кто, ты их знаешь?

– Нет. Зеленые как зеленые. Переводчика нет, командир у них лопочет по-русски – моя-твоя и все. Нормально взаимодействие организовать не удастся.

Скворцов просчитывал варианты – лезть головой в капкан ему совсем не хотелось.

– Вот как сделаем. У тебя связь с бортами есть? Летуны будут прикрывать?

– Это есть. Пара крокодилов под парами стоять будет.

– Тогда вот что. Рискнем капитально. Делимся на две группы. Ты остаешься в резерве вместе со всеми своими и половиной сорбозов. В кишлак двинем мы двое, КГБшники и оставшиеся сорбозы на трех, нет двух коробочках. У тебя остаются две трети брони, и ты остановишься вне ловушки. Перед тем как двигаться вперед – поднимем крокодилов, попросим проверить, что там впереди. Если что... ты двигаешь нам на помощь, принимаешь командование над сорбозами и вызываешь в помощь мотоманевренную группу с Джелалабада. Как?

– Ты лейтенант... смелыйшибко. Слыхал...

– Про старых и смелых? Слыхал, товарищ капитан. Если там засада – то броня не поможет, хоть две коробочки, хоть шесть – спалят. Так у нас хоть какой – то шанс останется.

– Добро... – капитан докурил сигарету, щелчком отправил бычок на пыльную обочину – не знаю, как будет, но с места не сойду, пока тебя не вытащу, если что.

– Позывной у тебя какой?

– Дуб вроде как был

– Дуб и оставим, позывные менять примета дурная. Надо еще КГБшнику доложиться.

И лосю этому...

Капитан усмехнулся

– С КГБшником я сам, нормальный мужик... А лосю этому и докладываться не стоит – он поди медсестру уже щупает какую. Скучаешь по медсестрам то...

– Век бы их не видеть.

– Да не... я не в том смысле.

– Тогда скучаю...

* * *

Тронулись нескоро – ждали еще наливник с керосином. Пока было время – как смогли, укрепили КАМаз, на пол мешки с песком набросали, сколько было, борта нарастить и укрепить не удалось. Еще бы «золушку»⁹⁹ в кузов – но это вообще на грани фантастики – как говорится, за неимением гербовой пишем на простой.

Наконец – афганский бэтр зачихал, выбросил здоровенный клуб сизого дыма – афганцы за техникой мне ухаживали и обслуживали, только если их заставляли это делать «шурави мушавер» – и стальная змея, пылая вонючим дымом, попирая колесами каменистую афганскую землю тронулась...

Сам Скворцов сел в КамАЗ рядом с капитаном, чтобы в случае чего принять командование на себя – а вот Шило отправил в машину, где ехал высокий гость из Москвы, заставив

⁹⁹ Золушка – ЗУ-23-2, устаревшая 23-миллиметровая зенитка. Это она против воздушных целей устаревшая, против наземных, для поддержки пехоты, особенно при действиях в горах, где приходится стрелять под большим углом – ей цены нет. Иногда в кузов ставят ЗПУ-2, тоже зело полезная штука, тем более что патроны к ней идут – от КПВТ, достать легко в любой зоне локального конфликта.

того потесниться. Лучше в тесноте... да не с головой простреленной. Сам лось сначала повозмущался, но потом уразумел, что ему выделяют личного телохранителя, *прикрепленного* на московском слэнге, и утих, утешив себя тем, что личного прикрепленного выделяют далеко не каждому...

Первые километры прошли относительно спокойно – дорога вилась в ущельях, то ныряла вниз, то возносилась вверх, но самое главное – ущелья не стреляли. Не стреляла и зеленка – в каких то местах они ехали по долине, по обжитым благодатным местам, по местам где развито земледелие. Возможно, руки местных крестьян когда-нибудь отвыкнут от автомата...

– Слышь, лейтенант... – капитану захотелось немного потрепаться, благо пока возможность была – хочешь, расскажу что наши отчудили недавно?

– Хочу

– Короче так. Есть у нас улицы с дуканами – не хуже чем в Кабуле. А афонец¹⁰⁰ нет. И продавать нечего. Водку – самим нужна. С караванов чего – так не каждый день на караваны ходим. Оружие, патроны – за это свои повесят, да не у всех доступ есть. А летунам что продавать? И вот они придумали. Там полно колпачков, они как бы предохраняют НУРСЫ, боеголовки при транспортировке. Никому не нужны, в общем, если только как стаканы. Но в стаканы ведь и налить чего надо. И вот наши техники из аэродромной obsługi намылились на шурави-базар. Подходят к одному дукашнику, показывают ему этот самый колпачок – есть тебя такое? Очень надо, много заплатим. Дукашник – нету, а зачем надо? Э... ты не поймешь. Ладно. Будут – звони, как говорится. Так вот – они обошли весь базар. А через пару дней уже другие предложили – эти самые колпачки. Дукашники скинулись, закупили их – море и ...в общем, ищи – свищи на них покупателей

– Русский человек на метле в космос слетает, если надо будет...

– А что хмурый то такой, лейтенант?

Скворцова немного помолчал, раздумывая.

– Я по этой дороге ездил – раз пятьдесят наверное. Первый раз я еду – и по мне никто не стреляет. Вот и думай – к добру это или нет...

* * *

– Дуб-три вызывает борт 018! Дуб-три вызывает борт-018!

– Борт-018 на приеме

– Борт-018, прошу обстановку дальше по трассе, прием!

– Дуб-три, в пределах видимости чисто.

– Борт-018, прошу проверить обстановку до кишлака Мармоль по дороге.

– Дуб-три, принято, проверим как сможем.

Вертушки прошелестели лопастями над колонной и ушли дальше. У любого, прошедшего Афганистан, звук вертолетных лопастей поднимает настроение. С вертушками намного проще, летуны не дадут в обиду, заплуют НУРСами, перепашут пулями любую, дерзнувшую огрызнуться огнем вершину. Пленные духи часто говорили: мы не так боимся вас, как боимся ваших вертолетов. Правда, в последнее время и вертолетчикам стало сложнее работать – к сварке¹⁰¹, известному врагу вертолетчиков прибавились Стингеры, поставляемые американ-

¹⁰⁰ Афоньки – афгани, прозвище местной валюты.

¹⁰¹ Сварка – чаще всего это китайский ДШК, иногда спаренный. Попадались в качестве зенитных Браунинг М2, более современные китайские «крупняки», советские ЗПУ-2 и ЗПУ-4. Слава Аллаху, у духов почти не было трофейных Утесов – с этим пулеметом, которые штатно оснащаются восьмикратным оптическим прицелом, можно было натворить дел. Были также 20 мм швейцарские Эрликоны, они использовались в системе обороны укрепрайонов. Такое ПВО было опасно для любых типов вертолетов, обычный транспортник Ми-8 пробивался пулей крупняка насквозь. В то же время у нас бронированный донельзя Ка-50 был готов в 1982 году по плану и пушке. Но в Афганистан его не отправляли, ждали пока сработают доселе

цами духам. Вертолетам приходилось либо уходить на предельные высоты, откуда они не могли оказать действенную поддержку – либо работать у самой земли нарываясь на смертельный пулеметный огонь. Но летчики, как и все воины советской армии, продолжали воевать, отдавать свой интернациональный долг – хотя откуда этот долг взялся, кто успел нахватать долгов – они сказать не могли.

Но все равно воевали.

– Колонне – стоп! – сказал Сквиорцов, когда до поворота осталось совсем немного. В этих местах он ориентировался и без карты, хотя бывал – в основном ночью.

Будимов наклонился вниз к люку, передать указание – и колонна постепенно, словно нехотя – остановилась на пыльной афганской дороге, совсем недалеко от того места где она делилась надвое, отторгая из своего полноводного русла небольшой ручеек дрянной провинциальной дороги, ведущей в кишлак Мармоль.

– Занимай оборону – спокойно сказал Сквиорцов – вышли посты вон туда, там у духов подготовленные позиции. Занимай их первым иначе рано или поздно – обстреляют. Разворачивай АГС, прямо с брони работай если что.

– Добро. Позывные давай сверим. Я как Дуб-три работать буду, частота обычная.

– Лейтенант немного подумал

– А чего хитрого. «Коробочка один» обзовемся.

– Добро, Коробочка-один. Удачи.

– Тебе не кашлять.

* * *

Колонна вползала в кишлак...

Кишлак был как и все горные кишлаки – маленьким, бедным, живущим в основной контрабандой да тем, что удастся собрать с нищих огородов, на которые землю с долины носили на ослах, да на собственной спине. Сквиорцов всегда поражался – как этим люди так могут жить, и почему они сражаются. За что они сражаются – за право жить, как живут сейчас? Ведь афганский космонавт – в космос летит¹⁰².

Скопище глиняных мазанок, глухие, мрачные дувалы, кривые улочки, с гуляющим в них эхом от моторов БТР. Ни одной антенны, ни одного человека – встречают гостей здесь всегда так, скрываются где могут. Для местных крестьян нет друзей, есть только враги. Друзья – это твой родное племя, все остальные – враги, ничего хорошего от них ждать не приходится. Особенно если пришельцы – с оружием и на ревушей, плюющей дымом бронетехнике.

Первым делом – заняли позиции на площади. Кишлак казался как будто вымершим – и это было не к добру...

– Внимание. Распределиться по секторам, вести наблюдение!

Как хреново, что вокруг – с миру по нитке. Были бы свои – на месте была бы душа. Хотя – какое к черту на месте, когда голову суем в петлю.

И еще этот наливник, вспыхнет – тогда вообще...

невиданный противотанковый ракетный комплекс с дальностью боя десять километров. Навесили бы четыре блока НУРС, сделали бы партию штук 50 и отправили бы в Афган – сколько бы жизней тем самым спасли бы. Ка-50 ни одной из существующих систем ПВО духов – кроме разве что Стингеров, и то не факт – сбить было невозможно, он мог бы летать над горами безнаказанно и методично смешивать с землей все что шевелится.

¹⁰² Это действительно было так, афганский космонавт побывал в космосе. Многие афганцы сейчас очень сильно рассказывают в том что сражались с нами. Не раз, уже после оккупации международной коалицией, простые афганцы говорили русским – вы тут построили это, это, это и это – а американцы – только вот это. Но разница видна только на расстоянии и сделанного – уже не воротишь. Что такое «Талибан» и «ваххабизм» – афганцы тоже не знали тогда, даже те кто воевали с нами.

– Пустота. Нет ни птиц ни скота – только террасы с натасканной поколениями дехкан земель. Они таскали эту землю, кто на ослах, кто на спине – пару десятков километров только в один конец и все для того, чтобы собрать скудный, политый потом урожай на своих грядках. А потом половину, а то и больше – они отдадут баю, хозяину этих мест. И они отдадут этот урожай, зная, что им нечего будет зимой есть самим и отдадут безропотно – потому что так делали их отцы и деды, потому что этот, веками установленный миропорядок – от Аллаха. А те, кто приходят из городов под красным флагом, кто выступает на митингах, кто призывает взять всю землю себе, кто призывает спускаться с гор, идти искать работу в городах или брать трактора и работать на тракторах – они от самого Иблиса, их устами говорит Иблис! Они покушаются на установленный самим Аллахом порядок вещей! Они воюют с теми, кто идет по пути джихада, и с ними воюют бледнолицые, шурави, сыны севера! Значит, мучительная смерть – то что они заслуживают, ведь так гласит Коран!

Вот так. И хрен мы чего здесь изменим.

– По фронту чисто. Движения в кишлаке не наблюдаю.

– Слева чисто.

– Справа чисто.

– Склон чист, духов не наблюдаю.

Снова, грохоча винтами, над кишлаком низко прошли вертушки. Немного отлегло – душманы боялись вертолетов как ничего другого, с вертолетами веселее, вертолеты не дадут в обиду, заплюют ракетами любую огневую точку. Если у доктора Набира нет Стингеров...

Скворцов наклонился так, что бы его слышал механик-водитель, сам он сидел на броне – но так чтобы с нее можно было легко и быстро спрыгнуть.

– Вперед! Медленно вперед, понимаешь?

Водитель – афганец, но учившийся в русском училище и понимающий русский язык обрадовано закивал, показал большой палец – понял. Сам лейтенант обернулся, знаками показал держащемуся наготове Шилу, что он собирается делать. Тот ответил знаком – «понял».

Скрежещет, осыпается по колесам гравий – каменная крошка. Местные горы – старые, избитые временем – но все еще остающиеся неприступными. Может быть, когда-нибудь эти горы раскрошатся до основания, и на этом месте будет равнина? Может быть? Только – не в этой жизни...

*Мы обречены на войну. Мы обречены сражаться в этих горах. Горы
никуда не денутся, пока мы живы. Духи никуда не денутся, пока мы живы.
Мы уйдем – духи пойдут за нами, война пойдет за нами. Война не оставит
нас в покое.*

Пока мы не победим.

Звук движка резонирует, отражается от горных вершин, от стен – и возвращается. Все, буквально все – дышит опасностью. Доктор Набир – не из тех, кого легко взять, это битый и травленный волк. Хитер, жесток, безжалостен. Профессионал – это признавали все, это было видно по операциям, которые он проводил – жестокий и безжалостный профессионал. Он один из немногих, кто «идейный» – это не значит, что Набир отказывается от денег, но основным мотивом его поступков является все-же ненависть. Просто удивительно, что «зеленые» связались с ним и перевербовали, а штаб в Кабуле – этому поверил. Еще неизвестно, кстати – кто кого перевербовал, бывало всякое – и агенты, до этого и год и два поставлявшие ценную информацию приводили группу в засаду. Все – зашевелившаяся зелень на склоне, шорох потревоженной каменной осыпи, на миг мелькнувшая над дувалом голова – все это может предупредить опытного и настороженного человека лоб опасности, позволить в самый последний момент увернуться, вывернуться из костлявых лап смерти.

Несколько афганцев стояли по центру площади – маленькой, расположенной в центре кишлака, той на которой стоит низенькая местная мечеть. Было видно с улицы – они стояли плотной группой, стояли так чтобы шурави их увидели, улица была прямая и вела вверх, на площадь. Откуда они взялись – то знает только Аллах, когда они смотрели на площадь перед тем, как спуститься со склона – их здесь не было. А теперь – были.

– Стоп машина!

Скворцов соскочил с машины первым, стукнул по броне прикладом – командовать все равно не получится, а сам по себе он кое-что сможет сделать если что. Медленно, держа наготове автомат, двинулся навстречу стоящим рядом с мечетью афганцам. Все это походило на какой-то дикий, безумный вестерн, только афганцев было несколько человек, и оружие они сложили перед собой. Лейтенант свой автомат держал в руках, прижав локтем приклад к боку, чтобы можно было стрелять навскидку.

Обдирая бортом дувал, БТР сдал назад, заставляя пятиться и другие машины колонны – все равно в узких улочках кишлака не развернуться и никого не защитить, а свобода маневра нужна. Если с самой окраины работать из КПВТ и маневрировать при этом – не факт что сожгут. У духов тоже не все гранатометчики – снайперы, скорее наоборот.

Дувалы. Пыльная, идущая вверх к мечети улица. Нищая желтизна домов, зловещая тишина...

Топот – сзади. Оглянулся – афганцы, двое. Из колонны. Нарушили приказ, ломанулись вперед. Партядро, блин, один наверное переводчик. Все эти пяртядра... не мучались бы с ними, только проблемы от них. Где они есть – там есть, а где нету – так и не надо, пусть люди живут как веками жили до этого. Не воюют – и ладно. Ну, нет тут пролетариата, чтобы идеалами коммунизма проникся, нету...

Третий – ГБшник. С ними бежит. Этот-то куда сунулся, мудак...

Один из афганцев шагнул чуть вперед. Крепкий лет сорока, заросший бородой. Какие-то четки в руке. Ни дать ни взять – Абдулла из Белого солнца пустыни. Судя по всему, это и есть доктор Набир. Бывший офицер афганской армии, халькист, при Дауде учился в Советском союзе, в училище. Потом сбежал – во время кармалевских чисток, когда гребли всех поголовно, как незадолго до этого гребли сторонников самого Кармая. Теперь вольная птица, дукандор, несколько дуканов у него здесь и в Пакистане. Умный, сволочь, деньги в дело в торговлю вкладывает. А мы дураки – плодим врагов на ровном месте.

– Вы доктор Набир? – Скворцов остановился за несколько метров от него, спросил по-русски

– Набир-шах¹⁰³... – церемонно сказал афганец, будто он не сдается, а принимает капитуляцию поверженного противника.

Что-то залопотал на пушту афганец – но Набир не слушал его, даже не обращал на него внимания – будто муха жужжит – отмахнулся и все. Ему был интересен именно русский.

– Это вся твоя банда, Набир-шах?

– Первым сдаемся мы. Потом – остальные. Такова договоренность.

Скворцов сделал пару шагов вперед, подобрал с земли автомат, положенный перед ним Набир-Шахом. Дешевая китайская дрянь, такую обычно дают новобранцам, их не жалко если и пропадут. После нескольких магазинов начинает клинить. Неужели, у главаря крупной и опасной банды такое дешевое, никуда не годное оружие?

Набир-шах что-то крикнул – и из-за дувалов начали выходить остальные, один за другим, складывая оружие в кучу между ними – русским воином и афганским бандитом...

¹⁰³ Приставка «-шах» говорит о многом, вряд ли бандит Набир имел право на такую приставку к имени.

* * *

Дальше – все пошло по плану. Обычная сдача, проходили не раз и не два. У мечети поставили наливник, начали раздавать керосин. Керосин в Афганистане стоит дорого, потому что в сельской местности керосинка, керосиновая лампа – основной осветительный прибор. Приехавшие шурави щедро лили остро пахнущую жидкость в подставленные емкости и не брали за нее денег – для афганцев это было дико до беспредела. Но – бери, пока дают и афганцы все шли и шли за подношением от безбожников. Так они и брали, керосин, деньги, муку, листовки – но остановит ли это подношение, память о даре шурави, когда придут в кишлак бандиты и начнут набирать людей, чтобы идти и забить колонну на трассе?

Навряд ли...

Чуть в стороне работал госпиталь. Маленький, всего в одном КУНГе на базе Зил-131, но здесь испокон века не видали и такого. Здесь веками не было ни нормальных врачей, ни нормального госпиталя, все жили под Аллахом и считали, что если кто отправился в райские кущи – значит, так тому и быть, значит пришло его время. Сейчас же врачи-шурави осматривали афганцев, выстроившихся в очередь, давали лекарства, ставили первые в жизни этих простых, живущих на нищей земле крестьян диагнозы. Новая власть добралась и сюда – кстати, нередко было, что после шурави в кишлак приходили душманы и штрафовали тех, кто посмел показаться врачу-шурави.

А перед самой мечетью поставили трибуну. Деревянная самодельная трибуна, украшенная пыльными кумачовыми тряпками, на которых белым было написано непонятно что. Конечно же, советский «упал-намоченный» не удержался от того, чтобы толкнуть речь перед малограмотными афганцами. Получалось это у него плохо тем более с бодуна – но он старался...

Скворцову на все на это было тошно смотреть. Что-то глупое и бессмысленное было в этом во всем, что-то неправильное. И кривляния едва пришедшего в себя после выпитого партийного на трибуне, и раздача керосина, и сдача духов с дешевыми автоматами – их же им и вернули, переписав номера, теперь это был местный отряд самообороны. Разве так ведется война? Нет, разве так ведется война? Разве так вели себя наши деды в сорок четвертом? Освободив свою страну, они вступили на территорию Европы как победители, и погнали врага до самого его логова. Разве можно было себе представить, что какие-то местные фашистские выкормыши, например, на Украине, вот так вот сдаются, им возвращают их же оружие и делают вид, что они теперь охраняют советскую власть в районе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.